ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Опальные воеводы

Ратные подвиги русских воевод

Трагедия опального князя Курбского

Взятие Казани

Царь Иван против своей страны

АНДРЕЙ БОГДАНОВ

Опальные воеводы
Андрей Богданов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга известного историка и литератора раскрывает тайны военной истории Московской Руси времён Ивана Грозного. Личности русских воевод XVI века стали ключом к загадкам славных побед и одолений, превратившихся вскоре в катастрофическое военное поражение и Великое разорение нашей страны.

За последующие столетия прославлению и оправданию тирана была посвящена огромная литература. Но целые сонмы «вселукавых пагубников Отечества» не смогли извратить и уничтожить правду, скрепленную святой кровью подвижников. Книга академика Богданова ярко и увлекательно рисует события седой старины. Знакомство с реальными фактами позволяет читателю отчетливо видеть, кому и зачем требуется в наше время «бесстыдствовать и оправдывать такого человекорастерзателя».

- А. П. Богданов
  - Предисловие
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Часть третья
    - Глава 1
    - Глава 2
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38

А. П. Богданов
Опальные воеводы

Предисловие

Мастерство и маститость — слова удивительно созвучные. И по смыслу родственные. Применяются они обычно к людям, долго, много и красиво проработавшим в той или иной сфере культуры. А если ученый-историк более трёх десятилетий с искренним любопытством стремится к поиску нового и обладает абсолютным историческим слухом? Верно и точно передает замершие узоры давно прошедших времен в изящном и динамичном ритме современного исследования? Тогда мы получим в высоком смысле профессионала, работающего в жанре исторического документального повествования. Это и будет Андрей Петрович Богданов — автор новой книги, которую раскрыл читатель.

Столетия невероятных физических и нравственных испытаний пережил восточноевропейский мир. Лихолетья иноземного ига и, что много опаснее для самосознания народов, варварство собственных правителей, царей и генсеков, сознательно (а порой подсознательно) уничтожавших лучших из лучших. Истинных патриотов и радетелей за общее благо, которые и составляли собственно элиту генофонда нации. О таких людях, о «соли земли» нашей говорится в этой книге.

Автор уходит всего на четыре века назад. Всего лишь в утро вчерашнего дня с точки зрения мирового цивилизационного процесса. XVI век. Русь ещё не стала Россией, но уже стряхнула монгольское иго; Москва собирала вокруг себя восточных славян, финно-угров и тюрков — всех, кто жил или пришёл на Великую Русскую возвышенность. И на этом могучем подъёме всем им, объединившимся в Московское государство, довелось захлебнуться слезами и кровью, которые без жалости проливал тиран на троне — Иван Грозный. Но не о нём речь в книге.

Московский воин. Гравюра XVI в.

Герои этой книги — замечательные русские полководцы, люди необыкновенных дарований и выдающихся заслуг перед Россией. Это Александр Борисович Горбатый-Шуйский и Семён Иванович Микулинский-Пунков, Андрей Михайлович Курбский и Иван Васильевич Большой-Шереметев, Даниил Фёдорович Адашев и Пётр Семёнович Серебряный-Оболенский, Иван Петрович Шуйский и их товарищи.

Под командой славных воевод ратники Московского государства одержали немало блестящих побед над храбрыми и умелыми противниками. Русь защитила свои границы и отвоевала исконные земли на западе, разгромила Казанское и Астраханское ханства, укрепилась на Северном Кавказе и вышла к Балтике, померилась силой с наследником Золотой Орды — крымским ханом и его повелителем — султаном Османской империи.

Русь крепла и побеждала. Судьба победителей была трагична. Один за другим они безжалостно уничтожались Иваном Грозным, вырезались семьями и целыми родами. Кровожадный и трусливый тиран вёл войну против собственного народа, хотел руками опричников и внешних врагов обратить в покорное молчаливое стадо всю Святорусскую землю. Лучшие воины страны, её опора перед внешним врагом, первыми попадали под опричные ножи и сабли нахлынувших на Русь «братьев» царя Ивана IV.

Турецкий флот уже поднимался вверх по Дону, а янычары топтали земли Поволжья. Крымский хан, ещё недавно не надеявшийся на спасение в Крыму, жёг русские города и саму Москву. Шведы занимали крепости, защитники которых были вырезаны опричниками, польский король стоял под стенами Пскова, и истекавшая кровью Русь вновь должна была бороться за своё существование. Страна была приведена самодержцем на порог гибели.

Воеводы знали, какая «награда» ждет победителя. Но каждый раз на место невинно убиенного по приказу царя становился другой полководец — и заступал путь врагу. Это было важнее собственной жизни — заслонить Отчизну. Русская армия была ослаблена страшными репрессиями. Наши полки нередко в десять раз уступали неприятелю по численности. Но они вступали в бой — и янычары бежали до Стамбула, а крымские ханы запирались в Бахчисарае. Польша и Швеция отступали, поумерив свои аппетиты на русские земли.

А победителей уже пытали и жарили на огне, морили в заточении и травили ядом, обвиняя в несуществующих заговорах и «изменных сношениях» с неприятелем. Немногим удавалось спастись или найти смерть в бою. Иван Грозный и его окружение не жалели усилий, чтобы очернить казнённых тираном опальных воевод, вытравить в историческом сознании память об их подвигах, приписать себе все «победы и одоления».

Позднее некоторые наши историки, восторженно пресмыкавшиеся перед очередными вождями, продолжили дело печально знаменитого злодея на троне. Самодержавный убийца превращался под их перьями в великого полководца, автор Великого разорения — в спасителя Отечества. А князь Андрей Михайлович Курбский, чудом спасшийся от казни, чтобы во главе народного ополчения защищать людей от опричной резни, развивать науку и литературу, укреплять веру и клеймить тиранию в острых политических трактатах, был объявлен проклятым изменником Родины. И так продолжается — верными слугами тиранов — до последнего времени.

Перед вами — не просто военная история. Восстановить историческую справедливость, воздать должное нашим предкам, ратоборцам и страдальцам за свободу Родины — этому посвящена книга. В ней немало батальных сцен. Много насилия и жутковатых подробностей, есть страницы, с которых буквально капает кровь. Не для любителей любовных романов с неизменным счастливым концом это издание. Для тех, кто хочет приобщиться к Истине. Живые, иногда жестокие сцены написаны А. П. Богдановым на основании достоверных глубоких знаний о культуре и языке, о быте и тонкостях поведения наших предков. В этих деталях порой путаются романисты, их побаиваются (утонешь!) историки. В этой книге достоверность исторического контекста верно служит воссозданию во всей возможной полноте нравственных подвигов наших предков, того русского духа, который стал основой единства и величия нашей страны.

Александр Таланов

Часть первая
Исход

Глава 1
Бегство победителя

На юрьевский{1} замок наползал холодный вечерний туман. Из окна было видно, как он проглатывает сыро поблескивающие камни рва, между которыми ещё чуть-чуть, только начав свой путь к свету и гибели, пробиваются зелёные стрелки травы. Туман полз в узкие окна рыцарского зала, собираясь каплями на матовой поверхности развешанного по стенам оружия, заставляя ёжиться собравшихся в зале людей. Жаркое пламя огромного, выложенного гранитом камина обжигало обращенные к нему лица, но не могло изгнать из-под стрельчатого потолка влагу и хлад и ещё то странное, связывающее людей чувство бесполезности усилий, которое появляется, когда в их круг входит смерть.

— Решайся, князь! — сказал, отворотив лицо от камина, рослый человек в польском кунтуше. — Топор занесен, и на Руси тебе нет спасения от маньяка.

— Решайся, — повторил другой. — Рыцарю недостойно дать зарезать себя, как скотину! Нет измены в том, чтобы унести своё горло от зневоленья. Вот закрытые листы короля Сигизмунда и гетмана литовского Радзивилла. Вот ещё послания: вся польская и литовская шляхта желает ласково принять знаменитого полководца!

— Решайся, Андрей Михайлович! — проговорил человек в подбитом железом кутке, с сабельным шрамом через лицо. — Литовская Русь ныне лучше Московской. Все мы, твои верные слуги, пойдём за тобой хоть в Литву, хоть на плаху!

— Жена твоя и мать, — продолжил четвёртый, — рады лучше умереть, чем видеть твою позорную казнь или даже слышать о ней. Едем, княже![1]

Тот, кому говорились эти слова, стоял поодаль от камина, в тени, тяжело опёршись о края бойницы, глядя в призрачную стену тумана. Он не отвечал и, казалось, не замечал ни холода, ни нервной дрожи обращенных к нему голосов.

В сером тумане виделись князю Андрею Михайловичу Курбскому солнечные блики, как бы переливавшиеся со светлых маковок московских церквей на сверкающее оружие молодых воинов. Виделись ему играющие под ратниками кони, малиновая с золотым шитьем хоругвь выступающего из Москвы воинства, слышался звон копыт о свежие бревна улицы, приветственные клики столпившегося в переулках народа…

Сколько раз выступал он с московскими ратями на неприятеля?! Не помнилось. Зато осталось в памяти (и уж не забудется, покуда жив) светлое чувство радости воина, которому дано постоять за Святорусскую землю, защитить народ от ненавистного врага, освободить страждущих в плену братьев.

Помнил князь время, когда расцветало и крепло Московское государство, вырастали крылья у его полководцев, летели их мужественные полки в самые логова золотоордынских наследников, громили жадных до русской добычи ханов, очищали старинные земли Руси от насильников, смиряли разбойников.

Тогда в опустошенных русских краях, где были лишь ордынские зимовища, вновь вставали города и села, кони сынов Руси пили воду быстрых степных рек. Не забывается радость на лицах сотен тысяч идущих домой людей, их натруженные в неволе руки, хватавшие воина за позлащенное стремя[2].

Двадцать два года было князю Андрею, когда московское войско с самим царем во главе шло зимним путем на Казань. Уже тогда царский стольник и есаул Курбский слыл бывалым воином. А летом по крымским вестям, что идёт орда в тридцать тысяч сабель на рязанские земли, послал его царь оборонять город Пронск как опытного воеводу. Да, тогда ему улыбалось воинское счастье. На следующее лето с верным другом князем Петром Михайловичем Щенятевым вел он на татарский рубеж свой полк — государева воинства полк Правой руки[3].

В двадцать четыре года Андрей Михайлович выезжал из Кремля впереди своего полка на решительный бой с Казанским ханством. Пятнадцать тысяч конников шло за ним: дворян и военных холопов в серебристых панцирях, блещущих стальными пластинами юшманах, в крытых по броне цветным сукном куяках и толстых тегиляях, круглых шлемах с наушиями и островерхих шишаках, с саблями и саадаками на поясе, у седла.

В охватившем юрьевский замок тумане князь Андрей явственно видел железный строй своего полка, как наяву слышал торжественный перезвон московских колоколов, провожавших на подвиг сыновей Русской земли. Когда же это было? Да, 16 июня 1552 года{2}, в четверг первой недели Петрова поста. Недолго длилось то торжественное шествие через города и веси. На четвёртый день полк Курбского и Щенятева был поднят тревогой.

Московский всадник.
Гравюра XVI в.

Помнится, они расположились в Кашире. Воины снимали стёганки, чтобы отдохнуть с перехода, когда на коломенской дороге, от царской ставки, показался всадник — гонец с соколиным пером у виска.

— На Русь идет Крымская орда! Приближается нам время мужественно утвердиться! — так передавал царь Иван, обещая сам первым пойти на общего неприятеля. Эта весть вмиг одела в

латы весь полк Правой руки. Слыша государя своего слова, едиными устами вскричали воины: «Готовы есть за веру христианскую и государя нашего пострадать и до смерти!»

Но не скоро собирался царь на битву. Стояли воеводы и ратники в Кашире в нетерпеливом ожидании ещё более двух дней, пока не прилетел новый гонец:

— Грабит Орда землю и воюет Тулу!

Многие храбрые воеводы садились при этой вести на коня. В Ростиславле князья Иван Иванович Пронский и Дмитрий Иванович Хилков, в Колычёве сам славный князь Михаил Иванович Воротынский, на Прони с пограничной стражей князь Михаил Репнин, в Михайлове — Фёдор Салтыков. Но быстрее других переплыли Оку и устремились сквозь густые леса ратники князей Курбского и Щенятева. И спешили они недаром.

Не пошёл царь вперед с Большим полком, помочь Туле не поспешил. А как услышал государь Иван Васильевич, что с ханом пушечный наряд большой и турецкого отменного воинства — янычар — немало, сей же час удалился в церковь, потому что не мог, ради скорой тулякам выручки, «благочестием» своим прегрешить. Итак провёл день и другой: то заутреню не мысля пропустить, то обедню, то вечерю, а то опять заутреню — насилу отпустил на третий день к Кашире свой полк.

В Туле воинов было мало, все к царю ушли, собраться же в городе окрестные жители не могли. Рано утром налетели без вести татары числом семь тысяч, пошли пленить землю изгоном. Отбился мудрый воевода князь Григорий Тёмкин, успел закрыть ворота и послать гонцов о выручке. Следом за изгоном пришёл сам хан Девлет-Гирей. Приступал хан к Туле весь день, из многих пушек бил, огненными ядрами и стрелами стрелял. Потом двинулись на горящий город янычары.

Пока царь в Коломне литургию стоял — туляки гасили в городе пламя. Когда царь крестился — пошли на стены Тулы все мужчины, женщины и малые дети, мужеством исполненные. Долго бились они с янычарами, многих турок под градом побили, хотя сами во множестве полегли. И отошли янычары от стен.

Наутро хан Девлет-Гирей, видя в городе немногих людей, вновь послал на него воинов с пушками и пищалями, желая Тулу с лица земли стереть. Но уже садился на коней полк князя Андрея Михайловича и князя Петра Михайловича. Еще ночью залёг он от Тулы в немногих верстах, давая отдых коням. И как поскакало на утренней заре московское воинство, поднялась пыль столбом в самые небеса!

Увидали ту пыль туляки, обрадовались, стали кричать, что идет-де к городу православный царь. Испугался хан Девлет-Гирей,

стал звать янычар назад, побежал с отборными воинами за три реки, побросал пушки и лагерь, орду свою, что отпустил на грабёж, покинул.

Прискакал полк Правой руки в ханский стан, стал среди шатров возвращения орды из изгона дожидаться. И слетелась к своим пожиткам орда, увидала вместо хана князя Андрея Михайловича в высоком шишаке с флажком алым, бросилась на русских воинов, те же ударили встречь. От праха из-под копыт меркло солнце в летний день, от грома земля шаталась, в сабельном сверкании глаза слепли.

Не хотели татары оставлять имущество и уходить без походной добычи, бились крепко, не пятились. Русским же нечего было делать, кроме как победить и весь христианский полон спасти или самим всем пропасть: зело было в орде людей много. Час бились воины, второй сражались, когда третий к концу пошел — легла орда под копыта русского войска. Едва столько басурман ушло, чтобы в Крым весть о разгроме принести. Настигли хана беглецы у речки Шиворони — побросал Девлет-Гирей последнее и бежал с великим срамом.

Не выдал в тот день воевода князь Андрей, всегда был впереди, в самой жестокой сече. Странно было вспоминать, что не чувствовал он в бою тяжёлых ран. Не оставил он и потом полка, вернулся с ним в Коломну, где царь праздновал «свою» великую победу над ханом. Воины полка Правой руки получили восемь дней на излечение ран, а потом спешно двинулись на Казань[4].

* * *

Славное дело совершил вновь полк Правой руки, выпала ему особая честь заслонять всё войско от Заволжской орды. Боялся царь, что нападут на него лихие ногаи, потому и послал Курбского с ратниками в их сторону на пять дней конской езды путем нехоженым. Пошел полк в тринадцать тысяч сабель к старой Рязани, перешел Оку-реку многоводную, въехал в Мордовский лес.

Такого леса и бывалые воины не видывали. Деревья там стояли как колокольни, солнечный свет закрывая. Между ними лишь тропы звериные вились, по ним ходил зверь непуганый, птица на руку садилась. Лоси выходили прямо к котлам, ратникам на съедение, в сумраке говорила в лесу тварь незнаемая. Три дня света не видел русский полк, на четвёртый вышел в Дикое поле.

Не один день ехали тем полем всадники — нигде им жилья

не встретилось. Земля же там такая плодородная, что, казалось, сунь в неё копьё — вырастет дерево копейное, брось зерно — вырастет колос величиной с кулак. На девятый день пути у ратников хлеб кончился, стали они в речках на пути рыбу ловить: рыбы в тех краях видимо-невидимо, да разве рыбой накормишься! Иногда сбивали стрелой птицу мимолетную, валили зверя пробежавшего, тем и питались. По пяти неделях пути, с голодом и многой нуждой, дошли всё же до Суры-реки, где была царская переправа построена.

Здесь ратники с главным войском встретились и сухарей наелись со многой сладостью и благодарением, покупая их втридорога или у друзей-приятелей беря. Когда же перешли Суру и ехали по земле чувашей восемь дней, полями дикими и дубравами, тогда, изнемогшие от голода, принимали где в подарок, где за деньги простой чувашский хлеб — и был этот хлеб слаще сахарных калачей и марципанов!

Самым же сладким было чувство совершаемого подвига за Отечество, неодолимого на неприятеля шествия вместе с царём своим — это было всего благодарнее и радостнее. Не чувствовалось тогда никакой нужды и тягости, но соревновались все друг перед другом в стремлении к доброму подвигу за святое дело.

Особая радость охватила воинов, когда пришли они в Свияжск, были торжественно встречены стоявшими там полками и с ними соединившимися отрядами чувашей и марийцев. Во всех бедах не оставляло князя Курбского светлое воспоминание Свияжска, куда пришли воины как в свой дом после долгого и трудного пути, где нашли друзей и родных, получили посылки и письма, оказались внезапно в достатке, но без обычной в городах нечистоты и греховной мерзости…

Дивно было взять в руки ковш с квасом, прямо из Москвы привезенным купцами, когда в походе даже стрелы в тюках были считаны. Однако не одни радостные воспоминания были связаны у Курбского с приходом к Казани. Помнил он, как грозно молчала крепость, когда обступали её русские войска, на какой страшной круче стояли её стены, рубленные из бревен дубовых в богатырский обхват. Трудно было даже взглядом дотянуться до вознесшегося на вершине горы ханского дворца и сверкающих глазурью мечетей.

Главное же — сердца татарских воинов были тверды, как мореный дуб. Двенадцать тысяч конников пришло с князем Андреем и дорогим его товарищем князем Петром Щенятевым к реке Казанке, под казанскую кручу, да ещё пеших удалых стрельцов с казаками шесть тысяч над берегом реки окопалось. А

сколько из них осталось в живых?

Не мог князь Андрей Михайлович сказать дурного слова о татарских воинах, которые в одночасье, и с поля, и из города, так храбро бросались на его полк, что трудно поверить! Кто бы мог рассказать, думал воевода, какой урон в людях и конях они нам наносили, когда мы заготовляли конские корма: большие отряды не могли оборонить заготовителей от хитроумных, внезапных и отважных наездов татарских. Воистину и пишу щи не написать полно, сколько тогда было русских воинов побито и поранено!

А когда повелел царь Иван пленных, взятых на Арском поле в битве, привязать у города к кольям, чтобы молили своих о сдаче, обещая всем жизнь и свободу, — что сделали защитники города? Слова царских вестников выслушали тихо и открыли стрельбу со стен, не столько по нашим, сколько по своим, говоря:

— Лучше видеть вас мёртвыми от своей руки, чем посекут вас гяуры необрезанные!

С таким яростным врагом могли биться подлинно отважные мужи, готовые на смерть, отмщая бесчисленное и многолетнее разлияние крови христианской, а оставшихся в Казани живых братьев-православных избавляя от тягчайшего рабства. Такие мужи были в российском войске, не только русские, но и татары мирные, чуваши, мордва и марийцы.

* * *

Пушки и пищали палили в упор, стрелы летели густо, как капли дождя, камни сыпались со стен так, что и воздуха не видать было, когда шли воины Курбского на решительный последний штурм. Когда пробились ратоборцы, с великой нуждой и бедой, к стенам казанским — потёк на них вар кипящий, полетели целые бревна. Русские пушки били через головы своих, но казанцы не прятались, а во весь рост стояли на великой башне и стенах града, стреляя и рубясь с наступающими.

С горечью думал Андрей Михайлович о том, что много людей собралось на штурм, да не все под стены пришли: некоторые возвратились, другие лежали и притворялись побитыми и ранеными. Зато когда храбрые осилили и казанцы со стен побежали, мигом эти лежащие «раненые» вскочили и бывшие якобы в мёртвом сне воскресли. Из станов кашевары, коноводы и маркитанты сбежались в город, не ради ратного дела, но на корысть многую. Ибо Казань накопленными десятилетиями походов на соседей золотом, серебром, каменьем драгоценным и соболями кипела и другими богатствами. Эти трусы-грабители не

раз, а по два и по три раза в свой стан с корыстями возвращались, пока храбрые сражались без передышки.

Но те, кто шёл впереди, не оглядывались на мародеров. Бог даровал ратоборцам храбрость, упорство и забвение смерти. Радостным сердцем бились отважные с наследниками Золотой Орды, готовые победить честно или умереть со славой за Землю Святорусскую, за отцов и братьев, пленяемых и разоряемых.

Не посрамил Андрея Михайловича его родной брат — первым взошёл на стену по лестнице, и другие храбрые с ним. В полчаса отбили воины, стоя открыто под стенами, казанцев от бойниц стрелами и пулями, вломились в окна надвратной башни, рубясь и колясь с неприятелем, а из башни попрыгали вниз, к крепостным воротам. Не останавливаясь — хотя немало утрудились в тяжёлой броне, а многие имели уже раны — полезли храбрые ратоборцы за отступившими казанцами на высокую гору к ханскому двору.

Мало было храбрецов, из них девяносто восемь полегли в бою за гору. Бились более четырёх часов. Не раз мужественные казанцы хотели сбросить ратников Курбского с горы крутой, сильно налегали на них сверху от ханского двора, однако устояли русские воины. Осталось с Андреем Михайловичем меньше полутораста ратников, а казанская сила затворилась на ханском дворе, числом до десяти тысяч. Тогда пришло на полк Правой руки последнее испытание.

Умыслили казанцы не даться живыми в руки неприятелей, любой ценой хана своего спасти. Видели они, что на крутой горе русских бьется мало, бросили все и пошли вниз по узкой улице напролом.

Не могли стоять люди Андрея Михайловича против такой отчаянной силы, отступали, храбро рубясь, до самых ворот. Здесь обернулся князь Курбский к своим ратникам и крикнул:

— Если спасётся хан, устоит и ханство: тогда напрасна вся кровь!

Поднатужились храбрые воины, стали в воротах насмерть. Держали они ворота, пока не пришли на помощь два свежих полка. Бились в воротах — завалили телами ворота высокие, бились у башни — сравнялась гора трупов с великой башней. Прошли казанцы по трупам на башню, поставили там хана и закричали:

— Хотим малого времени на разговор!

Велел Андрей Михайлович своим на время остановиться, казанцы же сказали такие слова:

— Пока стоял юрт и главный город, где престол царев был, стояли и мы насмерть за царя и Отечество. Ныне отдаём вам

нашего царя живьём — ведите его к своему царю. А сколько осталось нас — выходим на широкое поле испить с вами последнюю чашу!

С тем отдали русским хана Еди-Гирея с сановниками его и вновь начали битву. Они не сражались больше за ворота, но попрыгали со стены и пошли прямо через Казанку-реку — хотели пробиться через князь-Андреев стан теми бойницами, где стояли шесть огромных пушек. Но не дремали пушкари — ударили враз изо всех этих пушек.

Тогда казанцы прошли вдоль реки ниже на три лучных перестрела, скинули тяжёлое оружие и бросились в реку. Осталось их всего тысяч шесть или меньше. Первые, перейдя реку, не побежали в лес, но натянули луки и положили стрелы на тетивы. Другие, за ними перейдя, одевались вновь в броню и становились в строй. Затем, готовые к битве, пошли от Казани плотным полком, длиной на два полета стрелы. В городе царское войско шумно праздновало победу.

Видел это князь Андрей Курбский, начал собирать людей и, добыв коней за рекой у своих станов, поскакал на казанцев с двумястами всадниками, больше собрать не мог. Хотел он рассечь неприятельский полк, коего хвост ещё не вышел из реки, и всех раньше врезался в казанский строй. Он запомнил в горячке сечи, что трижды врубался в татарский полк, а на четвёртый раз, тяжко израненный, повалился с убитым конем в середине того строя, надолго потеряв сознание.

Очнулся он нескоро и увидел себя лежащим среди трупов, с плачущими над ним, как над мёртвецом, слугами дома Курбских. Крепок был праотеческий доспех князя, и все же чудом остался он в живых. Потом уже узнал Андрей Михайлович, что две сотни благородных всадников, поскакавших вслед за ним на чело казанского полка, шарахнулись от густо летящих стрел, напугались глубины строя неприятельского и отвернули в стороны, только потершись возле него.

Князю сказывали, что позже подоспел к казанскому полку его брат, тот, который первым взошел на стену. Уже посреди поля застал он полк и врезался в чело его на всем скаку столь храбро, что и поверить трудно. В войске говорили, что дважды проехал он сквозь ряды татар, рубя направо и налево и крутясь посреди них на коне. Когда в третий раз врезался он в казанский полк, помогал ему какой-то благородный воин и они вместе разили басурман. Царские же войска смотрели на это со стен.

Сильно был изранен Андрея Михайловича брат: пять стрел торчало у него в ногах, помимо иных ран. Но был он столь крепок сердцем, что, когда пал под ним конь, взял у одного царского

слуги другого коня, пренебрегая жестокими ранами, снова нагнал басурманский полк и рубил его вместе с подоспевшими воинами до самого болота. Очень любил князь Андрей своего брата, жизнью хотел бы заплатить за его здоровье… Но умер брат на другой год, верно, от тех казанских ран.

А в тот великий день, 2 октября 1552 года, в городе Казани и станах вокруг ликовали ратоборцы. На горе в последних лучах заката красились кровью муравленые башни мечетей. На луговину, где лежал Андрей Курбский, на болото, через которое ушли последние защитники Казани, на чёрный лес, принявший в себя разгромленный, но не побежденный полк, опускалась ночь[5].

* * *

Тьма наваливалась и на юрьевский замок. Вместе с почерневшим туманом она лезла в бойницы рыцарского зала, заставляя людей ещё теснее придвигаться к камину.

«Когда же это началось? — думал Андрей Михайлович, перед мысленным взором которого уже стояли другие картины, более жуткие, чем всё, что он видел в своих многочисленных боевых походах. Сёла, вернее бывшие сёла, зияющие чёрным пепелищем. Мёртвые крестьяне: мужчины, женщины и дети, от старцев до грудных младенцев, — порубленные саблями, взорванные порохом, распятые, повешенные… Трупы, валяющиеся среди зарезанного скота и птицы. Царь не оставлял ничего живого в богатых селах и областях, виновных в том, что их хозяева — бояре и дворяне — были без суда и без вины зверски замучены, оклеветаны или просто подвернулись под пьяную руку. — Бог весть!..»

Князь закрыл глаза рукой, но перед ним ещё ярче стали лица героев Казанского взятия, их сверкающие радостью глаза, их готовность к богатырским подвигам за Святорусскую землю. Сколько их осталось? Лучшие гибнут первыми. В темнице Михаил Воротынский и Иван Большой-Шереметев. На обоих заведены «изменные» дела. Братья их, храбрые воеводы Александр и Никита, замучены. В тюрьме Дмитрий Иванович Курлятев с сыном и иные многие. В самой Думе из 55 человек осталось 42, а что будет дальше — лучше не представлять и не видеть.

Помимо воли всплывали перед Андреем Михайловичем картины московских казней, колёса с переломанными телами, окровавленные плахи, искалеченные тела на кольях, распятые с содранной кожей, расстрелянные женщины, сваленные в кучу

младенчики. В отрубленных головах узнаются черты храброго воеводы Даниила Адашева с 12-летним сыном, Фёдора, Алексея и Андрея Сатиных, молодого Дмитрия Овчинина, князя Василия Фуникова. Вот стародубский наместник и воевода Василий Шишкин, убитый после того, как у него на глазах растерзали жену и двух дочерей.

Вот спасенный от лютой муки верой в Господа ещё жив и поёт канон Христу посаженный на кол князь Дмитрий Шевырёв…

По колено в крови ходит московский царь. Идет на молитву утреннюю — зарезал на церковном пороге князя Юрия Кашина, мало показалось — убил и брата его, князя Ивана. За какую вину? Вот начал царь пить с любимыми своими ласкателями, а упившись, стал со скоморохами в мерзких личинах плясать, вздумал нахлобучить личину и заслуженному воеводе князю Михаилу Петровичу Репнину.

Отказался князь менять лицо на личину — и был убит у церковного алтаря. В Невеле зарезан по царскому приказу князь Иван Шаховской-Ярославский[6]. Пылают по всей Святорусской земле села, а кровавая рука тянется уже к городам.

Тогда, стоя у бойницы в мрачном рыцарском зале Юрьева-Ливонского, князь Андрей не мог знать, чем кончится для Руси война, начатая государем против своего народа.

Такого не было в истории, чтобы огромное, богатое государство самопроизвольно разорилось и обезлюдилось, чтобы на выжженном пространстве страны остались лишь небольшие островки населённых и обрабатываемых земель. Кто, при всей ненависти к тирану, мог подумать, что по великому торговому пути от Холмогор до Вологды изумленный иноземец проедет, не встречая ни одного населенного пункта? Мог ли князь представить себе картину, когда площадь пахотных полей всего Севера, Северо-Запада и Запада Руси — территории, превосходящей Германию и Францию, — всего за четверть века войны тирана со своим народом сожмётся до двух частей из пяти?

Там, у границ, можно было ещё бежать, спасая свою жизнь, в чужие государства. А что сотворилось в центре Руси, где в Московском уезде «запустело» 84 процента пахотных земель?! Мор и голод свирепствовали там, где прошли царские опричники и каратели — сборщики налогов. Историкам любо будет позже, спустя триста-четыреста лет после событий, списывать ужасные потери русского народа на «перенапряжение народнохозяйственных сил» из-за войны с маленькой Ливонией, на набеги крымских татар, болезни и голод… Но налоги, голод и болезни не уничтожают полностью одни человеческие поселения, оставляя рядом другие. А поземельные описания, проведенные до

и после зверств опричников Ивана Грозного, говорят:

— в Вотской пятине земель Великого Новгорода исчезло с лица земли 77,5 процента сел и деревень, а в Шелонской пятине — 90,2 процента;

— в Московском уезде осталось 25,5 процента «живущих» поселений.

Именно так: не бежали от налогов одни семьи и вымерли от голода и болезней другие, не просто сократилось количество жителей и площадь обрабатываемой ими земли, хотя и это имело место. После опричников в селе, ставшем пустошью, не оставалось ни одного человека и ни одной живой твари.

А что же крымские татары? Их набеги наносили чудовищный урон. На крымском рубеже шла страшная война на выживание, не затихавшая буквально ни на один день. Здесь был выбор: умереть, сражаясь, или стать рабом. Царь такого выбора своим подданным не давал. В Тульском уезде — форпосте борьбы с Диким полем — к концу царских репрессий количество распаханных земель возросло более чем вдвое…

Татарская сабля страшила гораздо меньше, чем ножи опричников. Геноцид гнал русский народ в южные степные районы, Нижнее Поволжье, Прикамье (откуда волна переселенцев вскоре хлынула в Сибирь), на Крайний Север[7]; массовый приток русских рабочих рук способствовал расцвету восточных областей Шведского и Польско-Литовского государств…

Курбский знал, что многие уже бежали за рубеж. Из Заболоцких трое были казнены, но один ушёл вместе с Иваном Ивановичем Ярым в Польшу. «Всеродне» уничтожены были родичи бежавших в Литву воеводы Хлызнёва-Колычёва, новгородского тысячника Марка Сарыхозина с братом Анисимом, Тимофея Тетерина.

В Литве оказались тогда Андрей Кашкаров и князь Михаил Ноготков-Оболенский, Семён Огалин и Семён Нащокин, Осьмой Михайлович Непейцын и князь Иван Борисович Оболенский, князь Фёдор Иванович Буйносов-Хохолков и князь Василий Андреевич Шамахея-Шестунов, Золотой Григорьевич Квашнин и многие, многие другие знатные люди.

Дикие расправы гнали русских людей в Швецию, «в немцы», даже в Крым и к османам![8]

* * *

«Когда же мы пропустили, — думал Курбский, — эту перемену в верхах, после которой уже невозможно стало

остановить костоломную машину убиения каждой живой души?! Неужели ещё под Казанью?» Тогда, на третий день после преславной победы, царь Иван разгневался на всех своих воевод.

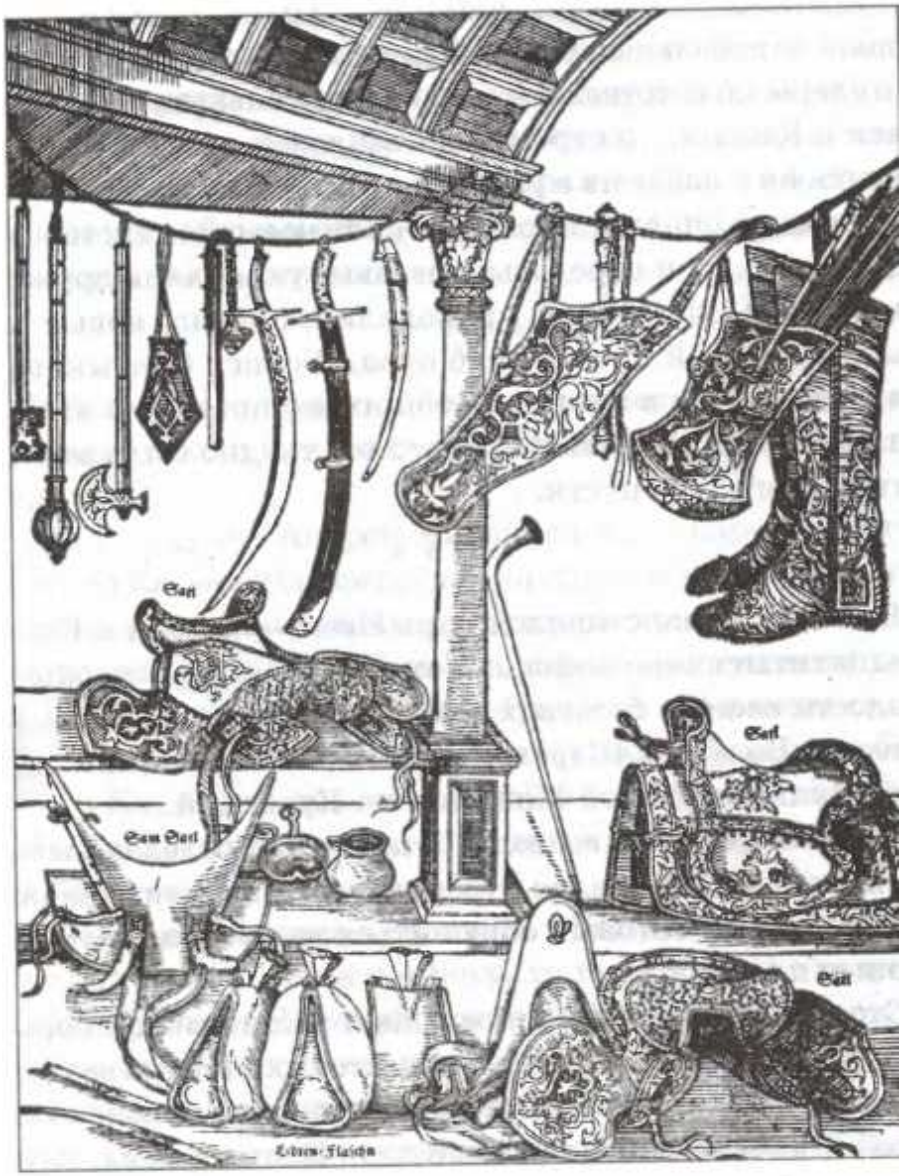
— Теперь защитил меня Бог от вас! — говорил царь. — Не мог я вас мучить, пока не покорилась Казань, слишком нужны вы были мне. Ныне, наконец, вольно мне злость и мучительство над вами показать!

И показалось тогда воеводам, что сам Сатана явил неизреченную лютость к человеческому роду, похваляясь языком тайного слуги отомстить христианскому воинству, своим мужеством и храбростью победившему врагов Христа. Это была лютость государя, который ещё в детстве любил издеваться над беззащитными животными, убивать их, бросая с высоких крылец и с теремов. А как подрос царь — стал и людей бросать, находил удовольствие в убийствах старых и малых. Но лютые повадки царя были обузданы Избранной радой….

Тогда, под Казанью, царь Иван проявил лишь собственное буйство, бросив на середине начатое дело покорения ханства. Он ушел от Казани с большей частью воинов, да ещё погубил у воинства коней, послав их труднейшим непроторенным путем к Нижнему Новгороду.

А ведь воеводам было ясно, что казанское войско ещё не до конца разбито, что самая стойкая его часть ушла в леса, что кроме татар в ханстве много других народов: мордовцев, чувашей, марийцев, вотяков, башкир, которые живут на огромной территории и пока что не приняли русское подданство.

Царь презрел добрый совет, ушёл сам и распустил войско, оставив в Казани лишь нескольких воевод с семью тысячами ратников. Слабость русского полка разжигала стремление казанцев к сопротивлению. Сколько напрасной крови было пролито за годы боев на бескрайних просторах бывшего ханства!



Русское оружие и снаряжение XVI в. Гравюра XVI в.

Курбский хорошо помнил то время, когда под командой мудрых воевод князей Александра Горбатого и Василия Серебряного небольшой русский полк то наносил стремительные удары по восставшим казанским князьям, то отсиживался в Казани, то стремился (зачастую тщетно) не пропустить их в набег на муромские и нижегородские земли.

Медленно, шаг за шагом покоряли воеводы ханство, возводили остроги и передовые заставы, укрепляли дружбу с отдельными племенами, приводили к присяге новые районы. В

кровавой битве погиб отряд Бориса Салтыкова, и сам он был убит в плену. Об общих же потерях в этой затяжной войне Андрею Михайловичу трудно было вспоминать и много лет спустя.

* * *

Наконец смилостивился царь Иван — послал в Казань тридцатитысячное войско. Командовали им воеводы, от младости своей в богатырских делах искусные: Иван Васильевич Большой-Шереметев, Семён Иванович Микулинский-Пунков, Андрей Михайлович Курбский.

Вовремя пришли воеводы. В дальних пределах бывшего ханства уже собрался отборный пятнадцатитысячный полк казанцев, готовый обрушиться на русские заставы и мирные племена.

Столкнулись войска в последней решительной борьбе: более двадцати раз сходились в жестоких сечах, и везде побеждали русские воеводы. Отступая, казанское войско уходило всё дальше в непролазные леса. Настала зима. Глубокий снег сковывал движение конницы, но русские неотступно следовали за казанцами, преодолевая лесные завалы, разбивая засады врага, мужественно перенося лишения.

Без тёплых ночлегов, впроголодь, питаясь кониной, продолжали крепкие воеводы преследование казанской рати. Уже десять тысяч казанцев полегло в боях, уже зашли они за реку Уржум и за реку Мет, за большие леса, дошли до Урала — не отставал Курбский с товарищами.

И видя впереди Сибирь, а за спиной московских ратников несказанное мужество, покорились казанские князья, принесли клятву-шерть Русскому государству. За ними усмирилась вскоре и вся Казанская земля. Только марийцы, что взяли себе хана от Ногайской орды, собрали около двадцати тысяч войска и ещё воевали два года, но и с ними удалось, наконец, помириться[9].

* * *

Трудное было время, но всего опаснее оказались метаморфозы, тихо и поначалу незаметно происходившие при дворе.

«Нет, — думал Андрей Михайлович, — царь не смог бы уехать из Казани и бросить на полпути начатое великое дело, если бы не подговаривали его втихаря приближенные, искавшие

личной выгоды. Вот оно, первое преступление человекоугодников! Немало шептали Ивану на ухо и попы-стяжатели. Недаром после приезда в Москву собрался царь на богомолье в Кириллов, да ещё с женой и младенцем-сыном».

Напрасно отговаривал его мудрый монах-философ Максим Грек, говоря царю так:

— Если и обещался туда ехать в благодарность святому Кириллу за молитву его к Богу, то такие обеты с разумом не согласуются. Почему? Когда ты добывал прегордое и сильное басурманское царство, немало пало храбрых христианских воинов, крепко бившихся за православие. Жёны и дети погибших осиротели, матери их в одиночестве в слезах многих и скорби пребывают. Много лучше тебе, царь, тех пожаловать и устроить, утешая их от бед и скорбей, собрав их всех в царствующем граде, нежели обещанья не по разуму исполнять.

— А Бог, — говорил Максим, — он везде, всюду зрит недреманным оком, также и праведные души святых, с которыми и Кирилл, всё видят с высоты и молятся за всех людей, на земном круге обитающих, особенно за кающихся и обращающихся от беззаконий своих к Богу. Если ты, царь, будешь делать добро людям — здрав будешь и многолетен с женою и сыночком.

Царь же, гордясь и упрямясь, кричал только: «Ехать! Ехать к святому Кириллу!» — так поджигали его властолюбивые и жадные к богатствам монахи!

«Эти сребролюбивые монахи, — думал Андрей Михайлович с горечью, — всегда советуют не по духовному разуму, как обязаны, но старательно прислуживают царю и властям, чтобы заполучить для монастырей земли и богатства, чтобы жить в скверном сладострастии, как свиньи обжираясь или, лучше сказать, в нечистотах валяясь! Не знаю худшего и сквернейшего, чего нельзя было бы сказать об этих „отцах“».

Когда увидел праведный Максим, что царь Иван пренебрегает его советом, то при князе Мстиславском, Алексее Адашеве и других сказал:

— Если, царь, не послушаешь меня, предашь забвению кровь убитых за православие мучеников и пренебрежёшь слезами их вдов и сирот, поедешь лишь обогащать монахов — знай тогда, что сын твой умрёт и живым оттуда не вернётся!

Как в цель стрелой, выстрелил дьявол царем в тот монастырь, где епископ был первый приживальщик царева отца, заслуженный клеветник и душегуб, гонитель мысли светской и духовной, сам с позором изгнанный с престола по требованию всего народа московского. Что мог сказать он царю, пришедшему к нему за советом:

— Как мне быть, чтобы хорошо царствовать, а больших и сильных держать в послушании?

— Если хочешь самодержцем быть, — зашептал на ухо Ивану Васильевичу сей подлый доносчик, — не держи в советниках никого умнее себя, поскольку ты сам лучше всех. Так будешь твёрд на царстве и всех будешь иметь в своих руках. Если же приблизишь тех, кто мудрее тебя, — поневоле будешь послушен им!

Так сказал лукавый старец, и с тех пор звучали в голове царя слова: «Ты лучше всех, и не нужно тебе никого мудрого». Словно бы сказал враг рода человеческого: «Потому что равен ты Богу».

Отсюда началось горе Святорусской земле, думал князь Курбский, потому что царь уверился, будто лишь он один знает правду и отвечает за своих рабов перед высшим судом. Каждый же человек в его многонародном царстве — холоп, лишённый свободы воли. Поэтому всякая душа живая, имеющая честь и ум, стала врагом царя смертельным.

Забыл царь Иван, что самодержец, который почтен царством, а дарований от Бога не получил, должен искать доброго и полезного совета не только у советников, но и у всенародных людей. Потому что дар духа даётся не по богатству внешнему и не по силе царства, но по правости душевной. Не смотрит Бог на силу и гордость, но по правде сердца и доброй воле даёт дары человеку.

Забыл царь, что человек не зверь, живущий по принуждению природы и управляющийся инстинктом, человек правится помыслом и рассудком, умом и волей. Подавить его волю, отнять ум — значит убить человека и оставить скота. Многие пытались это сделать, и обломки государств отмечают их путь. За что же на Русской земле загорелся столь жестокий пожар, что и говорить о нём словами невозможно?

Злой советник тот, Вассиан Топорков, как настоящей секирой, уничтожил ненавидимый им благородный и славный народ. Не только знатных и могучих, но множество воинов и простых людей бесчисленно царь уже предал различной смерти и не прекращает зверства!

Правда, не сразу и тогда злодейский умысел на Святорусскую землю начал воплощаться. Как бы предупреждая царя, постигли его несчастья[10]. Умер, по пророчеству Максима-философа, малолетний сын Ивана, не вернулся он из того паломничества. Разгорелись бои в Казани, напал на Русь крымский хан, развоевались марийцы. Тогда же началась Ливонская война. Царю были вновь очень нужны опытные полководцы.

* * *

Зимой 1558 года русские войска клещами с огромным размахом, из Пскова и Ивангорода, устремились в земли Ливонского ордена. Ратоборцы шли настороженно. Сам царь Иван, вздумавший наказать Орден за нарушение мирного договора, не знал точно сил некогда могучих и славных на всю Европу рыцарей. Первым вступил в Ливонию Сторожевой полк князя Андрея Курбского и Петра Головина.

Ливонские поля покрывал снег, сквозь который прорастали удивительно мощные замки из серых валунов и красного кирпича. Тяжелыми каменными стенами смотрели на пришельцев разбросанные по полям богатые немецкие мызы. Жались к лесам, казалось, хотели скрыться с глаз убогие поселения эстонских крестьян.

Полк Курбского быстро двигался вперед, готовый к жестокому бою с рыцарством. Скинутые с правого плеча шубы всадников развевались за спинами, как плащи древних богатырей, открывая придвинутые к бедру колчаны с длинными стрелами, хлопая по крупам добрых коней.

Неприятеля не было. Без малейшего сопротивления, как раскаленный нож в масло, входил полк почти на сто верст вглубь Ордена.

Сначала казалось, что рыцари не успели опомниться. По утренней заре ратники прыгали с сёдел на пугающие своей крепостью стены мыз и находили жирных немцев прямо в постелях. Днем хозяева отвыкшими от оружия руками не успевали наложить тяжёлые засовы на ворота, как конники гарцевали уже на мызных дворах. Вечером рыцари были смелее и пьянее, случайная пуля могла ударить в коня или всадника.

Но организованного сопротивления не было. Хозяева мыз хотели, казалось, только одного — бежать, хоть бы и пешком, в ближайший замок. Там, где проходил полк, дорога скоро заполнялась серыми сермягами крестьян, шедших к мызам. Ночью небо позади полка освещалось пожарами: загорались давно оставленные позади богатые дворы.

Неделю за неделей замысловато маневрировали воины Курбского и Головина, «змейкой» захватывая район на сто верст поперек, обходя мощные замки, из которых не раздавалось ни единого выстрела. Казалось, что рыцари готовились к какой-то другой битве.

Лишь однажды отряд тяжёлых латников на закованных в сталь конях ударил из замковых ворот в бок проезжавшему мимо полку. Но не нашли длинные рыцарские копья с цветастыми

вымпелами целей в плотных рядах полка: рассыпалась веером его середина, а из головы и хвоста колонны уже скакали воеводы с сотнями, отрезая нападавшим дорогу назад. Над редкими хлопками выстрелов запели высокими голосами стрелы, находя изъяны в работе немецких оружейников. Столкнулись, высекая голубые искры, длинные вертела рыцарских мечей с широкими русскими саблями. Полегли в снег окружённые рыцари, слыша надсадный скрип поднимаемых цепями ворот замка.

Так и не узнали, погорячившись, русские, почему эти рыцари оказались смелее других. А пожары уже вспыхивали и впереди полка, сжигая немецкие гнёзда со всем добром. Воеводы привыкали доверять эстам, знаками приглашавшим на неизвестные дороги, которые приводили посланные сотни к новым тяжёлокаменным мызам, хотя и удивлялись такому ливонскому междоусобству.

Пройдя около ста пятьдесяти верст по широкой дуге, выгнутой от границы, Сторожевой полк вышел в район между Ивангородом и Гдовом. Тем временем армия, ходившая от Ивангорода, повоевала земли вдоль Финского залива аж до самой Колывани{3}: Орден везде уходил от боя, а потом запросил мира.

И мир был дан. Воеводы получили приказ вложить сабли в ножны на полгода. Тогда-то немцы вновь возгордились и злобность свою природную выдали. Пока города Рига, Ревель и Дерпт собирали посольство и дары царю, желая договориться миром, вельможные и гордые немцы в Нарве, ужравшись и упившись, пошли бить из пушек по Ивангороду. Ядрами и летевшим от стен каменьем убили немцы немало люда христианского с жёнами и детками, три дня палили из пушек и на самый день Христова Воскресения не унялись.

Русские собрались в Ивангород с двух новгородских пятин, к тому же и большие пушки на стены притащили, а под стенами мортиры поставили. Видя, что немцы в перемирие не унимаются, ударили ивангородцы по стенам и палатам рыцарскими ядрами, накрыли Нарву валунами каменными из мортир, так что только щебень полетел.

Тогда немцы, от войны отвыкшие, жившие много лет в покое, гордость свою отложа, опять выпросили себе перемирие, а тем временем послали к магистру Ордена своего за подмогой, велели ему сказать:

— Если не дадите помощи, мы такой великой стрельбы не сможем вытерпеть: сдадим русским город и крепость Нарву!

Магистр прислал в Нарву четыре тысячи воинов, конных и пеших. Да только старания его были напрасны.

Впали немцы в великое пьянство и в кураже нечаянно город

свой подожгли, а когда разгорелось пламя — бежали от пожара в замок. Увидали ивангородские жители, что стены Нарвы пусты — тотчас поплыли через реку, кто на лодках, кто на досках, а кто, оторвав собственные ворота, на них поплыл. За жителями ринулись в реку воины, начальников своих не слушая. И всем скопом вышибли ворота железные, разломали стены каменные, ворвались в Нарву. Над городом выла буря весенняя, раздувая великое пламя и гоня его на крепость.

Русские побежали среди огня по улицам, сразились с немцами у ворот замка. Крепко бились рыцари и кнехты, в тяжкие латы закованные. Два часа пытались выбить ивангородцев. Но русские развернули пушки, что стояли над воротами Нарвы, и стали из них немцев потчевать. Потом подоспели стрельцы с воеводами, дружно ударили из пищалей и неприятеля в замок втиснули.

В замке стало немцам так тесно и жарко, что пошли они на переговоры, решили Нарву сдать. Кто хотел — того отпустили с оружием, что при бедрах, а большая часть осталась в своих домах. Русские помогли им потушить пожар, Москва пожаловала право беспошлинной торговли по всей Руси и свободный купеческий путь в Германию. Довольны были нарвские купцы, орденские же рыцари убрались восвояси, ругаясь и грозясь дать Москве великий бой.

* * *

С этих пор началась уже настоящая война. Пошёл князь Курбский от Пскова по разведанному пути с Передовым полком, с кавалерией и стрельцами, а за ним с Большим полком Пётр Иванович Шуйский. Они окружили сильную крепость Нейгаузен (ныне Вастселийна), и с их приходом воодушевились местные крестьяне, восстала на рыцарей вся Эстонская и Латвийская земля.

Как от страшного землетрясения, зашаталось утвержденное мечом владычество Ордена, рвал народ вековые цепи. Великий магистр Фюрстенберг сзывал под свое знамя могучие некогда полки, но не все рыцари пробивались по дорогам через крестьянские засады, много господ ложилось под топорами бывших рабов.

Били русские пушки в стены Нейгаузена — гром катился по всей Ливонии. От одной сотни храбрых казанцев бежали из своих владений большие рыцарские отряды, трепеща всеобщего восстания крестьян. Сам магистр пяти миль не дошёл до

Нейгаузена и залег, окопавшись, среди рек и болот устрашился дать прямой бой. Тверды были стены немецкие, но в три недели проломили их пушки Шуйского и Курбского. Город пал.

Задрожало немецкое рыцарство пуще прежнего. Побежал магистр в Венден (ныне Цесис), а друг его епископ юрьевский к себе в Дерпт, да не добежали. Всюду успели русские воеводы: пока Шуйский и пришедший к нему Василий Иванович Серебряный гнали магистра, добивая орденские отряды по левой руке, настиг Курбский епископово войско и поразил. Едва с несколькими рыцарями утёк епископ в свой город.

Мощными стенами окружен был древний город Дерпт (он же Тарту и Юрьев-Ливонский). Две тысячи наемных заморских немцев берегли в нем власть епископа и бились с русскими крепко. Окружив город плотным кольцом, закопались в землю воины Курбского, постепенно придвигая свои батареи к стенам. Немцы отвечали жестокой пушечной пальбой и частыми вылазками. «Воистину, — думал князь Андрей Михайлович, — они сражались достойно рыцарских правил». Но русские пушки разбили стену, а мортиры нанесли немцам немалый урон, накрывая их камнями и бомбами.

Горожане во главе с бургомистром потребовали от епископа сдаться. Не желая лишних жертв, русские выпустили епископа в его аббатство. Кто хотел — мог покинуть город, оставшиеся сохраняли свое имущество, права и самоуправление, получая те же привилегии в торговле, что и жители Нарвы.

Милость русского военного командования оказалась лучшей политикой. Когда наступили морозы и Курбский с товарищами собирался в Москву, почти двадцать городов перешли на сторону Руси и приняли русские гарнизоны. За один год Ливонский орден был разгромлен. Ликованием народа и звоном колоколов встречала столица воевод, вернувшихся с великой и славной победой[11].

* * *

«Крепко то государство, — думал Курбский, — где есть мужественные и мудрые воеводы. В самый тяжёлый час оно страшно своим врагам». Той зимой 1559 года готовила Крымская орда на Русь жестокий поход. Сто тысяч ордынцев залегли в Диком поле у рубежа, замышляя пожечь все пограничье: Рязань, Тулу и Каширу. На свое счастье, поймали татары на Красивой Мече казаков, промышлявших рыбу и бобра, доведались вовремя, что стоит в Туле Андрей Михайлович Курбский, на Рязани точит

саблю Пётр Иванович Шуйский, в Калуге вываживает коней Михаил Иванович Воротынский, в Белёве крутит ус отважный князь Даниил Вишневецкий…

Охнули хором царевичи Махмет-Гирей и Ахмат, возблагодарили своего басурманского бога за спасение и поспешили удалиться от русских границ без боя. Но не удалось царевичам отступить с достоинством: гнал их Воротынский сломя голову по лютому морозу и глубоким снегам до Северского Донца, так что вся сакма была павшими конями и верблюдами усеяна, а напоследок ещё с десяток зимовищ попленил и погубил. Едва ушли царевичи с великой тщетою и срамом в Крым.

В том же году летом, когда ходил Даниил Вишневецкий на Азов и Керчь, а Даниил Адашев высадился с воинством в Крыму, командовал Курбский на юге полком Правой руки, хранил Калугу и Мценск. А когда в следующем году развоевались рыцари в Ливонии, царь Иван вызвал Андрея Михайловича для личной беседы.

Царь был в расстройстве и страхе, казалось Курбскому, из-за поражений отдельных воевод и гарнизонов в Лифляндии, где коадьютор (заместитель) великого магистра Готгард Кеттлер предался во власть польского короля Сигизмунда, а эзельский епископ — под покровительство датского короля Фридриха II. Но поражения не умаляли замечательных успехов воевод Ивана Мстиславского и Петра Шуйского, которые взяли крепость Тирзен (ныне Тирса), совершили рейд к Риге и зашли далеко на запад за Митаву (ныне Елгава), благополучно вернувшись затем в Опочку. В феврале 1560 года Иван Фёдорович Мстиславский, Пётр Иванович Шуйский и Василий Семёнович Серебряный исключительно воинским искусством, без присущего этой войне кровопролития, взяли очень хорошо укреплённый старинный город Мариенбург (ныне Алуксне), что в восточной Латвии.

Царю Ивану везде виделись неудачи, везде чудилась измена. Он говорил Курбскому, что у всего воинства вырос страх перед немцем, потому что неискусные и непривычные к военному делу воеводы понесли множество поражений не только от равных по численности полков, но и от малых отрядов, обращавших превосходящие силы русских в бегство.

— Воеводы-беглецы вынуждают меня, — говорил Иван Васильевич князю, приведя его к себе в опочивальню и обнимая за плечи, — или самому идти в Ливонию, или тебя, любимого моего советника и полководца, туда послать, чтобы вновь обрело мое воинство храбрость. Тебе помогает Бог, потому иди и послужи мне верно!

* * *

Окрыленный этим напутствием, Андрей Михайлович прибыл в Дерпт ранней весной и, не дожидаясь подхода главных полков, открыл военные действия. Конница Курбского неожиданно объявилась под Вейсенштейном (ныне Пайда), где разгромила рыцарский отряд и взяла пленных. Продолжая разведку боем, князь приблизился к Ревелю и вызвал на себя немецкий полк. Немцы вновь были наголову разбиты.

По показаниям пленных князь установил расположение главной армии магистра Фюрстенберга. Крупные силы рыцарской конницы и пять полков солдат-ландскнехтов стояли на широкой равнине в направлении сильнейшей крепости Ливонии — Феллина (ныне Вильянди). Со стороны, где шло наступление русских, армия магистра была прикрыта обширным и почти непроходимым болотом. Отсюда их не ждали.

Курбский верил эстонцам. Те говорили, что магистр стоит посреди равнины, примерно в трех милях от кромки болота. За его спиной позиция укреплена рекой с топкими берегами, через которую есть только один мост. Конницы у Фюрстенберга четыре тяжёлых полка, пехоты с копьями и мушкетами — пять. Сильная артиллерия, причём есть новейшие пушки, добытые за большие деньги у Ганзейского союза.

Обход болота отнимал время и выдавал манёвр, который должен был совершаться в виду рыцарских замков. Магистр до сих пор не принимал сражения и легко мог уйти, разрушив за собой мост. Надо было форсировать болото. Проводники-эстонцы с жаром доказывали, что могут провести по тайной тропе всю кавалерию.

Ранним утром громкие крики куликов, казалось, оповещали весь мир о присутствии людей на болоте. Легкий Передовой полк князя Петра Ивановича Горенского бесконечной вереницей уходил по невидимой тропе в болотный туман. Хлюпанье грязи под копытами отдавалось громом в ушах Андрея Михайловича. Заметь переправу немецкий разъезд, придвинь магистр свои полки к краю болота — немцы могли бы перестрелять, как куропаток, втрое большее войско, чем пятитысячный отряд Курбского. Но пока всё было тихо.

К полудню вернулись разведчики-эсты. Горенский закрепился в версте от болота. Разъездов не высылает. От немцев движения нет. Вытирая катящийся из-под шлема пот, Андрей Михайлович приказал начать переправу главных сил. После многочасового перехода сотня за сотней выходила из болота на твердую землю. Немцы и сейчас могли попытаться смять заслон, прижать русскую

конницу к болоту и расстрелять её из мушкетов своей сильной пехоты. «Магистр, — думал Курбский, — уже должен был знать о переправе».

К вечеру, когда последний конник с хлюпаньем выдернулся из болотной жижи, стало известно, что Орден в боевом порядке выстроился на широкой равнине, удобной для рыцарской атаки. Магистр и командоры, как и надеялся Андрей Михайлович, были слишком заносчивы, чтобы начать битву в пред болотных перелесках и зарослях кустов, где исход сражения решили бы кнехты.

«Ну погодите, — говорил про себя князь воевода, — увидите, как Бог карает гордость паче разума!»

Курбский твердо решил не давать рыцарям того боя, которого они ждут. Ничего подобного Ледовому побоищу и Грюнвальду не будет! Вперёд, проламываясь сквозь заросли, пошел Передовой полк князя Горенского, а остальным воинам было приказано расседлывать коней и дать им часовой отдых. Обозные развязывали лошадиные тюки, доставая сухой харч. Войско пошло к сражению на закате.

Передовой полк столкнулся с неприятелем в полночь. Яркая луна освещала равнину. «Там, близ моря, ночи бывают светлы, как нигде», — думал князь Андрей Михайлович. Мертвенный свет скользил по латам тяжёлых рыцарских полков, море фитильных огоньков обозначало батальоны ландскнехтов, красные точки пальников выдавали позиции артиллерии. На отдаленном пригорке повисло над полем знамя Ордена, вокруг которого блестели острия копий свиты магистра.

Опережаемые громом копыт, чёрной тенью летели на шлемоблещущих немцев покрытые болотным илом всадники Петра Горенского. На холмике близ магистра медленно поднимались к луне золотые трубы, дрогнули и опустились. Перед рыцарскими полками не было плотного тела неприятельского войска, которое надо было пробить копьями, рассечь, рвать на части, топтать шипастыми подковами. Лишь тень клубилась тучей пыли и летела уже вдоль фронта. Ничего не видя сквозь низко опущенные забрала, рыцари хватались неуклюжими толстыми перчатками за крючки и винты шлемов, перекладывали поперек седел копья и тянулись к приседельным ольстрам за большими пистóлями.

Вдруг, словно какой-то великан дернул басовую струну небесной арфы, в копытный бой вплелся новый низкий звук тугих тетив, прорезанный резким шорохом и свистом густо летящих длинных стрел. Как град, со звоном и стуком ударили стрелы по плотным немецким полкам, слетаясь на блеск шлемов и огоньки

фитилей.

Взревели трубы на магистровом пригорке, и по их указу батальон за батальоном кнехтов стал взрываться мушкетной пальбой, брызнули огнями выстрелов рыцарские полки, заглушили всё грохотом пушки.

Раз за разом, в поте лица заряжая оружие, палили в мелькающие тени ослепленные вспышками немцы, получая в лицо убийственные стрелы. Уже полтора часа продолжалась битва с тенями, и, казалось, вся орденская армия вопит в ярости и боли, пробитая толстыми ясеневыми древками.

Вот сорвался без приказа и бросился по прямой, казалось ему, линии рыцарский полк; за ним пропал в ночи, оставив вместо себя кричащих раненых и холмики людских и конских трупов, второй, третий. Не доставая остриями копий врага, тяжёло топочущие рыцарские массы вычерчивали в ночи странные кривые, теряя людей, но ещё не распадаясь.

Со страшным громом столкнулись на пересекшихся линиях два рыцарских полка, их середины навалились на передних, желая достать врага мечом, а задние продолжали падать под саблями русских. В погоне за неуловимыми тенями рассыпался в разные стороны и третий полк, и уже по всему лунному пространству равнины завертелась круговерть коней и всадников, походя сминая и рассеивая ряды кнехтов.

Нервным рёвом труб старый магистр Фюрстенберг удержал, стянул к себе строй последнего рыцарского полка, истово молясь о победе над московитами в этом свальном бою. А всадникам Петра Ивановича Горенского уже приходилось туго среди многочисленных рыцарей и кнехтов, уже негде было оторваться от преследования, и всё чаще сталкивало их лицом к лицу с тяжёловооруженными немцами. Но не оставили их соратники без подмоги.

С рёвом и свистом пришел в движение весь узкий лунный горизонт на востоке. Как туча, взметнулась, поднимаясь все выше в небо, пыль над полками русской конницы, как лес молний, сверкнули в ней клинки. Не выдал своих магистр, бросил вперед последний полк, но тот потерял скорость и силу среди крутящихся всадников, расстроив ряды, сшибся с русской лавой, затрещал под тяжёлыми саблями и стал уступать.

Настало время лютой сечи. Воины Курбского напирали, орденских же воинов охватил ужас. Сначала бежали они по одному врассыпную, потом побежали группами, потом сбили русские немцев с поля и устремились в погоню, скача по телам храбрейших защитников Ордена, хватая в плен отвыкших от ратного дела рыцарей, развращенных ленью и пьянством.

Одной из первых групп беглецов была свита магистра, тащившая с собой старого Фюрстенберга, обезумевшего от позора. Эти резво проскочили по мосту и ушли по дороге на Феллин. Но под напором скакавших сзади рыцарей мост проломился и рухнул в реку.

Пролом проглатывал всё новые и новые толпы конных, мгновенно погружавшихся на дно. Даже герои, способные плавать в тяжёлых латах, пропадали, не в силах преодолеть прибрежные трясины. Немногие в предрассветной тьме сумели опомниться и остановиться. На коленях они просили о милости русских, которые, сняв шлемы, взирали на место страшной трагедии, где в водовороте крутилось одинокое страусиное перо.

Потрясенные нечаянной смертью врагов, возвращались русские воины на место побоища. Пар валил от их ватников и суконных подлатных кафтанов, кровь и пот ручейками стекали из-под шлемов по лицам, отливая червонным золотом в первых лучах восходящего солнца.

Когда светило засияло в небе, утомленный конь вынес Андрея Михайловича на магистров холмик, как саваном покрытый срубленным и втоптанным в грязь знаменем Ордена. Отсюда, насколько хватало глаз, равнина была покрыта трупами коней и людей, людей, людей…

Резкий крик с равнины заставил вздрогнуть усталого воеводу. Один, два, три — огромная масса «трупов» начала вставать. Быстро оцепившие поле конники выгоняли из хлебов и поднимали древками копий с земли целые толпы кнехтов, вовремя понявших бессмысленность своего участия в кошмарной ночной битве и либо схоронившихся, либо просто притворившихся на время мёртвыми, надеясь если не сбежать, то уж по крайней мере не попасть под горячую руку.

Пять полков пехоты, пострадавшей от стрел и конских копыт, были взяты в плен. К ним присоединили сто семьдесят знатнейших рыцарей с их отрядами и свитой. Войско Курбского потеряло около двухсот бойцов, включая шестнадцать дворян.

Избрав более длинную, но на этот раз хорошую дорогу, князь с войском и пленными пришел в Дерпт. Подлечив раны и влив в свои ряды около двух тысяч охотников, через десять дней ратоборцы выступили в новый поход: на Феллин, где укрылся магистр. Быстро, перехватывая дороги, войско достигло Феллина и засело в указанном эстами лесу.

Передовой отряд князя Ивана Золотого с ходу ворвался на улицы города и промчался, рубя встречных и поперечных, чуть ли не до ворот замка. Натурально изобразив грабителей и устроив пожар, ратники князя Ивана отступили, выманивая на себя

неприятелей. Фюрстенберг и все вооруженные немцы, горя мщением, вскочили на коней и беспорядочной толпой погнали за Иваном Золотым. Старый магистр сумел вырваться из засады только потому, что оказался в самом хвосте немецкой погони.

Той весной Курбский почти не сходил с седла и имел ещё семь или восемь боев с неприятелем. «Но к чему вспоминать, — думал он, — когда и так хорошо знаю, что ни малейший подвиг российских воинов не будет в забвении. Велика честь сражаться за Отечество, и умереть за него — прекрасная доля!»

* * *

Стоя перед темной бойницей юрьевского замка и глядя в сырую ночь, Андрей Михайлович вспомнил вдруг своего давнего неприятеля, ливонского ландсмаршала Филиппа Шалль фон Белля. Сильно надеялось рыцарство на этого сурового, мужественного воина, смело сражавшегося с отрядами Курбского. Умный и образованный человек, Филипп видел крушение государства своих предков, но оставался непоколебимо предан Отечеству.

Жарким для Прибалтики летом 1560 года тридцать тысяч конных воинов и десять тысяч русских стрельцов сошлись в Юрьеве под командой Ивана Фёдоровича Мстиславского и Петра Ивановича Шуйского. Сорок тяжёлых стенобитных орудий везли они с собой и пятьдесят пушек, которыми сбивают неприятеля со стен, самой малой из них длина была в полторы сажени (1 сажень равна 2,13 м).

Передовым полком командовал князь Курбский. Когда собралось воинство и распределены были ему начальники, выступила русская сила на град Феллин — сильнейшую ливонскую крепость, где засел магистр. Этим походом воеводы желали покончить с войной.

По сведениям разведки, магистр готовил отступление на берег Балтики, надеясь как следует укрепиться в Хаапсале. Чтобы перерезать ему дорогу, двенадцатитысячный конный корпус обошёл Феллин и совершил рейд до Пярну. Андрею Михайловичу было доверено доставить к месту артиллерию.

Погрузив её на суда, Курбский прошел вверх рекою Эмайыги, затем озером Вырсярви, на берегу которого, уже недалеко от Феллина, стал ставить орудия на подводы. Основная армия широким потоком устремлялась к Феллину, прикрываясь по сторонам разъездами.

Воеводы не ждали нападения, зная незначительность сил,

оставшихся в распоряжении Шалль фон Белля. Но и тот, привыкший встречать легкие отряды Курбского, не представлял истинной численности противника.

Перед полуднем 2 августа 1560 года, выйдя из замка Эрмис, ландсмаршал атаковал остановившуюся на отдых русскую колонну. Пятьсот немецких рейтар при поддержке мушкетерской пехоты сбили боевое охранение и дошли до обоза.

Пока одна колонна вела бой, воеводы с помощью отлично знавших местность проводников-эстонцев совершили обход через лес и ударили по немцам одновременно со всех сторон, так что едва несколько человек спаслись от смерти и плена.

Храбрый Филипп, знаменитый в своем народе ратоборец, действительно последний защитник и надежда Ливонского ордена, был сбит с коня и взят в плен оруженосцем Алексея Адашева. Видя это, одиннадцать комтуров (хранителей рыцарских замков) и сто двадцать немецких дворян, не считая кнехтов, предали себя в руки победителей. Не задерживаясь на поле битвы, русские войска быстро окружили Феллин.

Прежде чем перейти к решительным действиям под городом, воеводы собрались, чтобы, как заведено, допросить пленного ландсмаршала о некоторых предметах. Светлое и веселое лицо Шалль фон Белля, который, нимало не ужасаясь, дерзко заговорил с воеводами, поразило этих мужественных и видавших виды людей. Филипп был не только храбр, но и красноречив, умен, обладал прекрасной памятью. Уважая смелого врага, воеводы отказались от мысли пыткой вырвать у него военные сведения. Пленного приказали развязать и усадили за общий стол, воздавая ему заслуженные почести.

Из разговоров с Шалль фон Беллем особенно врезался в память Курбского именно тот, первый, когда ландсмаршал говорил об истории крестовых походов, продолжаемых ныне в Латинской Америке Испанией и Португалией. Он рассказывал, как строились Рига и Ревель, как много лет покоряли и христианизировали рыцари весьма упорные дикие племена Прибалтики, которые теперь вновь восстали и благодаря русским одерживают победу за победой. Смелый пленник говорил о крепости духа рыцарей, которые только в битве с великим князем литовским Витовтом выставили одного за другим шесть магистров, один за другим погибавших в сече. Даже в боях с русским полководцем Даниилом Щеней, несмотря на великие потери, Орден выстоял и сохранил большую часть своего достояния.

— Ныне же, — продолжал ландсмаршал, — чаша наших преступлений исполнилась и гибель наша видна. Прародители

построили нам грады высокие и крепости твердые, дворцы и здания светлые — вы входите в них, не трудившись и не неся расходов. Наслаждаетесь вы нашими садами и виноградниками, домами и удобствами, которые не садили и не строили. Да что говорить о вас, добывших все это, как вы полагаете, мечом! Другие и без меча, ничуть не потрудившись, завладели нашим богатством, пообещав нам защиту и помощь. Видите, какова их помощь, если стоим мы здесь связанные перед врагами!

Слезы видны были на глазах Филиппа, когда говорил он о жестокостях Ордена, которым был свидетель и за которые Бог отдал Ливонию в чужие руки. Плакал ландсмаршал о разорении милой родины, так, что и слушатели его прослезились. А после, утерев глаза, вновь сказал он со светлым лицом: «Все же благодарю я Бога и радуюсь, что попал в плен и что страдаю за Отечество. Хотя придется умереть мне за него, поистине дорога и желанна будет мне эта смерть!»

С почетом проводили воеводы пленника под стражей в Москву и в общем послании много молили царя Ивана Васильевича не губить этого умного и честного человека. Воеводы писали, что, хорошо приняв маршала и сделав его другом Руси, можно всю Ливонию с ним взять, потому что ливонские немцы глядели на него, как на отца. Царь же, становясь всё более лютым и бесчеловечным, услыхав прямое правдивое слово Филиппа, разгорелся гневом и немедленно повелел умертвить его, зверским образом запытав «для примера».

* * *

Война между тем шла своим чередом. Пока тяжёлые полки обложили Феллин и, вырыв шанцы, обстреливали крепость из больших орудий, Курбский снова отправился в дальний поход. По сведениям разведки, против русских войск в Ливонии выступил гетман Иероним Ходкевич. Избранный на место Шалль фон Белля ливонский ландсмаршал ждал соединения с литовской ратью под крепостью Вольмар, сзывая под своё знамя рыцарство.

Не давая неприятелям соединиться, легкий Передовой полк Андрея Михайловича стремительными переходами вышел к Вольмару. Трудность состояла в том, чтобы не дать ландсмаршалу запереться в крепости. И здесь восставшие крестьяне оказали русским неоценимую помощь. Конница Курбского скрытно, лесами вышла к немецкому лагерю и неожиданно обрушилась на неприятеля. В ожесточенной схватке воевода насмерть поразил ландсмаршала. Начавшаяся среди

рыцарей паника облегчила победу; прорвавшиеся рыцари попали в руки своих крестьян.

Опережая вести об этом разгроме, Передовой полк поскакал к Вендену (ныне Цесис). Благодаря симпатии местных жителей Андрей Михайлович точно знал местонахождение литовских полков, расположившихся, для лучшего снабжения, на трёх разных стоянках. Впервые предстояло Курбскому сразиться с прославленной литовской конницей, уже несколько веков по праву считавшейся одной из лучших кавалерий Европы.

Захватить неприятеля врасплох не удалось. Из-за небольшой рощицы, скрывавшей от глаз литовский лагерь, на атакующий центр Передового полка стремительно летела лавина всадников на высоких тонконогих конях, в лихо заломленных меховых шапках. Длиннополые кафтаны, легкие кирасы или чешуйчатые нагрудники резко отличали их от ливонцев. Конники стремительно сближались. На русских наплывали уставленные торчком бороды и грозно шевелящиеся усы, литовские лёгкие клинки ласточками летали над лавой.

Глубок был русский строй, о который могла разбиться и стальная рыцарская свинья. И все же большая часть литовцев пролетела его насквозь, оставляя за собой рассеченные толстые тягиляи и проколотые кольчуги. Ещё валились с коней дворяне и военные холопы, ещё не остановили свой разбег передние, оказавшиеся перед чистым полем ряды московских ратников, как литовцы вновь сбились в лаву и ударили в другой раз. Курбский едва успел собрать вокруг себя лучших бойцов, которые развернули коней, чтобы принять своим ударом литовцев и дать опомниться проскакавшим дальше воинам. Князь сумел достать открытый бок лишь одного из супостатов, а на крепкой броне ощутил три мощных удара. С таким противником шутить не следовало.

Однако не помогло мужество литовцам, которые, пробившись, могли уйти, но предпочли продолжить сечу. Немало и у них храбрых полегло в первой схватке. Когда же прорубили они себе дорогу во второй раз, выскочили на них свежие отряды князей Горенского и Золотого, давно посланные Курбским окружить неприятельский лагерь. Смелость завела литовцев в мешок, вырвались из которого немногие. Сам полковник, который только что вел людей в бой, валялся в истоптанном поле проколотый саблею.

А Курбский уже поспешал к другому литовскому лагерю. И вновь закипела сеча. Но теперь передовой отряд заманил неприятеля на узкую лесную дорогу. Понесли потери храбрые воины князя Ивана Золотого — трудно было уйти от лихой

литовской погони. Однако стиснуты были легкие литовские конники в лесных буераках, полили вековой мох своей молодой кровью. Пробитый стрелой, пал второй литовский полковник.

Перевязав раны, наточив широкие сабли, наутро ударили ратники Курбского на третий литовский полк. Не поддался старый полковник гетмана Ходкевича на хитрости, укротил безумную отвагу своих храбрецов, стал с боями отходить к Риге. Больше половины пути одолел бывалый вояка да попал в крестьянскую засаду. Думал её промахнуть с ходу, не считая холопов за воинов, но остался лежать на лесной засеке с топором в черепе. До самой Риги гнали русские конники остатки литовских полков, едва столько неприятелей ушло, чтобы гетману вести принести. По всей Латвии полыхало тогда крестьянское восстание.

Слыша о поражении полковников своих, ужаснулся Иероним Ходкевич, пошёл самым скорым маршем из Лифляндской земли аж за Западную Двину, реку великую, скрылся от неистового воеводы князя Андрея Михайловича. Тот же, постояв под Венденом и разослав свои отряды на десятки вёрст в стороны, победителем возвратился к Феллину.

Стенобойные орудия уже проломили внешние укрепления города. Немцы упорно сопротивлялись. Тогда воеводы решили обстреливать Феллин ночью огненными ядрами и зажигательными бомбами. Одно огненное ядро пушкари сумели вогнать в купол большого храма. От этого и других попаданий в городе начался пожар. Кнехты магистра взбунтовались, не желая более сражаться. Начались переговоры. По решению русских воевод солдатам и городским жителям был разрешен свободный выход из Феллина. Остающиеся в городе полностью сохраняли свои права и имущество. Только магистр должен был сдаться и отправился в Москву, где получил от царя в кормление один из московских городов. Русские войска вошли в Феллин и быстро погасили пожары.

После капитуляции магистра воеводы воочию убедились, сколь могучим оружием является справедливость победителей и милость к побежденным. Если бы не мягкие условия сдачи, если бы немцы не убеждались многократно в честности русских обещаний, взятие города могло превратиться в настоящую бойню.

За первой, пробитой пушками, стеной стояли ещё три, выстроенные из прочнейшего камня; возле них были сооружены удивительной глубины рвы, облицованные гладким камнем. Восемьдесят крепостных орудий, четыреста пятьдесят больших и малых пушек, множество запасов… Крепость недаром считалась неприступной. В цитадели не только храм и укрепления, но даже

поварня и стойла были покрыты сверху толстыми оловянными плитами.

Вслед за Феллином воеводам сдались сильные крепости Руя, Тарваст и Полчев. Для наступления на Ревель необходимо было взять ещё мощную крепость Вейсенштейн. Её осада затянулась. Войскам требовался отдых. Всеобщее крестьянское восстание лишило ливонских феодалов возможности планомерного сопротивления, но сильно затрудняло снабжение русских войск.

Укрепив гарнизоны завоеванной части Ливонии, воеводы отошли к Дерпту. Они не предполагали, что не смогут развить свой успех и по возвращении в Москву получат не награду, а царский гнев — за то, что не взяли Ревель![12]

* * *

«Ни от одной смертоносной язвы, — думал Андрей Михайлович, — не может быть большего мора в царстве, чем от злобных клеветников и доносчиков-сикофантов. Царь не зря допустил их к своим ушам — он сам желал этого, жаждал крови мудрых и мужественных людей, которые защитили Русь от враждебных соседей. Злоба стала расплатой за доброту, жестокость — за преданность, коварство и хитрость — за верную службу».

Ради чего стараются клеветники и мерзавцы в царском совете? Поистине ради того, чтобы злоба их не была изобличена, чтобы они могли невозбранно владеть людьми, извращать суды, вымогать взятки, плодить скверные преступления и умножать свое богатство. Сама добродетель для них — преступление, каждый честный человек представляет для них опасность.

Как же составляют злодеи свою клевету? Перебирая всё, к чему сами расположены и в чем искусны, переносят это на святых и добрых мужей. Достоверно выглядит эта извращённая исповедь подлости, подробности которой честный человек и представить себе не может!

Но и этого мало было клеветникам. Разве отказывались члены Избранной рады предстать перед открытым судом при царе и всем его совете?! Злодеи же убеждали Ивана Васильевича, что если допустит он честных советников и воевод пред свои очи, то победят они злобу и вновь приведут царя на службу Святорусской земле. «Кроме того, — говорили клеветники, — всё войско и народ любят их, оклеветанных, больше, чем самого царя: побьют каменьем и тебя, и нас!»

Пока заботились советники и полководцы о государственных

интересах, собиралось вкруг царя целое сонмище льстецов, говоривших, что если бы при столь мужественном, храбром и сильном самодержце не было разумных советников, то давно бы завладел он едва ли не всей вселенной. И царь, напившись от окаянных смертоносного яда, смешанного со сладкой лестью, пуще прежнего распалил в душе свое коварство, расширил и укрепил клятвами свой сатанинский полк, вооруженный на невинных, на всех добрых людей, желающих процветания Святорусской земле.

О вы, злодеи, — думал Курбский, — исполненные всякой злобы и лукавства губители своего Отечества! Какую пользу принесёт вам это? Скоро увидите вы, как злоба обрушится и на вас, и на детей ваших! Примете вы злую смерть и услышите вечное проклятие грядущих поколений! Не мог бы тиран один восстать на Святую Русь, но только вместе с вами, несчастные и лукавые губители Отечества, телесоядцы и кровопийцы сродников ваших и единоязычных! До какой поры будете, на горе родной земле, бесстыдствовать и оправдывать такого человекорастерзателя?!

В воплях стоящих близ трона клеветников и лицемеров потонули призывы порядочных людей сохранить в государстве правый суд. Людей судили теперь заочно!

О, смеха достойный, но бедствиями исполненный суд царя, прельщенного ласкателями, — возмущался князь Курбский, — слыхано ли под солнцем о таком суде без очного говорения? Еще Иоанн Златоуст обличал попытку такого суда вопреки всем правилам, вопреки церковным канонам. Да что говорить о церковных канонах? Такого никогда не бывало ни в языческих судах, ни в варварских царствах, даже скифы и сарматы никогда не решались вести суд, где одна сторона была заочно оклеветана!

Здесь, у христианского государя, такой суд! Такой декрет изготовлен коварным сонмом льстецов на вечной памяти позор для грядущих поколений и на унижение русского народа, потому что в его земле родились эти отродья ехидны! Прогрызли они чрево матери своей, святой Русской земли, что породила и воспитала их на беду свою и опустошение…

Скоро после начала беззаконных казней воскурилось гонение великое и разгорелось по Земле Русской пламя лютости. Князь Андрей Михайлович был достаточно хорошо и широко образован, чтобы заметить аналогию между этими событиями и Словом Иоанна Златоуста об Ироде, который сам царство свое сокрушил: всё благочестие, все правила жизни, обычаи, веру, учение — уничтожил и смешал.

Царь Ирод, по словам великого учителя, был тиран

гражданам, насильник над воинами, губитель друзей. Русский же царь превзошел его злобой и жестокостью, от которой вострепетали сердца, померкло зрение, притупился ум. Он уничтожает не только друзей — тиран стал врагом всей Святорусской земли, грабителем домов и убийцей сынов.

Воистину такого гонения неслыханного не только в Русской земле, но и у древних языческих царей никогда не бывало! Ведь при этих нечестивых мучителях хватали и мучили тех, кто веровал во Христа и порицал языческих богов; тех же, кто скрывал свою веру в себе, не хватали и не мучили, хотя и было о них известно и были схвачены их родственники.

— А наш новоявленный Зверь первым в истории{4} начал истреблять сродников тех казненных без суда, и не только родных, жён и малых детей, но и всех, на кого доносили клеветники, — и друзей, и знакомых, и соседей, а то и вовсе незнакомых, оклеветанных ради их богатств и имущества. Многих повелел злодей хватать и мучить разными муками, а ещё большее число — изгонять из домов и с родной земли в дальние ссылки.

— За что царь мучит невинных? За то, что земля возопила о казненных и сосланных праведниках, обличая и проклиная льстецов, соблазнивших царя. Царь же сам телом и душой принадлежит к этому зловещему сонму — и в зверствах погребает истину, оправдывая беззаконие потоками новой крови. В страхе перед Землей велит он мучить — не одного, не двух, но целый народ; и имена невинных, что умерли в муках, множества ради уже перечислить невозможно.

— Не только тела, но сами души убивает Зверь. Он устроил засаду на узком и тернистом пути Правды, дав свободу ходить по широкому и легкому пути Злобы. Не напрасно заведены во дворце частые пиршества с пьянством и несказанным развратом, где подлость упивается огромными чашами до неистовства. Не желающих пить и творить беззакония — заставляют с великими угрозами, крича царю: «Вот такой-то и сякой-то, не желают они веселы быть на пиру твоем, стало быть, тебя и нас осуждают как пьяниц и развратников, лицемерно выставляя себя праведниками. Видно, они недоброжелатели твои, потому что с тобой не согласны и тебя не слушаются. Дух измены в них!» Так метят достойных, грозят им и губят в конце концов разными муками.

Во мраке ночи явилось Андрею Михайловичу грустное лицо Петра Турова, который пришел к князю и рассказал о своём видении. Благородному гостю приснилась его мученическая смерть, и он решил проститься с Курбским, старым боевым товарищем. Через месяц видение сбылось: Пётр Туров был

растерзан по приказу царя, а с ним немало других достойных людей.

— Странно, — думал Курбский, — как долго у царя не поднималась рука на меня, друга его юности и верного спутника в военных делах. Ведь не мог он не знать, что мне противно его поведение и ненавистны беззаконные казни! Но до времени доносам почему-то не давалось ходу. Может быть, дело в литовцах, которые в 1561 году лихо нападали на наши крепости в Ливонии, а весной следующего года вторглись с запада на русские земли.

* * *

Горящие села и монастыри в окрестностях Опочки и Себежа, видно, на время образумили царя. Не под топор палача, а в пограничные крепости посланы были прославленные воеводы. Иван Большой-Шереметев — в Смоленск, Пётр Щенятев и Пётр Серебряный — в Дорогобуж, Иван Шуйский — в Холм. Андрей Михайлович укреплял тогда Великие Луки.

Не сговариваясь, воеводы перешли в наступление и ворвались в пределы Литвы. Лёгкий полк Курбского дошел до самого Мстиславля, настиг и разгромил литовское войско.

Победы ли он искал в этих боях? Неведомо. Князь первым бросался в сечу, не оглядываясь даже, сколько поскакало за ним воинов. А у тех страх всё сильнее проникал в души, над которыми витали тени доносов. В пограничной схватке у Невеля с князем оказалось всего несколько бойцов, но он продолжал пробиваться вглубь неприятельского полка. Литовцы отступили, не преследуемые немалой русской ратью, следившей за схваткой, и их командир, Станислав Лезниовольский, представил это своей великой победой. Поле осталось за Курбским, осталась с ним и жизнь, не ушедшая сквозь новые раны.

Воевода отлежался, встал на ноги, и в конце 1562 — начале 1563 года вместе со своим старым другом Петром Щенятевым водил в поход на Полоцк Сторожевой полк. В походе присутствовал царь. Его армия обложила город укреплениями и две недели разрушала стены осадной артиллерией.

Курбский со Щенятевым лишили полоцкий гарнизон надежды на подкрепление. Сторожевой полк совершил глубокий прорыв, доскакав почти до самого Вильно. Воеводы стянули на себя все свободные литовские силы.

Когда Полоцк был уже взят, полк пробился из глубины великого княжества Литовского и соединился с основной армией.

Курбский вновь остался жив, но более страшная опасность сгущалась над его головой.

5 марта 1563 года русская армия остановилась в Великих Луках. Здесь, на глазах у военачальников, царю Ивану был сделан гнусный донос на стародубских воевод. Государь без размышлений отдал приказ об аресте князя Василия Фуникова и Василия Шишкина с жёнами и детьми. Все понимали, что это значило, но страх сковал уста полководцев, кроме вступившегося за товарищей князя Андрея Михайловича. Заступничества за обречённых царь Курбскому не простил.

Прямо из Великих Лук, лишенный чести торжественного въезда в Москву, Андрей Михайлович был выслан в Дерпт. Намёк был очевиден. Именно этот пост — наместника в Ливонии — был дан оболганному и заочно осужденному Алексею Адашеву, выдающемуся государственному деятелю, которого даже царь боялся убить открыто, настолько велики были его заслуги и любовь к нему народа. Но Адашев пользовался огромной популярностью в Ливонии, где многие города, веря в его высокую порядочность, захотели покориться без боя.

Чтобы не допустить такого крупного успеха, царь приказал схватить Адашева и тайно держать его под стражей. Здесь, в этом зале, где стоял сейчас Андрей Михайлович, прошли два последних месяца человека, восхищавшего выдающимися дарованиями даже врагов. На этой дубовой лавке у камина он лежал, охваченный нервной горячкой, здесь он тихо скончался.

Какую радость доставила эта смерть своре царских клеветников и наушников! С азартом они кричали, что Адашев отравился, что он сам признался этим в измене. Жена, дети, друзья, знакомые и просто доброжелатели рухнувшего гиганта были схвачены как соучастники мнимой измены, замучены и растерзаны. Тысячи крестьян поплатились жизнью ни за что. Топором палача в истории Руси навечно высечено было «дело Адашева»[13].

Курбский не понимал, зачем царь решил сыграть с ним подобную садистскую игру, почему не прикончил сразу. Здесь, в тесном окружении соглядатаев, князь должен был ждать смерти, ежечасно представляя себе, какой кровавый поток откроет новое «дело» — «дело изменника Курбского». А оно уже зрело в воспаленном воображении царя и его своры, обрастая «соучастниками», подробностями обвинений, «остроумными» способами грядущих казней…

* * *

Андрей Михайлович медленно повернулся от бойницы и оглядел взволнованные лица верных ему людей, старых соратников, покрытых множеством шрамов, вынесенных из десятков боевых походов. Царь не сыграет свою игру.

— Едем!

Одно слово сняло беспокойство и мучительные раздумья двенадцати человек. Лица вмиг стали привычно сосредоточенны, как всегда перед боем. Тяжелые шаги загремели под гулкими сводами зала, пискнул на входе убитый кистенем соглядатай. Выкатившаяся на небеса яркая прибалтийская луна осветила летевших из ворот замка всадников с запасными конями в поводу. Копыта гулко прогрохотали по мощеной колотым камнем дороге. Над парившим в лунном свете замком надолго легла тишина. Но вот захлопали двери, завозились у конюшен новые фигуры, и нескоро, неспешно, осторожно выбралась из замковых ворот погоня, крадучись въехала в лес, освещая путь факелами и содрогаясь от возможности нарваться на саблю неистового князя.

Беспокойство тех, кто выехал ночью 30 апреля 1564 года на поиски Курбского, было напрасным. Не останавливаясь, на ходу меняя коней, Андрей Михайлович пересек границу с великим княжеством Литовским.

Глава 2
Борьба за Русь

Из города Вольмар полетело в Московскую Русь первое обличительное послание против тирана. «Не думай, царь, — писал Курбский, — …что мы уже погибли, и истреблены тобою без вины, и заточены, и изгнаны несправедливо. И не радуйся этому, словно легкой победой похваляясь. Казнённые тобой взывают об отмщении тебе, заточённые и несправедливо изгнанные тобой из страны — обличаем тебя!»

Вызов, брошенный князем Андреем Михайловичем, произвел такое впечатление на трусливого убийцу, что он должен был на время прервать надругательство над Святорусской землей. Всю жизнь преследовал Ивана Грозного страх перед правдой, что писал в своих письмах на родину князь Курбский. Ответные послания царя предельно обнажали бесчеловечную суть тирании, «людоедства», когда «кто бьёт — лутче, а ково бьют да вяжут — тот хуже».

«Затворил ты царство Русское, свободное естество человеческое, словно в адовой твердыне!» — писал Андрей Михайлович образцовому диктатору, и их спор вышел далеко за рамки XVI столетия.

В «Истории о великом князе Московском» Курбский не просто описал войну тирана против своего народа, но показал, сколь необходимо для неограниченной власти сокрушение нравственности, извращение духовных ценностей в интересах одновременно самой мерзостной и самой активной в стремлении к приобщению к власти части общества.

Анатомию террора князь Андрей Михайлович вскрыл с ужасающей ясностью. Его «История» показывает, как оторванный от истоков нравственности юноша с весьма плохой наследственностью неотвратимо превращается в тирана с помощью злых советников, отвергая и убивая всех, кто склонял его к разуму и добродетели.

Высокая нравственность, мудрость, милосердие, воинская доблесть, гражданская честь не нуждаются в пьедесталах. Обладатели этих качеств в чести у любого нормального общества. Другое дело злодеи, способные выдвинуться лишь в обстановке беззакония. Они вынуждены создавать свою среду с извращенной моралью и с собственными бесчеловечными «законами».

Тирания является наилучшим условием процветания «опричнины», изъятой из нормальных человеческих отношений, и

наиболее эффективным государственным устройством для борьбы этой злодейской банды с неизбежно отторгающим её гражданским обществом. Чем более развито общество — тем более зверский террор необходим для подчинения его тирану.

В процессе превращения всего лишь «неправедного» царя в «сына Сатаны», апокалиптического «зверя», Грозному пришлось «рассечь жилы» самой «человеческой природе». «Ведь люди, — писал Курбский в „Истории о великом князе Московском“, — в отличие от животных, не принуждаются естеством (природой) и чувством, но управляются разумом и советом».

Царь, хоть и почтен царством, а не получил от Бога какого-л ибо дарования, должен искать доброго и полезного совета не только у советников, но и у всеродных человек (людей из разных сословий. — *Авт.*), потому что дар духа дается не по богатству внешнему и не по силе царства, но по правоте душевной, ибо не зрит Бог на могущество и гордость — но на правоту сердечную, и даёт дары, сколько кто вместит по доброй воле.

Представитель древней аристократии, Курбский занял достойное его рода место в Речи Посполитой, но не принял идеалов шляхетской республики. Для России князь Андрей Михайлович продолжал считать идеальным государственным устройством сословно-представительную монархию, сформировавшуюся в общих чертах ко времени падения Избранной рады. Именно с её устоями воевали кромешники Ивана Грозного, утверждая в залитой кровью стране самодержавие.

Людям ограниченным и малознающим вольно упрекать князя Курбского за «отсталость» его взглядов по сравнению с «цивилизованным миром», с «Европой» — не уточняя, какой именно (Россия целиком находилась тогда в пределах Европы, составляя немалую её часть).

Действительно, князь не признавал не только демократию, но и аристократическую республику, и отнюдь не писал о превосходстве власти законов над властью личности (исключая, конечно, безусловное верховенство «божественных», нравственных законов). Но ведь и знаменитая Великая хартия вольностей была вырвана у короля Иоанна Безземельного натуральными баронами, подобными князю Курбскому (1215). Великое изобилие этих «вольностей» (для магнатов, шляхты и церкви) в Речи Посполитой было чревато постоянными кризисами власти, к середине XVII века привело к крайнему ослаблению страны, а затем и к гибели государства, «поделенного» более сильными соседями в XVIII веке.

Во времена Курбского путь европейских стран в «светлое

будущее» пролегал через абсолютизм — личную власть монархов над подданными, обеспечивавшую своего рода баланс интересов сословий (исключая крестьянство) и сохранявшуюся (от покушений аристократии, например) благодаря этому балансу. Сословно-представительные учреждения (парламенты, гражданские магистраты), которым принадлежал следующий шаг на «светлом пути», имели ограниченное значение как совещательные органы и инициаторы общественного настроения.

На глазах Андрея Михайловича бодро «строили» абсолютизм монархи ведущих западных держав: Генрих VIII и Елизавета I Тюдор в Англии, французские короли от Франциска I до Генриха III (последнего в династии Валуа), Карл V и Филипп II в Испании. Более щедры на «вольности» были слабые Габсбурги, правившие в Священной Римской империи германской нации, теснимые нацелившимися на Вену турками.

Медленно, но уверенно шествовали к абсолютизму Дания и Швеция. Избежавшие этого процесса Германия и Италия были разорваны на части и смогли объединиться в рамках национальных государств лишь в XIX веке! Сильное сословное представительство зарождалось во времена Курбского только в Нидерландах, вступивших в кровавую борьбу за независимость вскоре после бегства князя в Литву (1566).

Буржуазная революция в Нидерландах победила много позже смерти князя Андрея Михайловича, так что сомнительно, чтобы тамошние Генеральные штаты могли оказать значительное влияние на его убеждения. Русский опыт князя — с непериодичными совещательными Земскими соборами, но с широким местным сословным самоуправлением — и без обращения к иноземным достижениям был довольно передовым для политической мысли XVI века.

Даже если предположить, что реализованный на деле идеал Курбского оказался бы ближе к улучшенному идеалу абсолютизма, чем к более поздним сословно-представительным монархиям, на фоне кровавого самодержавия он сияет, как звезда в ночи. Не были убеждения Андрея Михайловича и чисто схоластическими: гражданская война в России начала XVII века отчетливо показала, сколь дороги оказались идеалы сословно-представительной монархии изрядному числу россиян, создавших «Совет всей земли» из выборных представителей народа и основавших на развалинах Московского царства новое государство, названное в 1612 г. Великой Россией.

* * *

Усердным хулителям Курбского логичнее всего было бы обвинить князя в пренебрежении интересами основной части населения России — крестьян. Ведь они пострадали от царя и его кромешников сильнее всего: большая часть землепашцев была просто-напросто уничтожена. Даже в Московском уезде запустело 84 процента пахотной земли, то есть после опричной резни крестьяне смогли обрабатывать лишь 16 процентов своих прежних полей.

Разумеется, это не говорит о том, что осталось в живых столько же процентов крестьян. Они обнищали, лишились лошадей и орудий, так что средний размер запашки на один крестьянский двор снизился по России с семи-восьми четвертей (четверть — чуть больше половины гектара) до трех-четырех четвертей, то есть вдвое. Немало крестьян ушло на дикие окраины или вообще покинуло страну.

Курбский не писал специально о страданиях крестьян, ставя царю в вину общее «опустошение земли твоей — как от тебя самого с твоими опричниками, так и от помянутого пса басурманского (крымского хана Девлет-Гирея. — *Авт.*), и к тому же злую славу у окрестных соседей, и проклятие, и нарекание слёзное от всего народа».

Андрей Михайлович справедливо обвиняет царя за «всея Святорусские земли с кромешники твоими опустошение», но приведённые им страшные и многочисленные примеры касаются лиц и семей знатных, близких и хорошо знакомых князю людей. При чтении «Истории» Курбского может сложиться впечатление, что «воскурилося гонение великое и пожар лютости в земле Русской возгорелся» лишь против знати, — но это не так.

Одеяние московского боярина.
Гравюра XVI в.

Сосредоточившись на своей личной боли, князь Андрей Михайлович подразумевал, что за десятками описанных им кровавых расправ стояли тысячи безвестных убийств «всенародного множества людей». Так, рассказывая об истреблении рода Колычёвых вслед за опалой (а потом и убийством) митрополита Филиппа Колычёва, Курбский упоминает, что царь с «бесовскими сожительниками ездил, палил городки, и веси, и дворы» принадлежавших им крестьян со всеми «живущими в них».

Схватив Ивана Колычёва, Грозный велел крепко привязать его к высокой храмине-повалуше «в самых верхних каморах». В ту же повалушу и ближние строения «было полно человеков нагнано и затворено». Повелев поставить под здания несколько бочек пороха, «царь сам стал вдалеке с воинским строем, как будто под супостатным градом, ожидая, когда взорвется».

«Когда же взорвало и разметало не только эту постройку, но и другие, стоящие поблизости, он со всеми кромешниками своими, воистину как бешеный с неистовыми, со всем оным полком дьявольским, велегласно возопив, как на битве с врагами одержав светлую победу, поскакали все прытко смотреть на разорванные тела христиан. А в строениях тех, под которые был заложен порох, было множество связанных и запертых людей».

Этот единственный в «Истории» пример показывает, что Курбский прекрасно знал о массовом уничтожении крестьян и холопов опальной знати. Но ведь и русский историк Степан Борисович Веселовский в середине XX века не был понят многими коллегами, когда предложил не списывать как нечто несущественное крестьян, исчезнувших с лица земли лишь потому, что земля эта принадлежала обвиненному в «измене» боярину или казненному опричнику.

Укорить князя Андрея Михайловича можно лишь за то, что он не убедил позднейших историков признать очевидное, как сделал это убийственно ярким описанием зверских расправ над знатью и духовенством. В сталинские времена было легко обозвать жертвы опричного террора изменниками, но и до сего дня находятся историки, стремящиеся свести число этих жертв к минимуму.

* * *

Поскольку минимализация жертв государственного террора относится не только ко временам Ивана Грозного, читателю может быть любопытно узнать, как проделывалась эта афера.

Методика такова. Прежде всего следует отбросить все сообщения современников (мало ли что понапишут неофициальные лица!) и пересчитать только те «головы», кои занесла на свой счет кровожадная власть. В случае с Иваном Грозным речь идет о «Синодике опальных», куда бесноватый царь в редкие моменты ужаса перед Страшным судом заносил для поминания имена убиенных. Записи делались спустя годы после событий, далеко не всегда и не полностью, по памяти и случайно подвернувшимся под руку отчётам палачей.

Возьмём, к примеру, всемирно известный Новгородский погром 1570 года. Потрясённые трагедией современники, русские и иностранные, писали об убийстве царем от 20 до 60 тысяч человек, по основательным подсчетам историков XIX века выходило около 40 тысяч. Нашему современнику ничего не стоит отбросить эти цифры как недостоверные, «плод фантазии».

«Самые точные данные о Новгородском погроме сообщает «Синодик» опальных царя Ивана Грозного», — информирует историк XX в. Здесь помещен отчет одного из палачей — Малюты Скуратова: «По Малютина скаске в ноугороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек (ручным усечением), ис пищали отделано 15 человек». Итого — 1505 душ.

Этим бы и ограничиться, но «Синодик» называет имена нескольких сот убитых дворян и их домочадцев. «Суммируя все эти данные, можно сделать вывод о том, что в Новогороде погибло примерно 2 или 3 тыс. человек». Отлично! Такое количество убиенных уже легче списать на настоятельную государственную необходимость.

Читателя можно не информировать, что в середине XVI века в Великом Новгороде по переписи было около 5 тысяч дворов, а через 12 лет после погрома и заселения опустевшего города пришлыми переписчики насчитали едва 1 тысячу, то есть, по скромным подсчетам, исчезло 80 процентов населения. Достаточно сказать, что оно в Новгороде «в пору его расцвета не превышало 25–30 тысяч».

Не зная количества дворов, читатель не поймет, где его надули. Просто историки умножили на количество дворов среднюю численность одной семьи — это в Новгороде-то, где на боярских дворах жили сотни «задворных людей», а у зажиточных горожан — десятки работников и работниц, приемышей и т. д.

Но даже приняв население до погрома за 25 тысяч и отняв три тысячи убитых, следует объяснить исчезновение ещё 17 тысяч (если в 1582 году осталось: 5 человек на дворе, умножить на 1 тысячу дворов, итого 5 тысяч человек). Читатель уже обманут, но провести профессионалов историков намного труднее, к тому же

есть прямые сообщения летописей, которые трудно назвать «плодом фантазии летописца».

Например, новгородская летопись сообщает, что через семь месяцев после «государева погрома» оставшиеся в живых горожане вскрыли братскую могилу («скудельницу»), чтобы провести над убитыми погребальный христианский обряд. Тела пересчитали: их оказалось 10 тысяч. По чести следовало бы помнить, что многих убитых опричники сбрасывали в Волхов, кое-кого обливали горючей смесью и заживо сжигали, привязывали к саням и разбивали на дорогах… Но для лукавого историка это ничтожные мелочи: главное — избавиться от новой цифры в 10 тысяч. Припишем её чуме (хотя никто в здравом уме не вскрыл бы чумную могилу): «С наступлением осени новгородцы «загребли» и похоронили в братских могилах 10 тыс. умерших». Вот так: и «волки»-коллеги сыты, и «овцы»-опричники целы. Плохо только, что чума и голодная смерть пришли *вслед* за опричной резней. Ничего страшного — опишем «Начало великого разорения» *до* карательного похода царя по Руси и забудем жуткие рассказы современников об истреблении опричниками всего живого, не только домашнего скота и птицы, но и кошек и собак, а в особенности — о планомерном уничтожении запасов продовольствия. Скажем, что голод начался сам собой. Аналогий таких подходов предостаточно и для истории 1920–1950-х годов.

Немного передернуть — и худо будут выглядеть не палачи, а жертвы: «В дни опричного погрома Новгорода (а не после него, как было на деле. — *Авт.*) голодающие горожане в глухие зимние ночи крали тела убитых людей и питались ими, иногда солили человеческое мясо в бочках. По словам очевидцев, в Твери от голода погибло втрое больше людей, чем от погрома. То же было и в Новгороде. Вслед за голодом в стране началась чума, занесенная с запада».

Вот так, легко и элегантно, замызганные кровью хари опричников в тиши профессорского кабинета на Петроградской стороне Ленинграда отмыты почти добела: «Погром усугубил бедствие, но сам по себе не мог быть причиной упадка Новгородской земли». Виноваты сами новгородцы: «люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их Бог блюдет за глупость». Словом, достукались буйные «меньшие люди» и сепаратисты. Наши тут ни при чем, стихийные бедствия, знаете ли…[14]

Конечно, другой историк может сказать, что Великое разорение было трагическим результатом опричнины. Но и он, на свой манер опасётся доверять «опровергнутым» предшественником цифрам источников, постарается прослыть

академичным. «Вероятно все-таки, — скажет такой учёный с осмотрительностью, — цифра 10–15 тысяч человек будет близка к истине»[15].

А при чём здесь Курбский? При том, что ни первый, ни второй историк его не упоминают. Между тем князь Андрей Михайлович приводит наиболее высокие цифры казненных новгородцев. Если, по словам летописцев, во время погрома, длившегося пять недель, ежедневно погибало от 500–600 до полутора тысяч человек{5}, то Курбский пишет, что царь, «говорят, за один день приказал изрубить, утопить, сжечь и замучить другими муками больше пятнадцати тысяч мужчин, не считая женщин и детей».

Как видим, с Курбским не обязательно даже спорить: его сведения можно просто замолчать. Так что и нам неразумно было бы упрекать князя за то, что он вместо ярких эпизодов казней «сверстных» ему (равных по знатности) людей не приводит общих данных об искоренении кромешниками российского народа.

* * *

Разумеется, историку, в отличие от любителя исторического чтения, нетрудно заглянуть в наиболее полный и точный официальный документ о Великом разорении — писцовую книгу. Их сохранилось немало — толстенных, не охватить пальцами, томов сухих деловых записей чиновников, описывавших состояние земельных владений на предмет взимания налогов.

В общем и целом, делится своими наблюдениями историк В. Б. Кобрин, «писцовые книги, составленные в первое десятилетие после опричнины, создают впечатление, что страна испытала опустошительное вражеское нашествие. „В пусте“ лежит не только больше половины, но порой до 90 % земли…»

Чиновные люди Московского двора.
Гравюра XVI в.

Однако мало кто решается познакомить читателя с конкретными страницами одного из самых ужасающих документов российской истории. Давайте мысленно перенесемся в старинное здание Архива древних актов в Москве на Пироговской улице, положим перед собой один из тяжёлых

рукописных томов XVI века и раскроем его наугад, на одной из многих сотен страниц (цитирую в адаптированном виде):

«Сельцо Петрово, полторы обжи{6}, пусто, запустело в 1570 году. Деревня Ширяево, обжа, пуста, три четверти запустели в 1569 году, а четверть обжи запустела в 1570 году. Деревня Конаково, обжа, пуста; деревня Грозиловичи, обжа, пуста; деревня Веретия, две обжи, пуста; деревня Шестьниково, пол-обжи, пуста; запустели те деревни от государского похода, и дворы выжжены, как государь велел казнить Семёна Картмазова{7} в 1570 году».

Можно было проехать сотни верст по некогда богатой земле, видя по сторонам лишь заросшие чертополохом и крапивой поля и сожженные села. Дотошные писцы долго и старательно выясняли причины этой «пустоты». Везде, где только удавалось, они записывали в книги, куда делся искомый налогоплательщик:

«Опричные на правеже замучали, дети с голоду померли»; «умер от опричного правежа» (выбивания налогов), «от опричного грабежа», «от опричнины». «Лук (участок. — *Авт.*) пуст Игнатки Лутьянова, — писали писцы, — запустел от опричнины, опричники живот (имущество. — *Авт.*) пограбили, а скотину засекли, а сам умер, дети безвестно сбежали»; «лук пуст Еремейки Афанасова, запустел от опричнины, опричники живот пограбили, а самого убили, детей у него нет»; «лук пуст Мелентейки, запустел от опричнины, опричники живот пограбили, скотину засекли, сам безвестно сбежал»; «опричники замучали, живот пограбили, дом сожгли».

Среди выжженной пустыни встречались случайно пропущенные опричниками живые деревни, группы населенных пунктов и даже целые нетронутые уезды. Степень разорения частенько зависела от прихотей опричных отрядов. Они могли обойти какой-то район или вдруг смилостивиться: ограбят, но не сожгут, не вырежут мужиков, а только руки поотрубают, и то выборочно: «В Ивановском-Большом 17 человек, у 14 человек по руке отсечено. В Ивановском в Меньшом 13 человек, у семи человек по руке отсечено. В Бежицком 65 человек, у 12 человек по руке отсечено».

Кромешники-то тоже были живые люди, не чуждые человеческих слабостей. Зная, что царь не склонен делиться награбленным, они, бывало, приносили планомерность человекоистребления в жертву алчности, стремясь быстрее других нагрянуть на самые богатые места. Подстерегали их и иные соблазны, отнимавшие много сил.

Командир одного из опричных отрядиков Генрих Штаден описывал, как при грабеже богатой усадьбы он зарубил топором старую княгиню, хотевшую защитить женские покои: «Я

перешагнул через труп и познакомился с их девичьей». Насиловать — не щи хлебать. В другом селении Штаден «не обижал никого. Я отдыхал».

В целом, однако, опричники работали на совесть, намного «тщательнее» татар, почти в каждой деревне оставлявших несколько дворов на «развод». Так, в Рязанском уезде после двух набегов крымского хана во владениях Богословского монастыря имелось: в Окологородном стане три села, 17 деревень и 16 пустошей, в них 72 двора живых, 148 дворов пустых, «да 79 мест дворовых, а дворы пожгли татарове»; в Пониском стане «село да деревня, а в них 5 дворов служебных да 4 двора живущих, а людей в них тож, да пустых 21 двор, да 4 места дворовых, дворы пожгли татарове».

За такую халтуру Иван Грозный уволил бы опричников без выходного пособия (на кол или голову долой). А хан Девлет-Гирей справедливо полагал, что в оставленные дворы на место угнанных в рабство вскоре сбегутся жители центральных, северных и западных районов Руси, где особенно свирепствовали кромешники.

Трудились они не зря. До Великого разорения страны Иваном Грозным обширные северные, северо-западные и часть центральных земель (не считая вольнопоселенцев и казачества на границах) обрабатывались черносошным крестьянством, подчиненным только государству. Свободные от крепостной зависимости, эти крестьяне имели выборное самоуправление, земский сбор налогов, земский суд присяжных и другие вольности.

Утверждение самодержавия и крепостного бесправия пролегало только через уничтожение вольных хлебопашцев вкупе с прочими возомнившими о себе сословиями: ремесленниками, промышленниками и купечеством, воинами и воеводами, приказными людьми и духовенством. Все должны были стать «холопами» государя.

Противящиеся холопству должны были умереть или, подобно Курбскому, бежать из своего Отечества.

* * *

В отличие от многих, князю Андрею Михайловичу повезло: он «утёк», не дожидаясь казни, и не был захвачен на «затворенной» самодержавием границе. Наутро после побега он добрался до крепости Гельмет, где был ограблен недобитыми немецкими рыцарями. Те перевезли Курбского в замок Армус,

дограбили, но вынуждены были отпустить в Вольмар.

Литовские власти в Ливонии расследовали это безобразие и постарались принять изгнанника с честью, как и было обещано в письме князю от гетмана Ю. В. Радзивилла. Взамен утраченных на Руси двух вотчинных сел и 200 четвертин поместной земли князь получил богатую Ковельскую волость на Волыни с городом Ковелем и замком, а также староство Кревское. Позже король польский пожаловал Курбскому Смединскую волость и имения в Упитской волости.

Обширные владения жаловались князю Андрею Михайловичу под условием выполнения земской воинской повинности. По приезде в Литву он и сам, судя по обращениям к королю Сигизмунду, желал активно действовать против наступления Грозного на запад и происков его агентов в Прибалтике и самой Литве.

Зимой 1565 года Курбский командовал 15-тысячным отрядом в походе на Великие Луки. На практике война против соотечественников оказалась для Андрея Михайловича тягостной. В воинстве его «немало было ово варваров измаильтеских (мусульман. — *Авт.*), ово других еретиков», принадлежавших к реформатским течениям в христианстве.

Видимо, чувствительность Курбского на чужеземной службе обострилась. В свое время он по приказу Грозного сжег город Витебск «ив нём двадцать четыре церкви христианские». Теперь вместе с товарищем-воеводой князем Корецким Андрей Михайлович строго следил, «чтобы неверные церквей Божиих не жгли и не разоряли».

Однако уследить за рассыпавшимися по Луцкой волости отрядами было трудно. «Без нашего ведома, — признавал Курбский, — …нечестивые сожгли одну церковь, и с монастырем». Монахов удалось из пленения освободить, но Андрей Михайлович надолго отвратился от мысли воевать на Руси. Примерно через год крымский хан предложил королю Сигизмунду совместный поход на Московское государство. Памятуя о тяжёлой сабле Курбского, хан в особенности призывал в поход его, надеясь, что, как и бежавшие в Крым россияне, князь пылает мщением. Король повелел князю Андрею Михайловичу выступать вместе с татарами.

Курбский резко отказался: «не восхотел и помыслить о таком безумии, чтобы пойти под басурманскими хоругвями на землю христианскую вкупе с чуждым царем безбожным». Это Грозному хан был «любительный брат», а изгнаннику — лютый враг. Сам король, призадумавшись, согласился с правотой Андрея Михайловича.

Сие не удивительно, поскольку в Польше и великом княжестве Литовском по мере того, как крепчало турецко-татарское наступление в Европе, набирала силу идея оборонительного союза всех заинтересованных христианских государств. В 1575 году, спустя десятилетие после бегства, Курбский вновь появился на военной службе, отражая набеги татар на Волынскую землю.

Явление князя Андрея Михайловича на бранном поле было связано, надо полагать, с восшествием на престол нового короля Стефана Батория, известного воителя с басурманами. Прежний король Сигизмунд Август глубоко разочаровал Курбского, не пожелав бодро защищать страну от татарских набегов.

«Его королевская высота и величество, — с гневом писал Андрей Михайлович, — не к тому обращало свой ум, но паче на разные плясания и преиспещренные маскарады. Так же и властители земли той с бесчисленными убытками глотку и брюхо набивали дорогими марципанами, и, как в дырявые бочки, безмерно вливали дражайшие вина, и с прихлебателями скакали и воздух сотрясали, гордо и самодовольно друг пред другом пьяные похвалялись».

После пьяных клятв достать турка хоть на небе, сии застольные воители залезали под толстые перины. «Что за картина! — писал Курбский. — Едва после полудня проспавшись, с завязанными головами, с похмелья едва живы, в себя придя, встанут, ленивы и мерзки весь остаток дня, многолетнего ради обыкновения».

Андрей Михайлович обличал короля и знать, что не заботились о своем разоряемом басурманами отечестве, о толпах несчастных, ежегодно угоняемых в рабство. «А если даже, ради срама великого и нарекания многослезного от народа, вроде бы вооружатся и отправятся в поход — идут в отдалении по следам басурманских полков, боясь наступить и ударить на врагов креста Христова. И, походив за ними два-три дня, возвращаются восвояси, а что осталось от татар или сохранено убогими христианами в лесах — всё съедят и последнее разграбят, ничего бедным и несчастным не оставив…»

Служилые люди Московского двора на Регенсбургском посольском съезде 1576 г. Гравюра XVI в.

Оказалось, впрочем, что и при новом короле нравы рыцарства не изменились. Обличая перемену многими знатными людьми православной веры, Курбский считал ещё более горестным «сладострастием» трусость и изнеженность: «Как прослышат про варварское нашествие, то забьются в неприступные крепости и — воистину смеха достойно — одевшись в латы, сядут за стол с кубками да брешут байки с пьяными бабами своими, а из ворот

крепости выйти не желают, хоть бы под самыми стенами секли басурманы христиан!»

«Я сам видел, — писал князь Андрей Михайлович, — как пятеро знатных со своими дворами и два ротмистра с полками засели в крепости, а несколько воинов со множеством простонародья билось под стенами с угоняющим рабов татарским войском. Не раз уже были разбиты и разогнаны басурманами христиане, но ни один из знатных не вышел на помощь из крепости: в то время сидели они, говорят, и пили великим полными кубками!»

«Опирование, зело непохвальное! — восклицал в сердцах Курбский. — О кубки, не вином, не мёдом сладким, но кровью христианской налитые! Если бы не приспел к концу битвы прытко гнавшийся за татарами Волынский полк — всех бы до конца избили. Атак басурманы, изрубив большую часть пленных и бросив остальной полон, в бегство обратились».

Не раз и в других крепостях видел Андрей Михайлович своими глазами, как богатые и благородные, вооружённые и одетые в броню, не желали выйти против врага ни на шаг из крепостей. Даже преследовать татар отказывались, будто и следов их боялись! Только волынцев, своих новых земляков, крепче других державших православную веру под натиском иноверцев, хвалил Курбский за мужество и храбрость.

* * *

Князь Андрей Михайлович стыдился за воинское сословие, уклонявшееся от защиты своей земли, но пуще того болел душой за разоряемую кромешниками и татарами Русь. Со скорбью видел он гибель славы русского оружия, хоть и выступил в 1579 году против Отечества, командуя полком в походе Стефана Батория на Полоцк.

Иван Грозный злобствовал, приписывая Курбскому идею натравить на Русь крымских татар и сам замысел наступления к Полоцку, думал, что именно беглый князь обеспечил неприятелю победу. Андрей Михайлович не придавал своему участию в походе такого значения.

Он видел причины поражения соотечественников в слабости русского войска, убийстве царем лучших воевод, трусости Грозного и его прихлебателей, попрятавшихся вместо того, чтобы защищать страну. Желая избавить Россию от тирана, Андрей Михайлович пошел после полоцкого взятия дальше, разгромил русское войско, преграждавшее путь на восток, и настойчиво

просил короля дать ему армию для наступления прямо на Москву.

Однако скорая победа над Иваном Грозным не входила в планы Стефана Батория. Король справедливо опасался весьма живучих в землях великого княжества Литовского и отчасти в Польше настроений в пользу союза и даже объединения с Московской Русью. Лишить её Грозного значило бы усилить врага. Выгоднее было ослаблять некогда могучего соседа, отрывая от Руси кусок за куском.

Наступательный порыв Курбского, мечтавшего покончить с войной малой кровью, весьма скоро сменился разочарованием. Баторий воевал не с Иваном Грозным и его кромешниками, не казавшими нос на поле боя, а со священной для Андрея Михайловича Русской Землей.

В 1581 году, получив приказ выступить в поход на Псков, Курбский впервые уклонился от битвы: то ли сказался больным, то ли вправду заболел. Он засел в своем имении Миляновичи недалеко от Ковеля, где и скончался в мае 1583 года.

Владения его были отобраны у детей от третьей жены в пользу второй — весьма склочной женщины, с которой князь давно разошелся. Только столетие спустя, при канцлере князе Василии Васильевиче Голицыне, наследники Курбского смогли вернуться на Русь.

Тогда же, не без поддержки Голицына, в России получили широкое признание и сочинения Андрея Михайловича, ранее передававшиеся из рук в руки осторожно и в строгой тайне. С этого времени правдивое слово Курбского стало одним из решающих факторов в понимании трагедии России XVI века. Вместе с тем, как ни парадоксально, память князя всё более ретиво пятналась клеймом «изменника».

* * *

Сие противоречие прекрасно выразил великий русский историк Николай Михайлович Карамзин в начале XIX века. «История» Курбского была для него ключом к описанию царствования Ивана Грозного, но сам беглый князь — преступником!

«Бегство не всегда измена, — писал Карамзин, — гражданские законы не могут быть сильнее естественного — спасаться от мучителя; но горе гражданину, который за тирана мстит Отечеству!

Юный, бодрый воевода, в нежном цвете лет ознаменованный

славными ранами, муж битвы и совета, участник всех блестящих завоеваний Иоанновых, герой под Тулою, под Казанью, в степях Башкирских и на полях Ливонии, некогда любимец, друг царя, возложил на себя печать стыда и долг историка вписать гражданина столь знаменитого в число государственных преступников»[16].

Нельзя не заметить, однако, что это жесткое определение не вполне убедило русское общество. Яркая гражданская позиция Курбского, выраженная в его сочинениях, изданных в 1833 году Николаем Гавриловичем Устряловым, заставляла рассматривать его «измену» как трагедию античного масштаба.

Московский боярин, придворный, воин, татарский воин. Гравюра XVI в.

Это чувство прекрасно выразил драматург барон Е. Ф. Розен (Князья Курбские. СПб., 1857). Оно в той или иной мере присутствует в объемистой книге С. Д. Горского (1858), повестях М. И. Богдановича (Князь Курбский. СПб., 1882) и М. Д. Ордынцева-Кострицкого (Опальный князь. Пг. М., 1916).

В исторической публицистике прошлого столетия противоречие между обвинением и оправданием Курбского проявлялось острее, хотя тень «измены» постоянно присутствовала в характеристике героя. Причины живучести преступного или, по выражению Н. А. Попова, «уголовного» элемента в представлениях о Курбском четко назвал Николай Иванович Костомаров.

Прежде всего, обвинения против Курбского более или менее откровенно служили оправданию неисчислимых злодеяний Ивана Грозного.

«Нам советуют, — писал Костомаров в „Вестнике Европы“ за

1871 год (т. VI, кн. 10), — не доверять Курбскому и другим писателям его времени насчет злодеяний Ивана. Не отрицают, впрочем, фактической действительности казней, совершенных им: это было бы чересчур произвольно, при собственном сознании тирана. Задают вопрос: „Да не было ли, в самом деле, измены?..“ Бросается подозрение на замученных царем Иваном Васильевичем; они, подобно Курбскому, хотели бежать в Литву; там у них были свои идеалы».

Но в действительности, доказывает Костомаров, «история не представляет никаких, даже слабых, доводов к подкреплению таких произвольных подозрений… Вина падает на мучителя, а не на замученных. Мучительства производили бегства, а не бегства и измены возбуждали Ивана к мучительствам».

Еще важнее, что клеймо «измены» на беглом князе помогало возвысить интересы самодержавия над общечеловеческими ценностями. Костомаров разъясняет это с предельной четкостью:

— Ставят в заслугу царю Ивану Васильевичу, что он утвердил монархическое начало, но будет гораздо точнее, прямее и справедливее сказать, что он утвердил начало деспотического произвола и рабского бессмысленного страха и терпения.

— Его идеал состоял именно в том, чтобы прихоть самовластного владыки поставить выше всего: и общепринятых нравственных понятий, и всяких человеческих чувств, и даже веры, которую он сам исповедовал.

— И он достиг этого в Московской Руси, когда, вместо старых князей и бояр, поднялись около него новые слуги — рой подлых, трусливых, бессердечных и безнравственных угодников произвола, кровожадных лицемеров, автоматов деспотизма; они усердно выметали из Руси все, что в ней было доброго; они давали возможность быстро разрастись и процветать всему, что в ней в силу прежних условий накопилось мерзкого…

Те доводы, которые приводит Курбский в свое оправдание, имеют в глазах Костомарова характер общечеловеческой правды: «Курбский жил в XVI веке; едва ли уместно в XIX судить деятелей прошлого времени по правилам того крепостничества, по которому каждый, имевший несчастье родиться в каком-нибудь государстве, непременно должен быть привязанным к нему даже и тогда, когда за все его заслуги, оказанные этому государству, он терпит одну несправедливость и должен каждую минуту подвергаться опасности быть безвинно замученным!»

Разоблачил Костомаров и обоснование обвинений против князя Андрея Михайловича с позиции ура-патриотизма, незаметно переходящего в шовинизм: «Руководствуясь русским патриотизмом, конечно, можно клеймить порицанием и

ругательствами Курбского, убежавшего из Москвы в Литву и потом в качестве литовского служилого человека ходившего войной на московские пределы, но в то же время не находить дурных качеств за теми, которые из Литвы переходили в Москву и по приказанию московских государей ходили войной на своих прежних соотечественников, — эти последние нам служили, следовательно, хорошо делали! Рассуждая беспристрастно, окажется, что ни тех, ни других не следует обвинять…»[17]

* * *

Тема патриотизма и в особенности национализма в наше время настолько болезненна, что объективно справедливая позиция Костомарова нуждается в пояснении. Историк отнюдь не отвергал любви к отечеству или национальности — он отстаивал её всей своей жизнью, протестуя исключительно против двойной морали, заставляющей становиться на чью-либо сторону независимо от правоты этой стороны, просто потому, что она «наша».

Современным горе-патриотам, разросшимся, как поганки, на развалинах Союза, малопонятны идеи «полнейшей свободы вероисповедания и национальностей и отвержения иезуитского правила об освящении средств целями», отстаивавшиеся Костомаровым в Петропавловском равелине, в ссылке и под полицейским надзором [18].

Не менее агрессивные космополиты, в последнее время именующие себя «демократами», давно записали Костомарова в «националисты». Действительно, он посвятил немало крупных трудов освободительной борьбе украинского народа, выучил его язык и даже написал на нём ряд произведений.

Книги Николая Ивановича Костомарова сочувственно рисуют освобождение Украины из-под гнета Польско-Литовского государства и воссоединение её с Россией, а затем — несладкую жизнь малороссов при самодержавии. Однако если читатель понадеется, что историк обойдет молчанием злодеяния самих украинцев, его ждет горькое разочарование.

Даже православие, под знаменем которого развивалось освободительное движение на Украине, рассматривается Костомаровым отнюдь не панегирически, а навязывавшаяся народу польскими властями уния не обличается наотмашь: в ней выявлены некоторые положительные черты. Не случайно работа об унии была уничтожена царскими властями[19].

В целом одобрительно относился историк и к войне России с

Речью Посполитой на стороне восставших казаков. Однако Николая Ивановича нельзя упрекнуть в причастности к официальным восторгам по поводу раздела Польши в XVIII веке и недостатке сочувствия к освободительной борьбе поляков, рассмотренной им в специальной работе.

В русской истории, которой посвящена значительная часть исследований и популярных трудов Костомарова, отчетливо выделены непреходящая польза многонационального единства, значение русской культуры и государства для прогресса окрестных народов и в то же время — ужасающие следствия гнета самодержавия. Если впихнуть Николая Ивановича в рамки русского, украинского или польского национализма более чем затруднительно, то можно попробовать объявить его славянофилом (хотя видит Бог, мало кто показал столько печального в истории славян).

Но поступим, как обычно делают привыкшие обманывать народ публицисты: вырвем из трудов Костомарова отдельные страницы. Против происхождения Древнерусского государства от норманнов выступал? Выступал, и весьма резко. Идею федерации свободных славянских народов проповедовал? Истинно так! Ну, значит, славянофил.

Только вот незадача — именно Костомаров ещё в 1871 году разъяснил читателям, что «слово *общеславянское* имеет неопределенное значение общего места, которое можно прилагать к чему угодно»; «чтобы определить общеславянское, нужен гигантский труд… но такой труд ещё никем не совершен, и едва ли результат его в надлежащей степени может быть когда-либо достигнут».

Посему, заключил историк, апелляция к славянской идее ныне и присно будет неотъемлемой принадлежностью политических спекулянтов: «Один будет, злоупотребляя словом общеславянство, усердно кадить той или иной существующей в данное время силе, другой — из тумана общеславянских воззрений показывать ей кулак».

Единственно верным критерием оценки любых исторических событий, по Костомарову, является не взгляд с национальной или космополитической колокольни, а определение, насколько то или иное деяние «способствует благосостоянию человеческого рода, его умственному развитию и нравственному достоинству» [20].

* * *

Разговор об «измене» Курбского вообще лежит не в

национальной плоскости. И Россия, и великое княжество Литовское были многонациональными государствами. Большинство русских дворянских родов гордились своим происхождением из Золотой Орды и пришедших ей на смену различных ханств, из Литвы, Польши, Пруссии, Швеции, Дании и т. п. Большую часть территории великого княжества Литовского составляли древнерусские земли, основная масса его населения была православной, и даже важнейшие государственные документы писались изначально на русском диалекте.

В рамках земель, вошедших ко времени Ивана Грозного в Московское государство, исторические представления до нелепости искажены «москвоцентризмом». Если неприятель нападает на Москву — это плохо, если же москвичи побеждают защищающих свои вольности и дома новгородцев или псковичей — это хорошо.

Когда князь Олег Рязанский выступает против Дмитрия Донского на стороне татар и Литвы — это «измена». Когда же Москва выступает с татарами против Твери, поднявшей на Руси знамя борьбы с ордынским игом, — это хорошо. А ежели московский князь сумеет натравить татар на Литву — сие, несомненно, замечательное историческое деяние!

Отношение русской историографии к великому княжеству Литовскому, куда угораздило отъехать Курбского, было особо отрицательным не только потому, что оно долгое время было могучим противником Москвы, но и благодаря его моральному преимуществу, которое во что бы то ни стало следовало скрыть.

Ведь Литва боролась с Ордой в то время, когда Москва выступала верным вассалом Чингизидов. Ольгерд, разбивший крестоносцев, отнявший у Польши изрядную часть Волыни, а у Москвы — Смоленск, выиграл битву с татарами у Синих Вод (1362) и освободил Подолие, левобережье Днестра, бассейн Южного Буга и Днепр от лиманов до реки Роси.

Сколь несравнимы эти успехи с Куликовской победой Дмитрия Донского над ханом Мамаем, пошедшей на пользу сюзерену московского князя Тохтамышу! Когда неблагодарный Тохтамыш сжег Москву, Витовт прошел войной по принадлежавшим Орде южнорусским степям до Азова, откуда переселил часть татар под Вильно.

На уровне конкретных личностей умолчания нашей историографии выглядят ещё неприличнее. Герои нашей истории, знаменитые победители на Куликовом поле князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, перешли на сторону Дмитрия Донского, передав ему город Трубчевск.

Это, конечно, не измена. Более того, нам не нужно знать о

прежних подвигах Андрея в боях с Тевтонским орденом и в особенности — о дальнейшей судьбе князей, покинувших службу Дмитрию Донскому, вновь ставшему вассалом Орды, и героически погибших под знаменами Витовта в битве с татарами на реке Ворскле (1399).

Если уж быть точным, то и главный герой Куликовской битвы Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский выехал в Москву из Литвы, с Волыни, на что указывает его прозвище. Не случайно вспоминал Курбский о древней доблести своих волынцев!

Переход знати из Литвы в Москву и обратно происходил постоянно. В конце XV века, например, предались великому князю московскому со своими княжествами князья Белевские, Воротынские, Новосильские, Одоевские и множество других. Они не просто участвовали в войнах с Литвой, но были виднейшими полководцами нового сюзерена. Достаточно назвать «победоносного воеводу» Ивана Михайловича Воротынского (отца героя Молодинской битвы), отличившегося в боях с литовцами в 1512 году, когда на сторону Москвы перешли князья, владевшие Черниговом, Стародубом, Гомелем, Любечем, Новгородом-Северским, Рыльском и другими городами и весями великого княжества Литовского.

Вместе с Воротынским при осаде и взятии Смоленска (1512–1514) прославился Михаил Львович Глинский — один из крупнейших польско-литовских полководцев и государственных деятелей, учившийся в Италии и отличившийся на полях сражений в Германии. Перед отъездом в Москву он перебил у себя на родине массу народа и разорил несколько городов, зато занял почетное место при дворе Василия III.

Выезды в Россию виднейших литовских князей продолжались и при Иване Грозном — достаточно вспомнить Дмитрия Ивановича Вишневецкого, предложившего царю изрядный кус Украины и услуги Запорожской Сечи (1557). Только выехать назад в Литву с каждым годом становилось всё труднее.

Тем не менее значительная часть литовской знати имела старые и новые русские корни, так что выезжие из Московского государства легко вписывались в шляхетскую среду. В XVI и даже в XVII веках существовала сильная тенденция к объединению Литвы с Москвой, но при безусловном сохранении таких важных для европейской страны завоеваний, как рыцарские вольности и магдебургское право городов. Развитие российского самодержавия положило непреодолимую преграду объединению братских народов мирным путем, надолго оставив единокровную Литву в сфере влияния католической Польши.

* * *

В XIX веке, при царе-батюшке, историки знали эти обстоятельства и не слишком резко осуждали беглецов из России, тем более что к тому времени эмиграция стала неотъемлемой частью русской культуры. Наибольшая доля осуждения приходилась Курбскому, хотя и его судьба нередко вызывала понимание и сочувствие.

После Октябрьского переворота 1917 года историки и писатели, ринувшиеся обличать «проклятый царизм», оказались значительно более нетерпимы к беглецам из России Ивана Грозного вообще и к Курбскому в особенности.

Казалось бы, парадокс: как могли осуждать «измену» Курбского большевики, открыто выступавшие за поражение Отечества в Русско-японской и Первой мировой войне и тайно воевавшие со своей страной на стороне Японии и кайзеровской Германии на японское и немецкое золото? Ведь они пошли дальше Курбского, желавшего поражения тирану, тогда как большевики продолжали служить немцам и после свержения монархии.

Ответ легко найти, перечитав оправдание князя Андрея Михайловича Костомаровым: в глазах большевиков каждый пункт выглядел смертельным обвинением Курбскому. Спасаться от мучительства! Противопоставить общечеловеческие ценности деспотическому произволу! Восставать против кровавой тирании с мечом в руке! Служить «им», тогда как все должны предать свои страны и служить «нам»!

Сплошь расстрельные статьи, а учёные и литераторы хотели не только жить, но и кушать хлеб с маслом. Удивительно ли, что «апологет боярства», «изменивший своей стране», неукоснительно обливался грязью?! Замечательно как раз другое — нашёлся человек, в самый разгар обличительной вакханалии выступивший в защиту Курбского от наиболее грубых нападок.

Это был великий русский историк Степан Борисович Веселовский. Его работу, конечно, не напечатали, но мужество старого ученого давало надежду, что после окончания сталинского террора положение в науке изменится. Только так не бывает в нашей нелинейной стране.

С наступлением хрущёвской оттепели и до последнего времени появилась масса исследований, в том числе таких видных специалистов, как А. А. Зимин, С. О. Шмидт, Я. С. Лурье, Р. Г. Скрынников, Ю. Д. Рыков и др. Не отставали и зарубежные исследователи.

Большой ажиотаж вызвала книга американского историка

Эдварда Кинана. Он счёл, хотя и без достаточных оснований, что переписка Грозного с Курбским и даже «История» князя слишком превосходят уровень мысли и литературы России XVI столетия и могли быть написаны только в XVII веке.

Однако при всём изобилии новых работ основное внимание уделялось узкой прикладной теме — возможности использования сочинений Курбского как исторического источника. Андрей Михайлович оставался в глазах учёных «изменником», только одни писали об этом скороговоркой, а другие смаковали обвинение.

* * *

Более всех потрудился на этой ниве известный ленинградский историк и вузовский профессор Руслан Григорьевич Скрынников. Понимая, что даже повторение бредовых идей Грозного, будто «по совету Курбского король натравил на Россию крымских татар», с точки зрения прав и обычаев воинского сословия XVI века не может служить обвинением, учёный направил свои усилия на доказательство «предательства» князя до того, как он сменил сюзерена.

Это было нелегко. Ведь Курбский не сдавал врагу городов, как это делали многие выезжавшие на московскую службу литовские князья, не подставлял свои войска под удар и не устраивал диверсий, пребывая целый год (с 3 апреля 1563 года) царским наместником в Ливонии. Более того, он честно выслужил годовой срок и почти месяц дожидался смены, прежде чем бежать в ночь на 30 апреля 1564 года.

Но для умелого историка нет ничего невозможного. Хорошо известно, что Курбский долго вёл переговоры с польско-литовскими властями о своем выезде. В период военных неудач, после падения Полоцка, выезд известного русского полководца приветствовался западными соседями особенно сердечно. Но это были отношения людей благородных — обывателю же более понятен намек на шпионаж, пусть даже и не доказанный.

«Затеяв секретные переговоры с литовцами, — пишет Скрынников, — Курбский, по-видимому, оказал им важные услуги». Дело в том, что «за три месяца до побега Курбского в Литву» гетман Ю. Н. Радзивилл разбил русскую армию, вторгшуюся в литовские пределы. А Курбский уже после бегства рассказывал литовцам, что первоначально армию хотели направить на Ригу, но потом решили собрать в Полоцке.

Ну и что? — спросит читатель. А опасливый Скрынников и не

утверждает, что Радзивилл, «как видно, располагавший точной информацией» о русском походе и устроивший «засаду», получил шпионскую информацию от Курбского. Но он был «адресатом» князя, к тому же Андрей Михайлович был «ошеломлен» вестью о зверской казни царём «двух бояр, которых подозревали в тайных сношениях с литовцами».

Царь «неслыханно смерти и муки на доброхотных своих умыслиша», писал Курбский. «Волнение Курбского вполне можно понять: над головой этого «доброхота» вновь сгустились тучи», — ядовито комментирует Скрынников. Бояре были обвинены в «изменных сношениях», Курбский принял их казни близко к сердцу — значит, сам такой же «доброхот». Ага! «Намёка, догадка, немогузнайка», — выражался в таких случаях А. В. Суворов. Историк умолчал, что речь идет о знаменитой битве под Оршей, на реке Уле (согласно письму самого Радзивилла, 26 января 1564 года), когда русское войско бежало, а воеводы П. И. Шуйский и князья Палецкие со свитой, выехавшие вперед без доспехов, пали в бою (см. следующую главу).

Сбор армии в недавно взятом Полоцке было не утаить, а каким образом Курбский из Дерпта мог помочь разбить её — немыслимо. Для удачного нападения Радзивиллу нужна была лишь хорошая тактическая разведка; стратегический план московских воевод, подразумевавший соединение под Оршей войск П. И. Шуйского и князей Серебряных (см. во второй части четвертую главу), стал понятен гетману лишь в последний момент. Радзивилл крупно рисковал, атаковав Шуйского под угрозой со стороны подходящих Серебряных, и после победы не продолжил военные действия. Армия Шуйского отступила с минимальными потерями в людях, а Серебряные беспрепятственно прошли войной от Дубровны до Кричева и вернулись назад с многочисленным полоном.

Читатель может спросить, зачем было Курбскому рассказывать литовцам о прошедших событиях, если бы он заранее известил их о русском походе? Но ведь Скрынников ничего не доказывает, его цель однозначна — замарать Курбского. Рассказывает — значит причастен, молчит — тем более!

Например, Андрей Михайлович весьма кратко высказался по поводу своих переговоров со шведским наместником в Ливонии графом Арцем. Когда его покровитель герцог Юхан (будущий король Иоанн III) был заточен сумасбродным королем Эриком XIV, Арц искал помощи одновременно у Литвы и Москвы, но в конце 1563 года был схвачен и казнён в Риге.

Курбский «уговорил» Арца, «чтобы он склонил перейти на

сторону великого князя замки великого герцога финляндского (Юхана. — *Авт.*), о подобных делах он знал много, но во время своего опасного бегства забыл». Очевидно, Андрей Михайлович молчал, чтобы не ставить под удар оставшихся в живых сторонников Арца, коему весьма симпатизировал. Покинув Юрьев, он принял к себе слугу графа и не раз сокрушался о кончине его господина.

Однако по Скрынникову, «неожиданная немногословность и ссылка на забывчивость косвенно подтверждают распространившиеся в Ливонии слухи о причастности Курбского к смерти Арца». Слухи эти ограничиваются замечанием ливонского хрониста Ниештадта, будто Андрей Михайлович «впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя». Ниенштадт считал, что Курбский был честен с Арцем. О реакции Ивана Грозного он точно не знал, но, если у царя и возникли подозрения, они могли относиться к самому факту переговоров с иноземцами, да ещё тайных. Для Скрынникова же вопрос ясен: по слухам, «Курбский сам предал шведского наместника Ливонии». А добротой к слуге Арца и сожалениями о его смерти «не желал ли он отвести от себя подозрения насчет предательства?»

Логичен вопрос: к чему бы Курбскому притворяться среди литовцев, если он действительно выдал им Арца? Но дело не в логике, а в упорном, непреодолимом желании очернить память князя, «предательство» которого «было щедро оплачено королевским золотом», как шпиона, а не воина, с коим следовало расплачиваться почестями и поместьями. Основание? Курбский смог захватить с собой из Юрьева только золотые и серебряные монеты «и всего 44 московских рубля», негодует Скрынников[21], будто он, профессор, читающий курс русской истории XVI–XVIII веков, не ведает, что рубль был только мерой счета копеек и полушек, а крупная монета, в которой знать любила делать накопления (например, к свадьбам), была иностранной. Даже более поздние серебряные ефимки представляли собой четвертушки талеров с русской надпечаткой. А в какой монете, любопытно, Курбский мог делать накопления в Ливонии, где как воевода вполне традиционно «кормился»? О содержимом своего кошелька (по Скрынникову — «мешка золота»), отобранного в Гельмете, князь подробно рассказал литовским властям, подавая жалобу на грабеж. Почему он не усилил обвинение против немцев-грабителей, сказав, что это золото короля?

Вопросы, конечно, риторические. Не у одного Скрынникова имя Курбского вызывает пароксизмы гнева, исключающие совесть

и здравое рассуждение. Другие беглецы не производят такого эффекта, даже потомок Гедимина Семён Бельский, утекший в Литву, оттуда в Турцию и Крым, чтобы воевать с Россией и вести на неё войска крымского хана.

* * *

Ненависть советского интеллигента к Курбскому непреходяща. Не случайно признанный образцом интеллигентности академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, говоря о Курбском в связи с изданием его трудов, оставляет свою обычную сдержанность и точность выражений.

Вопреки историзму, к коему не раз призывал академик, Курбский для него не выезжий аристократ, а «князь-изменник», «перевертень», «типичный перевертыш», который «паразитирует на традиционном жанре, разрушая его». Этого мало — следует ещё развернутая убийственная характеристика князя.

«Курбский стал писателем, бежав за рубеж и изменив родине. Ему надо было оправдать себя в глазах общественного мнения в России и в Польско-Литовском государстве. Больше того — ему надо было оправдать себя в своих собственных глазах, ощутить свое право на позицию моралиста и нравоучителя». «Его писания были самооправдательными документами, в которых он позировал перед другими, перед своими читателями, но прежде всего перед самим собой… Грозный был несомненно талантливее Курбского…»[22]

Эта оценка, выражающая, несомненно, личное убеждение автора, а не навязанная извне, проистекает из уверенности служилой интеллигенции России, что человек сам по себе не может быть ответственным за судьбу своей страны. По крайней мере русский человек.

В этом смысле вина Курбского действительно огромна. Он заявил свое право решать вопросы государственного устройства страны и вообще назвал Московскую Русь своей, не занимая в ней определенного места, «не по чину».

Он первым выступил против самодержавия и обличил автократию, кормилицу служилой интеллигенции, как врага свободы, сословного представительства и страны в целом. Он поведал миру о таких злодеяниях первого русского царя, какие нечасто встречаются в истории человечества, и впервые заставил самодержца оправдываться, ещё больше раскрывая свою злодейскую сущность.

Всю свою жизнь Курбский, презирая холопство, действовал

как сын и полномочный представитель Святорусской земли и, что с его точки зрения неразделимо, православия. Он обличал московского тирана словом и сражался с его слугами оружием, защищал православие в полемике с иноверцами и переводил на церковнославянский классическую литературу, ограждая православие от культурного натиска католицизма и реформации.

Вообще-то на Руси нередки такие люди, презирающие расхожее мнение, будто плетью обуха не перешибёшь. Они встречаются во всех слоях общества, но заметнее среди военных. С некоторыми из них, не только воинами, мы ещё встретимся на страницах этой книги.

Бесстрашные до самозабвения, подлинные герои русской истории были движимы долгом перед своей землей, а не службой, и вполне могли бы заявить вместе с Александром Васильевичем Суворовым: «Горжусь, что я русский!» Конечно, советские авторы не спешили знакомить с ними читателя.

Поскольку Курбского нельзя было замолчать, его следовало так или иначе дискредитировать. Делалось это и делается в меру таланта и откровенности каждого автора. Д. С. Лихачев не нуждается в «шпионской» версии, прекрасно понимая, что в Европе XVI века предательство нередко воспринималось как своего рода доблесть.

Он унижает князя значительно сильнее, представляя гражданский пафос Курбского позёрством и ставя под сомнение его мужество (на что не решался даже Иван Грозный): царя «он разоблачал за глаза из своего безопасного зарубежного укрытия, но как бы и в глаза, прямо обращаясь к нему во втором лице. В моменты этих обращений Курбский наверное чувствовал себя очень смелым, нелицеприятным и прямым…»

Точно выбрано и место главного удара по публицисту всея Руси, труды коего многие века будят самосознание россиян от летаргической покорности диктаторам. У нас таких не может быть, следовательно, все это написано не русским, «перевертышем»:

«Только за границами России бежавший из неё и там волей или неволей переставший себя ощущать русским, князь Курбский решился полемизировать с Грозным. Однако, находясь вне России и даже командуя одно время войсками против Грозного, он лишил себя твердой моральной позиции и принужден был выступать не столько за интересы России, сколько за свои личные».

* * *

Что за личные интересы отстаивал Андрей Михайлович? Ещё пребывая на воеводстве в Юрьеве, князь писал братии Псково-Печерского монастыря, Вассиану Муромцеву с товарищами: «Многажды много вам челом бью, помолитесь обо мне, окаянном, понеже вновь напасти и беды от Вавилона (т. е. царского двора. — *Авт.*) на нас кипети многи начинают».

Известий о готовящейся несправедливой казни, переданных друзьями гневных слов царя, за которыми следовала обыкновенно зверская расправа, было бы достаточно для отъезда, ведь тот, кто не спасает свою жизнь от «прелютого гонения», по словам самого Курбского, подобен самоубийце. А самоубийство — смертный грех!

Однако переживал князь не только за себя. Принимая нелегкое решение покинуть Отечество, Андрей Михайлович сострадал бедствиям всей Русской земли. Его новое послание из Юрьева в Псково-Печерский монастырь обличало резкое ухудшение положения дворян, которые не имеют даже «дневныя пищи», разорение купцов, безмерные тяготы крестьянства.

Одной лишь необходимости спасать свою жизнь было мало, чтобы Курбский отверг над собой царскую власть. Князь отъехал, только осознав преступность этой власти, и прямо обличил её в письме Грозному, написанном сразу же по приезде в занятый литовцами Вольмар. Почему, «надеясь быть пожалован и утешен во всех печалях моих милостью» короля Сигизмунда Августа, Андрей Михайлович обещал «письмецо это, слезами измоченное, во гроб с собою… положить»?

Прежде чем жаловаться на свои несчастья, Курбский заступается за всех своих товарищей-воевод: «Почто, царь, сильных во Израиле побил, и воевод, от Бога данных тебе на врагов твоих, различными смертями расторгнул, и победоносную святую кровь их в церквах Божиих пролил?..

В чём провинились перед тобою и чем прогневали тебя христианские заступники? Не они ли разорили и покорили тебе прегордые царства, у которых прежде в рабстве были предки наши? Не претвёрдые ли грады германские благодаря разуму их тебе от Бога даны были? За это ли нам, бедным, воздал, всеродно погубляя нас?»

И завершает Курбский послание отнюдь не личными жалобами, но угрозой Страшного суда над тираном от имени всех убитых, заточенных и изгнанных: «Не мни, царь, и не помышляй суемудренно, что мы уже погибли и перебиты от тебя безвинно и заточены и изгнаны без правды, не радуйся этому, будто легкой победой похваляясь!

Рассеченные от тебя, у престола Господня стоя, взывают об

отмщении тебе, заточенные и изгнанные от тебя без правды — от земли к Богу вопиём день и ночь против тебя!»

* * *

Возвысившийся благодаря Курбскому голос казнённых, заточённых и изгнанных смертельно напугал тирана. Его ответное «широковещательное и многошумящее» послание «во все его Российское государство (вариант — во все города) на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене» было составлено немедленно.

За пять-шесть недель — с мая 1564 года, когда в Москве узнали об отъезде Курбского, до 5 июля — Грозный с прихлебателями сочинили целую книгу. Трудно сказать, насколько широко её использовали. Хотя текст царского послания в двадцать раз обширнее письма Курбского, оно явно слабее и отражает смятение среди «маньяков».

Бесноватый царь обвинял и оправдывался, по десять раз повторяясь, сочетая богословие со скверным скоморошеством и споря не столько с Курбским, сколько со страхами своей прокаженной совести. Необходимо изрядное нравственное насилие, чтобы заставить человека признать это бредовое писание талантливым. Но естественная брезгливость не должна мешать ознакомиться с посланием Грозного, из которого историки обыкновенно черпают обвинения в адрес Курбского.

Царь авансом обвинил отъезжего князя в ужасах войны против «христиан» на стороне «врагов христианства», поскольку среди германцев и литовцев «нет христиан». Как вероотступник Курбский «ради тела погубил душу», «разъярившись на человека — выступил против Бога», потому что «кто противится власти — противится Богу».

Рабы должны безусловно повиноваться своим господам, на разные лады повторяет Грозный. «Изменив» царю, беглый князь «погубил не только свою душу, но и души своих прародителей — понеже по Божьему изволению Бог отдал их души» и души всех их потомков в вечное рабство семейству великих князей Московских.

А у безбожных народов какая может быть власть? «Там ведь у них цари своими царствами не владеют, а что укажут им рабы их — так и управляют». Главное преступление Курбского и его товарищей-беглецов в том, что они «не захотели жить под властью Бога и нас, данных Богом владык своих, в послушании и повиновении, а захотели жить по своей воле!»

Царь — единственный владыка, равный на земле Богу,

Христу. Тогда Курбский — Иуда-христопродавец. Царю позволено все — только не оказаться под властью своих рабов. «Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев злейшего мучительства»; «вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царствия, сына своего родного убил!»

Воспевая кровожадную свирепость абсолютной власти, Грозный отмечает, правда, что ему ни к чему совсем истреблять подданных: «На зайцев потреба множество псов, на врагов же — множество воинов; кто, имея разум, будет без причины казнить своих подданных!» «Доселе русские владетели не отчитывались ни перед кем, но вольны были подвластных своих жаловать и казнить, а не судились с ними ни перед кем». Казни подлежит тот, кто усомнится в праве самодержца казнить и жаловать, как тому заблагорассудится!

Воистину бежавший от столь «божественной власти» губит свою душу. Грозный хотел было обвинить Курбского в корысти: «ты бежал не от смерти, а ради славы в сей маловременной скоротекущей жизни и богатства ради». Но тут же проговорился: «Если ты праведен и благочестив, по твоим словам, почто убоялся неповинной смерти, ибо это не смерть, а преобретение?!.. Почто не изволил от меня, строптивого владыки, пострадать и венец жизни наследовать?!»

* * *

Этот, с позволения сказать, «аргумент» — как посмел не пострадать? — пережевывается историками не одно столетие. В конце XX века К. Плешаков в историческом очерке политической эмиграции похвалял Курбского как борца с тиранией, в то же время принижая его сравнительно с митрополитом Филиппом Колычёвым, низвергнутым с престола и убитым за выступление против опричнины.

В действительности эти два подвига противостояния зверской власти не сталкиваются. Именно Курбский лучше всех рассказал о самопожертвовании святого Филиппа и других духовных лиц. Но К. Плешаков пошёл дальше и фактически обвинил Курбского, отъезд которого, дескать, привел к усилению репрессий в России. [23]

«Дилемма Курбского» сознательно запутывается: сталкивая между собой людей «доброй совести», от имени которых говорил князь Андрей Михайлович, нас уводят от основного вопроса, дабы осталось неясным, сколь колеблется интеллигенция в простом моральном выборе между мучителем и мучениками, гонителем и гонимыми.

Именно четкость постановки Курбским проблемы выбора между «человекорастерзателем» и «святыми мучениками, новоизбиенными от внутреннего змия», сделала князя крайне неудобной фигурой русской истории. Отвечая на такой вопрос, русский и в особенности советский интеллигент не мог, по своему обыкновению, и власть уважить, и совесть по возможности соблюсти.

Оставалось или открыто толковать трагедию царствования Ивана Грозного применительно к подлости, или пойти окольным путем, породив сомнения в моральном смысле позиции Курбского путем изобличения его во всяких непристойных действиях и помыслах. Конечно, между истиной и её глашатаем связь не однозначна, но на уровне повседневного сознания эти предметы далеко не всегда разделяются.

Замарав Курбского, историки и писатели низводят его истину на уровень писаний Грозного и получают возможность «отдавать должное» то одному, то другому, избавив себя от главной проблемы морального выбора. Воистину это выглядит весьма «академично», хотя в основе своей ошибочно.

Все науки о человеческих отношениях опираются на моральный критерий. Сторонники их «объективизации» — проще говоря, обесчеловечивания — вопиют, что мораль изменчива. Но базовые моральные постулаты меняются значительно медленнее, чем основы так называемых «точных наук», хотя, как любое знание, должны развиваться.

Может ли предвидение дальнейших усовершенствований заставить нас отказаться от оценок сегодня? Нелепый вопрос, но именно с его помощью многие упорно и настойчиво пытаются удалить мораль из «объективного исторического исследования».

* * *

Считают, что Курбский быстро получил письмо Грозного и составил ответ, с горечью посмеявшись ярости, злобе и ядовитости писания царя «великого и во всей вселенной славного». Нелепо нахватанные цитаты из Священного Писания, «тут же о постелях, о телогреях и иное многое — воистину словно неистовых баб басни». Послание Грозного, по словам Курбского, написано «так варварски, что не только учёным и искусным мужам, но и простым и детям удивительно и посмеятельно».

Князю было грустно, что на «оскорблённого и без правды изгнанного» царь бросается с такой неистовой злобой: «Уже не разумею, чего ты от меня хочешь»; мало разве убивал и грабил?

Поразмыслив, Курбский решил не спорить с царем на земле, но возвысить голос на Страшном суде «вкупе со всеми избиенными и гонимыми».

Это письмо он не отправил. Андрей Михайлович занимался более полезными делами, в частности писал, дополнял и редактировал свою знаменитую «Историю о великом князе Московском», — лучшее до сего времени обличение тирании Ивана Грозного и одновременно вечный памятник мученикам Святорусской земли, пострадавшим за «добрую совесть».

«Историю о великом князе Московском» упорно пытались привязать к определенным политическим событиям, представить своего рода прокламацией против кандидатуры русского царевича или царя на корону в Речи Посполитой периода бескоролевья (1572–1573). Однако Курбский не использовал своего сочинения в столь прикладных целях и не распространял в списках по крайней мере до конца 1575 года, когда вставил в текст рассказ о боях Волынского полка с татарами.

«История» была обращена к потомкам: недаром Андрей Михайлович закончил её гневной отповедью подлецам-историкам, которые ныне и присно будут оправдывать царя-зверя, выступая в союзе с губителями Отечества. Памяти грядущих поколений предал Курбский огромный материал о героях-мучениках, сведения о которых собирал долго и кропотливо. Многие из них, как ясно свидетельствуют учёные комментарии к изданиям «Истории», были не только истреблены самодержавием со всей родней, но и старательно «забыты» на Родине.

* * *

Курбскому не нужно было оправдываться и как-то вымещать свои «личные обиды». В этом остро нуждался Грозный, не забывший первого письма Андрея Михайловича и через 13 лет.

В 1577 году, после кровавой резни в Ливонии, отвратившей от России сердца всех порядочных людей, царь разразился кучей хвастливых посланий своим противникам — в первую очередь Курбскому.

Вновь мелочно оправдываясь и злобно бранясь, Грозный кичится ужасами своей победы, твердит, будто «наступающей крестоносной хоругви никакая бранная хитрость не потребна». Злодей уповает на милость Божию: «Ибо если и многочисленнее песка морского беззакония мои… может (Бог) пучиною милости своей потопить беззакония мои!»

Захватив Вольмар (вскоре, впрочем, оставленный), царь

видит в своей победе моральное торжество: «Ведь вы говорили — нет людей на Руси, некому стоять — а ныне вас нет, кто же ныне завоевывает претвердые грады германские? Это сила животворящего креста!»

У Курбского не было ни времени, ни желания отвечать. Как и все западные соседи Российского царства, он собирался на войну. Только 3 сентября 1579 года, на третий день после взятия Полоцка, князь завершил свое ответное послание (которое начал писать, возможно, несколько ранее).

Андрей Михайлович совершенно справедливо заметил, что войска Ивана Грозного порабощали Лифляндию не «силою животворящего креста», но «под сенью разбойничьих крестов». Иначе не был бы Двинск отбит королевскими казаками, а Венден — самими латышами, когда польско-литовское войско ещё и с места не двинулось: «И потому ясно, что не Христовы это кресты, а крест распятого разбойника, который несли перед ним».

Но поражение русских вовсе не радует Курбского. «Гетманы польские и литовские ещё не начали готовиться к походу на тебя, — с горечью писал князь, — а твои окаянные воеводишки, праведнее сказать — калики, из-под сени этих твоих крестов выволакивались связанные, а здесь, на великом сейме, где бывает множество народа, подверглись общим насмешкам и ругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей Святорусской земли и на посрамление народа — сынов русских!»

Курбский обвинял Грозного в разорении страны и погублении, вместе со «злыми и прелукавыми ласкателями», всего Отечества. Именно тогда обрушились на Россию другие Божьи кары: голод, мор и варварский меч.

Горестно поминал Андрей Михайлович поход Девлет-Гирея (1571): «преславного града Москвы внезапное сожжение, и всей Русской земли опустошение… и в бегство царя… обращение. Как здесь нам рассказывают — будто бы хоронясь тогда от татар по лесам с кромешниками твоими едва ты от глада не погиб!

А прежде тот мусульманский пес, — писал Курбский, — когда ты богоугодно царствовал, перед наименьшими слугами твоими в Диком поле бегая, места не находил, и вместо нынешних превеликих и тяжких даней твоих, коими ты подкупаешь его на христианскую кровь, нашими саблями, воинов твоих, была дань в басурманские головы заплачена!»

* * *

«Издавна кровопийственный род!» — не без оснований пишет Андрей Михайлович о великих князьях Московских. Но когда речь идет о бедствиях Русской земли, пусть и вызванных царскими злодеяниями, князь страдает слишком сильно, чтобы помнить о ненависти к роду Грозного.

«О горе нам! — восклицает Курбский, — …видел я… постыдное и сверх всякой меры позорное поражение твоё и войска твоего, погубил славу блаженной памяти великих князей русских, прародителей твоих и наших…

А ныне к этому добавил ты и другой срам прародителям твоим, позорнейший и тысячекратно горчайший: град великий Полоцк со всею церковью, то есть с епископом и клириками, с воинством и народом предал в своём же присутствии…

Ныне собравшись со всем воинством, в леса забившись, как хороняка и бегун… хотя никто не гонится за тобой, только совесть твоя в душе вопиет, обличая за прескверные дела твои и бесчисленные кровопролития. Тебе только и остаётся, что браниться, как пьяной рабыне, а что воистину подобает царскому сану — то есть суд праведный и оборона — все уже исчезло…»

Да и как царю оборонять государство и одерживать победы, если лютость его, по словам Курбского:

«Погубила… бесчисленных воевод и полководцев, благородных и пресветлых в делах и разуме, и в военном деле искушенных от самой юности, и в руководстве войсками всем ведомых мужей — все лучшее и крепчайшее в битвах для одоления супостатов, — ты различными смертями растерзал и целыми родами погубил без суда и без права, приклонивши ухо… к презлым ласкателям, пагубникам Отечества.

И погрязнув в таковых сквернах и кровопролитии, посылаешь в чужие земли под стены чуждых градов великую христианскую армию без искусных и знаменитых полководцев, не имеющую к тому же мудрого и храброго предводителя… что бывает в войске всего погибельней и мору подобно.

Посылаешь армию без людей, с овцами и зайцами, не имеющими доброго пастыря, которые по ветру гонимого листа боятся, — как и в прежнем своём послании писал я тебе о каликах твоих, их же воеводишками силишься бесстыдно делать вместо тех храбрых и достойных мужей, которые перебиты и разогнаны тобой!»

Полоцкая катастрофа потрясла Курбского, узревшего возможность военного разгрома Московской Руси, обескровленной террором. При Грозном это было неизбежно. Князь разрывался между мало реальными планами истребить царя или хотя бы временно образумить его.

Не склонный к бессмысленной брани, Курбский писал Грозному в надежде вызвать «истинное покаяние» царя. Этим он начал письмо и закончил в нововзятом Полоцке призывом:

«Вспомни прошедшие дни и возвратись! Доколе, безумный, бесчинствуешь против Господа твоего? Разве не пришёл час образумиться, и покаяться, и возвратиться ко Христу, пока ещё не исторглась душа из тела, ибо после смерти не опомнишься, а в Аду не исповедуешься и не покаешься! Ты же бывал мудрым…»

* * *

Через 12 дней, 15 сентября 1579 года, когда царские войска потерпели новое сокрушительное поражение в крепости Сокол, Курбский вынужден был дополнить свое послание четкой постановкой вопроса о судьбе Московского царства. Прежде, при благочестивом царе, писал Андрей Михайлович (отложив ввиду тяжести ситуации обличение гнусного нрава молодого Грозного), Русь шла к победам.

«За тобой и ради тебя все добрые люди следовали за крестоносными христианскими хоругвями. Народы различные варварские не только городами, но и целыми царствами покорялись тебе, и перед полками христианскими шёл архангел-хранитель с воинством его… и животворящего креста сила помогала тебе и воинству твоему!

Когда же развращенные и прелукавые развратили тебя, и супротивным стал ты, и после покаяния возвратился на прежнюю свою блевотину… вместо избранных и преподобных мужей, правду тебе говоривших не стыдясь, окружил ты себя прескверными паразитами и маньяками. Вместо крепких воевод и полководцев Бог дал тебе гнуснейших и ему ненавистных… вместо храброго воинства — кромешников или опричников кровоядных, которые несравнимо отвратительней палачей…

И если погибают цари и властелины, создающие жестокие и неподъемные законы, — тем паче должны погибнуть со всем домом своим те, которые… опустошают свою землю и губят подданных целыми родами, не щадя и грудных младенцев, — за которых должны властелины, каждый за подданных своих, кровь свою в борьбе с врагами проливать!..

О споспешник древнего зверя и самого великого дракона, который искони противится Богу и ангелам его, погубить желая всю тварь Божию и все человеческое естество! Что так долго не насытишься кровью христианской, попирая совесть свою?..

Воспомяни дни своей молодости, когда блаженно царствовал!

Не губи себя и вместе с собой дома своего!..

Очнись и воспрянь! Еще не поздно, ибо самовластие наше и воля исправления к лучшему не отнимется, пока не рассталась с телом душа, данная нам Господом Богом для покаяния».

Так Курбский, отложив справедливый гнев, молил Грозного исправиться. С третьим посланием он отправил к царю второе, которое прежде не видел смысла посылать, и подходящий к случаю перевод «Парадоксов к Марку Бруту» Марка Туллия Цицерона.

* * *

Перевод «Парадоксов» был лишь малой частью обширной просветительской деятельности Курбского за границей. Она, как легко можно догадаться, почти не интересовала советских исследователей, хотя жизнь князя в Литве и на Волыни отразилась в превеликом множестве источников.

Еще в 1849 году Н. Д. Иванишев опубликовал двухтомник польско-литовских актов, относящихся к Курбскому. М. А. Оболенский, А. С. Архангельский и Г. З. Кунцевич подготовили во второй половине XIX — начале XX века издания ряда сочинений князя в защиту православия. Но уже второй том издания Кунцевича, содержащий важнейшие переводы Курбского, попал под Октябрьский переворот и, разумеется, так и не увидел свет. Значительная часть трудов Андрея Михайловича, в том числе оригинальных, недоступна широкому читателю.

Создано впечатление, будто Курбский только и занимался перепиской с Иваном Грозным! Ведь мало кто знает толстую книгу В. Андреева «Очерк деятельности князя Курбского в защиту православия в Литве и на Волыни» (М., 1873). Мало кто может обратиться к исследованиям Ю. Бартошевича, А. С. Архангельского, А. Ясинского, К. Харламповича, П. В. Владимирова, А. И. Соболевского, В. С. Иконникова, А. С. Грушевского и других солидных ученых, не переиздававшихся в советское время.

Между тем наукой давно установлена выдающаяся роль Курбского в борьбе с католическим наступлением в Восточной Европе, в «умственном пробуждении» и просвещении Южной и Западной Руси во второй половине XVI века. Уместен вопрос, почему ныне мы не видим имени Курбского рядом с именами Константина Острожского и Григория Ходкевича, в имении которого открыли типографию вынужденные бежать из затерроризированной Москвы первопечатники И. Фёдоров и

П. Мстиславец?

Ведь князь Андрей Михайлович был приятелем обоих и наиболее ревностным защитником православия среди русских (за границей), украинских и белорусских просветителей своего времени. В его имении Миляновичи работала мастерская по переводу, редактированию и переписке рукописей, на его средства получали образование в Польше и Италии православные юноши (например, князь М. А. Оболенский), сильная личность князя объединяла немало людей, которые в противном случае столкнулись бы в споре.

* * *

Роль защитника православия не была для Курбского необычной. Отпрыск славного рода, он готовился к ней с детства, обучаясь не только владеть мечом, но читать, писать, петь в храме. Историки столь усердствовали в изображении Андрея Михайловича беглым царским слугой, что почти позабыли: в первую очередь человек его круга был воин Христов и лишь затем — царский.

Получив широкое образование, старательно пополняя его по книгам и в общении со знающими людьми (такими как Максим Грек, Феодорит Кольский и другие), Курбский в перерывах между боями и походами брался за перо. Полагают, что ему принадлежат два переводных жития Августина Гиппонского и одно из сказаний о Максиме Греке.

В Юрьеве Ливонском Андрей Михайлович написал ряд сочинений на догматические темы: три послания старцу Псково-Печерского монастыря Вассиану Муромцеву и «Ответ о правой вере Ивану многоученому» (видимо, известному протестантскому проповеднику Веттерману) — первый опыт чрезвычайно занимавшего Курбского спора с реформатами.

В Литве князь незамедлительно сблизился с православным дворянством. Как литературные произведения бытовали и сохранились до наших дней три письма Курбского его другу, крупнейшему волынскому просветителю князю Константину Острожскому, два письма владельцу Виленской православной типографии Кузьме Мамоничу, два послания пану Фёдору Печихвостовскому, письма княгине Ивановой-Черторижской, пану Остафию Троцкому, пану Древинскому, Кодиану Чапличу и львовскому мещанину Семёну Седларю.

Послания посвящены «духовным вещам», особенно волновавшим православных среди массы новоявленных

реформационных течений, усиленной экспансии католицизма и надвигающейся церковной унии. Курбский поддерживал своих адресатов в «истинном христианском благочестии», резко спорил с заблуждениями, аргументированно осуждал «латинство» и «схизматиков».

Суровый и непримиримый тон писем Андрея Михайловича не должен нас обманывать. Его благочестие не было кондовым и домотканым; напротив, взгляды Курбского отразили сильное влияние гуманистических идей. Да и общался он отнюдь не только со своими единоверцами.

Формированию веротерпимости, позволявшей мирно спорить с представителями других конфессий и религиозных течений, способствовало гуманное учение выдающегося представителя русского духовного христианства старца Артемия Троицкого, подвигу которого Курбский воздал должное в своей «Истории».

Призывавший к миру и братской любви накануне опричнины, Артемий был, конечно, осужден как злой еретик и заточен на Соловках, но при помощи множества людей (среди коих был, видимо, и соловецкий архимандрит Филипп Колычёв) бежал и беспрепятственно прошел от Белого моря до Литвы, где поселился во дворце князя Юрия Слуцкого[24].

Сохранившееся письмо Курбского ученику Артемия Марку Сарыхозину свидетельствует, что Андрей Михайлович (при всем видимом отличии своей непримиримой позиции от преисполненной христианской доброты и любви к оппоненту проповеди Артемия), как и многие другие, не мог противостоять влиянию мудрого старца.

* * *

Более крупные работы Курбского также сочетали в себе полемический задор и просветительный пафос. Наиболее соответствует этому определению его «История о осьмом соборе» (прародителе унии), направленная против папства и преизрядно обличительная. Полагают, что источником сочинения была «История о листрийском, то есть разбойничьем… Флорентийском соборе», написанная в Вильно, но изданная только в 1598 году в Остроге.

Старался Курбский довести до читателя и перевод повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками», выполненный Максимом Греком. Рассказ этот перекликался и с проблемой унии, и с задачей объединения христианских сил на борьбу с мусульманской агрессией в Европе.

Долгое время считалось, что Андрей Михайлович самолично перевел повесть Энея Сильвия. Действительно, в изгнании князь изучил латынь и не только направлял работу переводчиков, но и сам изрядно переводил книги, особенно необходимые православным.

Программу переводческой деятельности Курбский чётко сформулировал в предисловии к «Новому Маргариту» — сборнику сочинений великого церковного учителя Иоанна Златоуста. В отличие от «Маргарита» старого, сборник очищен от множества сочинений, которые, как доказывал Курбский, приписали Златоусту еретики, чтобы использовать авторитет святого в своих целях.

Помимо предисловия о задачах перевода, Андрей Михайлович снабдил сборник сочинением о пунктуации («О знаках книжных»), которой обычно пользовались слишком вольно, двумя житиями Иоанна и полным перечнем его произведений. Включенные в «Новый Маргарит» тексты большей частью не были известны на славянских языках или были переведены плохо.

Крайне важным для полемики с иноверцами Курбский считал философский трактат Иоанна Дамаскина «Источник знаний». Переведя его, князь включил в сборник другие произведения Иоанна: «Фрагменты», «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Сюда же вошел «Диалог» Константинопольского патриарха Геннадия Схолария с турецким султаном, тематически дополняющий Дамаскиновы «Прения христианина с сарацином».

Как и «Новый Маргарит», сборник сочинений Дамаскина снабжен авторским предисловием Курбского и «сказами»-пояснениями. Эти книги задумывались и использовались на практике как пособия для полемики с католиками и протестантами. Курбскому пришлось изучить методы ведения дискуссии своих противников, прежде всего хитрости иезуитов, запутывавших неученых людей силлогизмами.

Поэтому трактат Иоганна Спангенберга «О силлогизме» был очень уместным приложением к сборнику сочинений Иоанна Дамаскина, позволяя православным освоить приёмы ученого спора. Любопытно, что Курбский предупреждал о необходимости не абсолютизировать силлогизмы как способ постижения истины, что было совершенно справедливо.

Распространял Андрей Михайлович и сборник произведений Симеона Метафраста, и отрывки из Дионисия Ареопагита, переводил из Василия Великого и Григория Богослова. Эта работа так сильно захватила князя, что о значении учёности он писал раз за разом даже в письмах кровавому царю, а в «Истории о великом

князе Московском» сделал отступление о судьбах православия в Литве и Польше.

Но учёные переводы помогали Курбскому и в политике. В судьбе Цицерона — «великого сенатора римского во времена, когда владели римляне всею вселенною», — он увидал прямую аналогию своей жизни: «А писал он тот ответ к недругам своим, которые укоряли его как изгнанника и изменника, подобно тому как твоё величество в нас, убогих, не в силах сдержать лютости твоего гонения, стреляет втуне и всуе стрелами огненных угроз».

Историки напрасно не обратили внимания на глубину этой аналогии защитника сословного представительства в России с «последним республиканцем» Древнего Рима. Впрочем, позицию историков Курбский предвидел, считая оправдание зверств царя-кромешника не менее преступным, чем прямое соучастие в злодеяниях власти.

* * *

Прошли века, но спор воеводы-изгнанника с тираном продолжается. И поныне ёжатся присяжные «оправдатели», мастера политических и исторических спекуляций, слыша гневный возглас князя Андрея Михайловича Курбского: «О, окаянные и вселукавые пагубники Отечества, и телесоядцы, и кровопийцы сродников своих и единоязычных! Поколь маете бесстыдствовать и оправдывать такого человекорастерзателя?!»[25]

И не только к русским полководцам XVI века относятся такие слова «Истории» Курбского: «О, преблаженные и достохвальные святые мученики, новоизбиенные от внутреннего змия! За добрую совесть вашу пострадали!»

Часть вторая
Бытиё

Глава 1
Казанское взятие [26]

Князья Семён Микулинский, Александр Горбатый, Василий Серебряный, Дмитрий и Давыд Палецкие, Пётр Шуйский, Иван Турунтай-Пронский, Михаил Воротынский, Пётр Щенятев, дьяк Иван Выродков и иже с ними

Осенью 1545 года юный великий князь Иван Васильевич, ещё не ставший царем и не получивший прозвание Грозный, но уже с удовольствием предававшийся зверствам, как обычно, собирался на богомолье. Согласно летописи, 3 сентября он приказал «за невежливые слова» вырезать в тюрьме язык Афанасию Бутурлину, 15-го выехал в Троице-Сергиев монастырь, где много молился, а затем отправился «на свою потеху в Слободу».

Заехав 5 октября в Москву, великий князь повелел бросить в тюрьму князя Александра Горбатого, князя Петра Шуйского, князя Дмитрия Палецкого с товарищами «и, устроив своё дело, поехал с Москвы в Можайск того же месяца октября в 9-й день».

Краткое сообщение летописи привлекает внимание именами людей, над которыми нависло зловещее обвинение в «неправде». Под угрозой проститься с жизнью на плахе оказались личности, известные в истории России как выдающиеся полководцы. Пройдёт ещё немного времени, и имя Александра Борисовича Горбатого-Шуйского с товарищами будет вписано в героическую историю Отечества. А пока… Пока молодым военачальникам помогло время.

Шел 1545 год, отмеченный историками как год начала войны Ивана IV за Казань. При всей злобности характера великий князь должен был подумать, кто поведет русские полки и как отзовутся его действия среди воевод. Через два месяца, в холодном декабре, поддавшись увещеваниям митрополита Макария, Иван Васильевич даровал опальным прощение.

Открытые весной 1545 года действия против Казани были успешны, но в Москве понимали, что это лишь начало большой войны. Недаром казанский хан Сафа-Гирей был ставленником Крыма. За его спиной стоял и более страшный враг — стремительно возвышающаяся Османская империя, которая, как щупальцами, охватывала границы Московского государства вассальными и полузависимыми ханствами. В апреле 1545 года разведать силы казанцев отправилась легкая рать под командой Семёна Ивановича Микулинского-Пункова.

* * *

Это был опытный воевода. Еще в 1533 году, при государе Василии Ивановиче, Микулинский-Пунков командовал полком Правой руки, стоявшим в Туле против крымского хана. В следующем году, когда воевода шёл с небольшими силами к Рязани, разведка сообщила о появлении азовско-крымского войска в степи у реки Прони. Семён Иванович немедленно устремился на врага и учинил ему страшный разгром. За этот неожиданный бой воевода получил свой первый золотой знак, носившийся на кафтане или на шапке и жаловавшийся только за выдающиеся военные заслуги.

Русские всадники. Гравюра XVI в.

В 1538 году Микулинский-Пунков стоял в Передовом полку «против Ростиславля», в 1540 командовал Большим полком на Рязани. Следующее лето стало настоящим испытанием для

полководца. Еще весной, откликаясь на просьбы казанцев избавить их от крымского ставленника Сафа-Гирея, разорявшего и Казань, и русские земли, Москва послала в помощь Казанской земле войско. Вскоре стало известно, что крымский хан Сагиб-Гирей, разорвав мир, двинулся на Русь со всей ордой, оставив в ханстве только «стара и мала». Под знаменами Сагиб-Гирея стояли также турецкие войска с пушками и пищалями, белгородские татары с Днестра, азовцы, ногайцы и астраханцы.

Станичник Андрей Кутуков, подкравшийся к вражескому войску близ Дона, рассказывал, что ханские полки шли по степи весь день, а конца им не видать. Орда не задерживалась на небольших крепостях. Назар Глебов, отбившийся с горожанами в Осетре, взял языков, поведавших об огромных силах хана, что идет «на Русь с великою похвалою, хотя потребити христианство». Сагиб-Гирей мнил себя новым Батыем.

30 июля орда выкатилась на берег Оки, рассчитывая, что московские воеводы не успеют собрать полки. Сопротивление татарской переправе оказывал только Передовой полк Ивана Ивановича Турунтай-Пронского. Под градом татарских стрел, под огнем турецкой артиллерии и янычар Передовой полк, по выражению летописца, «дрогнул». Орда начала переправу.

Но тут, откуда ни возьмись, «поспели своим полком» — гарнизоном Зарайска — князья Семён Иванович Микулинский-Пунков и Василий Семёнович Серебряный-Оболенский «да стали на берегу». В жестокой битве отважные воеводы не позволили орде переправиться через реку и дождались подхода основной армии. Татары подивились «русских сынов храбрости», хан же, увидев красоту и порядок московских войск, людей «цветных и доспешных», «в станы своя отъиде, в великом размышлении быв». Ночью, услышав, как русские подвозят к берегу пушки, орда двинулась в отход.

Хан хотел, спасая честь, взять стоящую в Диком поле крепость Пронск. Прокладывая себе дорогу огнём, орда бросилась на стены, но горожане «всеми людьми и женским полом» отбили приступ с великим уроном для неприятеля. Приготовления к новому штурму оказались тщетными: на помощь Пронску стремительно скакали князья Микулинский и Серебряный с храбрецами из Зарайска и охотниками-добровольцами из всех полков. «Мы идем к городу наспех и хотим с царём (крымским ханом. — *Авт.*) дело делати!» — извещали воеводы.

Как узнал об этом от пленного Сагиб-Гирей, устремился в бегство, потеряв осадные орудия и пушки, так что до самого Дона гнавшиеся за ним воеводы не увидали главных крымских сил, порубив и пленив только множество отставших.

Получив за этот подвиг дорогую шубу и почетный кубок, Семён Иванович Микулинский-Пунков на следующий год вновь оказался на южной границе, в Рязани. Он первый бросился за войском крымчаков, налетевшим было на русскую украйну, за ним последовали многие пограничные воеводы. На Куликовом поле воеводы вырубили и пленили татарский сторожевой отряд, а главные силы преследовали далеко в Диком поле, аж до Красивой Мечи. Затем Микулинский-Пунков командовал Передовым полком в Коломне, в 1543 году стоял у Нижнего Новгорода, охраняя его от казанского хана, и, видимо, год провел в увольнении от дел.

* * *

Поход 1545 года на Казань был блестящей военной операцией, основанной на быстроте и точном взаимодействии частей. Немалую роль играло доверие воевод друг к другу. Командуя Большим полком, Семён Иванович получил себе в товарищи славного Ивана Васильевича Большого-Шереметева, командира Передового полка, а Сторожевой полк возглавил мужественный князь Давыд Фёдорович Палецкий. Едва сошел лед, струги с русской ратью заскользили вниз по Волге от Нижнего Новгорода прямо к сердцу Казанского ханства.

Ещё более сложная задача легла на плечи четвёртого товарища-воеводы — Василия Семёновича Серебряного. Собрав рать и построив струги, он по полой воде поплыл реками Вяткой и Камой на соединение с основными силами. Несмотря на то что в пути князю не раз пришлось биться с казанцами, Серебряный встретился с Микулинским, Шереметевым и Палецким «на Казанском устие в неделю на Шествие Святого Духа во един час, яко из единого двора!» Объединившись, воеводы дружно напали на растерявшегося противника под Казанью.

Хан Сафа-Гирей не сумел оказать серьёзного сопротивления. Избегая обижать казанских жителей, воеводы разорили ханские владения на Свияге и пленили знатных мурз, а иных перебили. Внезапное нападение окончилось полным успехом. Семён Иванович с товарищами ушел на Русь, не видя за спиной преследователей.

О том, какое значение имела в этом походе согласованность действий русских дружин, говорит судьба запоздавшего по каким-то причинам войска пермского воеводы Внучка Львова. Появившись на своих судах под Казанью после условленного срока, оно полностью погибло вместе со своим воеводой.

Поход 1545 года сильно подействовал на настроения в Казани. Сторонники союза с Москвой подняли головы, а хан исполнился недоверием к своим мурзам, считая, что блистательным успехом русские могли быть обязаны только измене. Многие мурзы были казнены, другие бежали на Русь и в иные земли. Долго так продолжаться не могло. 29 июля в Москве было получено письмо знатных казанцев — мурзы Кадыша и Чуры Нарыкова — с предложением выдать хана с его приближенными-крымцами. Из Москвы последовало одобрение и обещание прислать помощь, если хан будет свергнут.

Казанцы слов на ветер не бросали. 27 декабря 1545 года Абеюрган-сеит, князь Кадыш и Чура Нарыков прислали в Москву посольство от всей Казанской земли, прося великого князя гнев свой от Казани отложить, потому что Сафа-Гирей изгнан из города. Казанцы, сообщали послы, хотят вновь на царство внука хана Ахмата по имени Шах-Али, ранее сидевшего на казанском престоле (в 1518–1521 годах) и вынужденного бежать на Русь. При этом Казань соглашалась дать присягу присланному из Москвы чиновнику.

Весной Шах-Али был отпущен в Казань и 13 июня 1546 года воссел на престоле, но вскоре верх одержала другая, прокрымская группировка, вновь утвердившая на престоле Сафа-Гирея. Шах-Али лишь чудом удалось скрыться. Узнав об этом, русские послали в Дикое поле Льва Андреевича Салтыкова, а на Вятку Алексея Даниловича Басманова встречать хана, который нашелся и был вновь препровожден в Москву. Чура Нарыков, князь Кадыш и многие другие сторонники союза с Россией были убиты, 76 знатных казанцев сумели бежать на Русь. Предстояла большая война.

Тем временем великий князь развлекался как мог. Выступив в Коломну, якобы против крымского хана, Иван Васильевич «тешился» играми, а когда к нему пришла делегация новгородских «пищальников» (стрельцов из пищалей), велел её прогнать. Возмущенные пехотинцы стали «шибать дворян грязью», те ударили в сабли и гнали пехоту до городской стены. Там народ поддержал обиженных, и развернулся настоящий бой: дворян лупили ослопами (дубинами), слышалась пальба, летели стрелы. Царь искал виновных — а ему нашептали на невинных, сводя придворные счеты. Князю Ивану Кубенскому и двоим Воронцовым отрубили головы, иных сослали, других бросили в тюрьму.

В подобном «веселии» прошла осень. 6 декабря явилось посольство от чувашей с просьбой о помощи против притеснений казанского хана. «Если великий князь пришлет войско, —

говорили послы, — наш народ государю будет служить». Небольшое русское войско было той же зимой послано. Командовал им выпущенный из темницы Александр Борисович Горбатый-Шуйский.

* * *

Воевать ему было не впервой. Еще в 1538 году он был товарищем Микулинского-Пункова, ведя Сторожевой полк. В следующем году князь Горбатый стоял с Передовым полком во Владимире и ходил на помощь Ивану Васильевичу Большому-Шереметеву, отбивавшему казанцев от Мурома, на зиму был послан в Шую, откуда получил отпуск, «убившись с коня».

В 1541 году Александр Борисович возглавил Передовой полк против Казани, который не выступил в поход из-за крымского нашествия, потом зимовал на Плесе, а на следующий год воеводствовал в Костроме. В 1543 году вновь собирались полки на Казань, на этот раз в Муроме, но поход не состоялся, и Горбатый со своим полком Правой руки ушел во Владимир. В 1544 году князь воеводствовал в Муроме, а его возвращение в следующем году в Москву привело, как мы помним, к опале.

* * *

С малоприятными воспоминаниями о Москве Александр Борисович устремился по зимнему пути на помощь чувашам и, не успели казанцы оглянуться, как его дружинушка оказалась возле устья Свияги, сильно досаждая ханским чиновникам. Тщетно ловили его отряды Сафа-Гирея: воевода ускользал и наносил удары в новых местах, сильно повоевав окрестности Казани. Ближе к весне Горбатый благополучно вернулся в Нижний Новгород, приведя на русскую службу сотню чувашей.

Время шло. В январе 1547 года по воле Земского собора великий князь Иван Васильевич венчался царским венцом. Той же зимой состоялась свадьба царя с замечательной женщиной, на время, пока она была жива, сдерживавшей его зверские инстинкты, Анастасией Романовной Юрьевой. В июне Москву потрясло народное восстание, так перепугавшее Ивана Васильевича, что с тех пор ужас поселился в его душе и не оставлял царя до самой смерти.

Война не прекращалась. В феврале 1547 года русская армия под командой Александра Горбатого и Семёна Микулинского

вышла по Волге из Нижнего на Казань, надеясь объединиться с чувашами. Но от Сухой Ельны пришлось поворачивать назад: оттепель сделала лед непрочным, а приволжские зимники — непроходимыми. Опыт показал, что по зимнему пути следует выступать раньше.

Подготовка нового похода началась уже в ноябре 1547 года. Шах-Али и Иван Васильевич решили лично участвовать в нём, но армию преследовали причуды погоды. Только во Владимир артиллерию притащили после Крещения, «великою нуждою, понеже быша дожди многие, а снегов не быша нимало». В Нижний Новгород московский царь прибыл 26 января, а выступить к Казани армия смогла лишь 2 февраля 1548 года.

Во главе с царем армия прошла пару десятков верст до острова Работки. На следующий день началась оттепель. На Волге лёд покрылся водой, пушки проваливались в пучину, множество людей потонуло в невидимых под водой полыньях. По ночам в небе дважды полыхало северное сияние.

Царь испугался и повернул с частью войск назад. Однако остальное русское воинство нимало не устрашилось и под командованием боярина князя Дмитрия Фёдоровича Бельского двинулось к Казани, соединившись у Цывильского устья со сборными полками Шах-Али.

Арское поле под Казанью было избрано ханом Сафа-Гиреем для решительной битвы. Главную его силу составляли крымские татары, многие казанцы неохотно следовали за ханом. Но и с русской стороны в бой вступили лишь лёгкие передовые силы. Сторожевой полк Петра Ивановича Шуйского вовремя обнаружил и «сметил» неприятеля. Передовой полк под командой Семёна Ивановича Микулинского и Давыда Фёдоровича Палецкого немедля «напустил» на врага. В сече отличился молодой князь Никита Васильевич Шереметев, врубившийся со своим братом Григорием в ханский полк. Григорий был убит, но неприятель дрогнул и начал отход.

Между тем большие воеводы медлили, так что ни полк Правой руки во главе с Александром Горбатым и Василием Серебряным, ни полк Левой руки Ивана Шемяки-Пронского и Василия Мезецкого не могли прийти на помощь своим. Пока Бельский с Шах-Али раскачивались и надумывали идти к месту сечи, Микулинский и Палецкий самолично хана в город втоптали, множество знатных князей и мурз порубили и перевязали.

Можно было начинать осаду, и «многоразсудный» дьяк, талантливый военный инженер Иван Григорьевич Выродков, сумевший доставить легкие пушки, уже принялся за дело. Но большие воеводы предпочли разорить окрестности города и,

простояв под Казанью всего неделю, приказали отступать. Начавшись победой, дело завершилось неудачей.

В Казани между тем произошли перемены. Сафа-Гирей очень неловко упал в собственных хоромах и скончался. Власть перешла к его вдове Сеюнбек-хатун, дочери ногайского хана, правившей от имени своего малолетнего сына Утемыш-Гирея. Посольство казанцев о помощи в Крым весьма удачно перехватили казаки, взявшие посольские грамоты.

Перемены происходили и в Москве, где правительство приступило к реформам, укреплявшим сословно-представительную монархию и войско. Тем временем уже известные нам воеводы берегли границы и готовились к новым боям. Зимой, ожидая большого набега ногаев, Александр Горбатый стоял в Коломне во главе Большого полка, Василий Серебряный — Передового, Семён Микулинский — Правой руки. Весной Большой полк Горбатого переместился в Нижний Новгород. Летом Александр Борисович стоял вместе с Василием Серебряным в Костроме, готовясь к новому казанскому походу с полком Правой руки. В Шуе собирался Передовой полк Петра Ивановича Шуйского, в Ярославле — полк Левой руки под командой Михайла Ивановича Воротынского. Пётр Иванович Щенятев и Семён Иванович Микулинский-Пунков были назначены в царский полк.

Пособирались, однако, долго. Царь выступил из Владимира только 7 января 1550 года. Поход был тяжёлым из-за многоснежной зимы и неудоботерпимых морозов, пробиравших людей и коней. Только 12 февраля русская армия добралась до Казани и дворовый воевода{8} Семён Микулинский распределил полки на осаду города. Под руководством Выродкова русские воины быстро возвели полевые укрепления и расставили по батареям орудия. Огонь оказался меток: среди казанцев были убиты двое военачальников, не считая множества простых ратников. Но укрепления города пострадали незначительно.

Во вторник на Фёдоровой неделе русские пехотинцы в доспехах, набранные из военных холопов, были брошены на крутые казанские стены. Основная часть войска не участвовала в штурме, но сеча была жестокая и очень кровопролитная.

Русские наступали упорно. Казанцы, неся большие потери, стояли насмерть. Даже защищенные тяжёлыми латами воеводы, князья Пётр Иванович Щенятев и Иван Васильевич Большой-Шереметев, увлекая воинов своим примером, в разгар сечи получили серьезные ранения. Приступ был отбит.

Решили перейти к осаде. «Ино пришло в то время, — писал летописец, — аерное (воздушное. — *Авт.*) нестроение, ветры

сильные, и дожди великие, и мокрота немерная, и вперед ко граду приступати за мокротою невозможно и ис пушек стреляти не мочно. И царь и великий князь стоял у города 11 дней, а дожди во вся дни быша, и теплота, и мокрота велика, речки малыя попортило, а иные и прошли». Боясь, что, не взяв Казани придётся бросить тяжёлую артиллерию, царь велел отступать.

Неудача заставила московское правительство более основательно подойти к решению казанского вопроса. В1550 году были сформированы первые шесть приказов московских стрельцов — регулярной пехоты, вооруженной огнестрельным и холодным оружием: лёгкими пушками и пищалями, бердышами и саблями. Каждый приказ насчитывал 500 человек рядовых, имел постоянных командиров. Позаботились об усовершенствовании мощных пушек и мортир, так что в походе 1552 года русская армия располагала уже 150 тяжёлыми орудиями.

Особое значение имело дипломатическое обеспечение войны. Перемирие с Польско-Литовским государством на время обезопасило западную границу Руси. На юге и востоке русская дипломатия столкнулась с энергичными усилиями Османской Порты по созданию антимосковской мусульманской коалиции. Помимо Крыма, Казани и Астрахани, важную роль в ней должна была сыграть Ногайская орда.

В декабре 1550 ногайские войска под командой трёх воевод вторглись на Русь в районе Мещёры и Старой Рязани. Положение было опасным. К этому времени русские большие полки Семёна Ивановича Микулинского-Пункова, Василия Семёновича Серебряного, Александра Борисовича Горбатого, Андрея Михайловича Курбского и других воевод, отразившие в августе набег 30-тысячной крымской рати, уже отошли на зимние квартиры.

Но городовые воеводы, располагавшие небольшими силами, не дрогнули. Выступившие из Рязани Пётр Щенятев и Александр Воротынский соединились с вышедшим из Николы-Зарайского Дмитрием Микулинским-Пунковым и смело ударили по врагу. В нескольких схватках ногайцы были разбиты, и один из их предводителей попал в плен.

С подоспевшими вскоре воеводами из Елатьмы русские и служилые татары с боем гнали ногайцев до самого рубежа, далее за неприятеля принялись казаки. Глубокий снег и морозы довершили разгром: едва сорок воинов с двумя воеводами пешими прибрели в орду, остальные, по выражению летописца, «зле погибли».

Мужество русских воевод подготовило почву для посольской миссии талантливого московского дипломата Петра Тургенева.

Ногайский хан отказался вступить в антирусскую коалицию. Крым и стоявшая за его спиной Османская империя остались без важного союзника в схватке с Москвой за Казанское ханство.

Для серьёзной борьбы за Казань россиянам нужна была база в непосредственной близости от города. Постройка её в самом сердце враждебной земли была сложнейшей и, казалось, невыполнимой задачей. Требовалось смелое, неожиданное решение. Его предложил выдающийся русский инженер Иван Григорьевич Выродков. Еще зимой 1550 года он обследовал удобную гору на реке Свияге, недалеко от её слияния с Волгой, в непосредственной близости, но вне прямой видимости от Казани.

Зимой 1551 года, имея за голенищем сапога проект большой деревянной крепости со множеством крепких высоких башен, крытыми стрелковыми галереями, дворами для воинов, складами и церквами, Иван Григорьевич поехал на Верхнюю Волгу, в Угличский уезд. Там, собрав мастеров, выстроил он город-крепость со всеми внутренними палатами. Рядышком были построены большегрузные суда. Затем весь город был тщательно перемечен, разобран и загружен на суда.

В апреле караван судов, везущий русские большие полки, неспешно двинулся вниз по Волге. Одновременно в Казанское ханство вошли отряды с Мещеры и Вятки. Казаки перехватили все пути по Волге, Каме и Вятке. Наконец, из Нижнего Новгорода был выпущен передовой отряд дворян, стрельцов и казаков удалого князя Петра Серебряного. Люди Серебряного плеснули веслами и вмиг скрылись за поворотом реки.

16 мая Пётр Семёнович Серебряный с воинами уже стоял на Круглой горе над Свиягой, где впоследствии будет основан город. Помолясь, воевода двинулся дальше. 18 мая в первом часу дня[9] те его корабли, что не заблудились в густом тумане, подгребли прямо к Казани.

Воины соскочили на пристань и учинили дело немалое: «полону русского много отполонили (то есть освободили. — *Авт.*), а князей и мурз великих болши ста убили». Потеряв всего около пятидесяти человек, заполнив ладьи спасенными пленниками и связанными казанцами, Серебряный благополучно «отошел на Свияжское устие да стал на Круглой горе дожидаться царя и воевод».

24 мая 1551 года забурлила под веслами река Свияга. На берег сошел с ладьи боярин и воевода Семён Иванович Микулинский-Пунков, за ним Шах-Али и множество воевод, подтянулся к берегу караван Выродкова. Прибывшие воины осмотрелись, поплевали на ладони и перво-наперво очистили гору от густого леса. Затем помолились и принялись возводить

город.

Учитывая рвение строителей, величину горы и наличие хорошего местного леса, Выродков расширил первоначальный замысел вдвое, чтобы стены охватывали не только вершину Круглой горы, а всё удобное для строительства пространство. За четыре недели возведен был город Свияжск, включая жилье, церкви и даже монастырь. То была прочная, просторная крепость, заполненная удобным, не хуже московского, жильем, любовно украшенным плотницкими «художествами».

Узрев такие чудеса, местные жители-чуваши после недолгих переговоров порешили служить воеводам Свияжска. Им вручили царскую «грамоту жаловальную с золотою печатию» о принятии в российское подданство с освобождением от налогов на три года.

Местные жители получали равные права с другими подданными Московского государства. Послам их был оказан должный почет. Условием принятия в подданство было освобождение чувашами всех пленных из других областей Русского государства. Чуваши вскоре показали верность московскому государю в бою на Арском поле с крымскими и казанскими воинами: только неприятельская артиллерия заставила их отступить.

В Казани знали о приходе на Свиягу русского войска, но не верили слухам о возведении города. Это-де не город, а гуляй-городок из телег, скованных цепями, уверяли казанцы, — ибо крепости в одночасье не ставятся!

Когда же очевидцы принесли подлинные вести о Свияжске, казанцы «вельми ужасошася, и вниде трепет в кости их, и советоваша поддатися царю и великому князю». Крымчаки, объединившиеся вокруг царицы Сеюнбеки и малолетнего царевича Утемыш-Гирея, отвечали на волнения горожан расправами. Их лидером стал Кучак, «любодейно живший с царицей» и надеявшийся занять престол Казани.

Осмелевшие от присутствия русских войск жители восточной стороны Волги вскоре стали открыто выступать против крымского засилья. В самом городе «начаша рознити казанцы с крымцы». Близ ханского дворца произошел настоящий бой: крымцы одолели, а потерпевшие поражение князья и мурзы выехали из Казани в Свияжск.

Земля под крымцами зашаталась, опасения их умножились, первым струсил Кучак. «Видя весь народ волнуем на себя, и яко хотели его убить, — писал казанский историк XVI века, — испросившись у казанцев якобы собрания ради воинства… собравшись со своими татары, взяв с собою брата своего, и жену, и два сына, побежал в Крым».

Обрадованные казанцы предупредили о побеге русских воевод. Иван Васильевич Большой-Шереметев с лёгким полком настиг Кучака на Переволоке между Волгой и Доном и наголову разгромил. Много крымских воинов было убито, сам Кучак с родней и почти тремястами знатными крымчаками попал в плен.

Судьба Кучака показывает, насколько окреп в постоянной борьбе за умы и души людей как духовное оружие на юге Европы ислам. Человек явно не храброго десятка, Кучак в Москве даже под угрозой смерти отказался принять крещение; так же поступили его соратники, все до одного пошедшие на казнь. Только женщины и дети были крещены и получили за это награду — жизнь и свободу.

Другая группа крымцев бежала вверх по Каме к Вятке, но была подкараулена Бахтеяром Зюзиным с вятичами и истреблена, причем предводители её попали в плен. После этих событий казанцы обратились к царице с прошением, чтобы она «их соблюла здравых», выйдя замуж за престарелого Шах-Али.

Волевая и умная женщина, Сеюнбеки сумела провести с «женихом» переговоры и чуть было не сохранила власть за собой (а учитывая возраст Шах-Али — и за своим сыном). Однако Шах-Али вовремя спохватился. По его словам, договор расстроился якобы из-за того, что Сеюнбеки прислала ему в дарах еду с ядом и отравленную рубашку — довольно надуманный предлог, учитывая соотношение сил в Казани.

Как бы то ни было, дополнительные переговоры, в которых принял участие ближний царский советник Алексей Адашев, завершились поражением Сеюнбеки. Казанцы торжественно вывели свою царицу с сыном и придворными дамами из города и передали в руки воеводе князю Петру Серебряному, препроводившему знатных пленников в Москву.

16 августа 1551 года Шах-Али уже в третий раз занял ханский престол. По условиям договора хан должен был освободить всех пленных, а противоположная правая сторона Волги, где стоял Свияжск, отходила Московскому государству.

Русская земля праздновала «славную без крови победу», принимая вновь в своё лоно более 60 тысяч освобождённых из рабства единоплеменников. Астраханский хан прислал посольство с просьбой принять и его в подданство, «как и Шигалея царя (хана Шах-Али. — *Авт.*) и иных царей». Но положение в Казани было неспокойным.

Воевода Иван Хабаров и дьяк Иван Выродков, вошедшие в Казань вместе с небольшим отрядом стрельцов, извещали, что Шах-Али задерживает освобождение русских пленников, которых хозяева заковывают в цепи и прячут по ямам. Казанские послы, в

свою очередь, требовали платить мурзам за службу высокое жалованье, «платье, и деньги, и сукна», выторговывали власть над правобережными чувашами или хотя бы налоги с них.

Дождавшись отъезда Хабарова и Выродкова, Шах-Али открыто проявил свой нрав, за который уже дважды изгонялся казанцами. Собрав своевольных князей у себя на пиру, он велел перебить их. За два дня резни в городе было убито семьдесят видных казанцев. В Казань вновь срочно выехал Алексей Адашев, которому Шах-Али сказал:

— Прожить мне в Казани нельзя, загрубил есми казанцам добре; брался выпросить им у царя московского правый берег Волги, и если этого не будет, то и я в Казани не усижу.

Адашев отвечал, что чувашей назад в казанское подданство никто не отдаст, и мир не утвердится до тех пор, пока все пленные не будут из рабства освобождены. Если же хан хочет из Казани бежать, то сначала должен ввести в город русские полки и воевод.

— Я мусульманин и не хочу против своей веры идти, — заявил хан, — но и государю вашему изменить не хочу. Некуда мне бежать, кроме как к московскому царю. Если казанцы встанут на меня — изведу лиходеев и убегу к государю!

Адашев уехал, убедив хана вести себя более мирно и в согласии с договором. В январе 1552 года переговоры продолжались в Москве через Ивана Васильевича Большого-Шереметева. Ему казанцы сильно жаловались на Шах-Али, «что их убивает, и грабит, и жен их и дочерей емлет сильно». Шереметев сумел договориться, что вместо хана московский царь пришлет в Казань наместника с войском и город будет управляться так же, как другие города Российского государства. Чтобы провести эту договоренность в жизнь, в феврале Адашев вновь направился в Казань, где столкнулся с неожиданно упорным противодействием хана.

— Мусульманского государства я не разрушу, — заявил Шах-Али, — а прожить мне в Казани нельзя, меня здесь убьют, убегу в Свияжск!

6 марта хан исполнил угрозу: обманом, собираясь будто бы на рыбную ловлю, выехал из города со множеством знати и вывел из Казани всех стрельцов, составлявших его охрану. По прибытии Шах-Али в Свияжск наместник и воевода князь Семён Иванович Микулинский-Пунков начал переговоры с горожанами Казани о принятии города под своё управление. Вскоре договор был заключен и утвержден многими видными казанцами. В город были направлены воеводские обозы с семьюдесятью казаками для размещения на тех дворах, которые отведут сами казанцы.

В сопровождении множества казанских князей воеводы Семён Микулинский, Иван Шереметев и Пётр Серебряный с полками направились к Казани. Перед самыми воротами они узнали, что в городе произошло восстание. Сторонники «священной войны» — муллы и другие исламские священнослужители сумели обмануть народ ложью, что все выехавшие из города казанцы перебиты и повязаны, что русские хотят вырезать всё мусульманское население.

Несмотря на то что множество казанцев жили в ту пору в незащищенном посаде под городом, Микулинский с товарищами «ни одному человеку лиха не учинили», стараясь переговорами склонить жителей к миру. Вскоре стало известно, что казанцы клятве изменили и на мир не согласны. Но Микулинский всё ещё надеялся успокоить волнения в городе и приказал отвести войска в Свияжск, чтобы продолжить переговоры.

Вместо них началась война. Бежавшие в город и захватившие власть мурзы, опираясь на мусульманское духовенство, всеми силами разжигали в народе ненависть к Руси. На казанский престол они пригласили из Астрахани ханского сына Еди-Гирея. Казанские отряды напали на правобережных чувашей, желая заставить их отказаться от русского подданства. Чуваши стояли крепко, в одном из боев даже захватили двух казанских мурз. Однако, видя, что зазимовавшие в Свияжске русские войска ослаблены цингой, чувашские князья завели тайные переговоры с казанцами.

Едва вскрылась Волга, на судах поспешила в помощь Микулинскому с товарищами легкая рать Александра Борисовича Горбатого и Петра Ивановича Шуйского. Воеводы со свежими запасами продовольствия прибыли вовремя. Множество чувашских князей уже отложилось от Свияжска, т. е. изменило присяге, и вокруг города шла война.

Цинга валила русских воинов, они терпели одно поражение за другим; взятых в плен казаков и дворян публично казнили в Казани «для поднятия духа» бунтующих мусульман. Через заставы на Каме хан Еди-Гирей прорвался в город и ободрил казанцев. Но Свияжск устоял, а Москва готовила войска к решительному походу на Казань.

Народу война с Казанью представлялась как продолжение многовековой борьбы с басурманами, которые столетие за столетием разоряли Русскую землю, проливали невинную кровь, угоняли в страшное рабство. Покончить с наследником Золотой Орды, освободить томящихся в неволе братьев, принести мир и покой истерзанной земле — эти идеи были близки народам Московского государства, дружно поддерживавшим казанский

поход. Настаивала на походе и Русская православная церковь, выступая проповедницей войны с басурманами.

Действия казанской знати и духовенства оказались как нельзя более выгодны российским властям. Слишком богата, слишком «угодна» была «под райская землица» Казанского ханства, чтобы мирным соединением его с Русью оставить значительную часть владений в руках местных князей и мурз. В центре Руси землицы и крестьянских рук для помещиков уже не хватало, и дворянство алчно глядело на восток. «Хотя бы таковая землица угодная и в дружбе была, — писал дворянский публицист Иван Пересветов, — ино было ей не мочно терпети за такое угодие».

За войну активно выступало и купечество. Казань перекрывала важнейший торговый путь между Европой и Азией. Многочисленные перемирия и соглашения с казанскими властями лишь приоткрывали этот путь, неизменно завершаясь кровопролитием. Тысячи купцов были ограблены и проданы в рабство. Торгово-промышленные круги готовы были пожертвовать большие средства на окончательное уничтожение разбойничьего гнезда — Казани.

Известие о разрыве казанцами мира, подобно выстрелу, выпустило скрытую на Руси огромную энергию. С невиданной быстротой собирались полки, флот речных судов загружался продовольствием и воинскими припасами, чтобы обеспечить ратников всем необходимым. Рассуждения о трудностях летней войны — «для того, что Казанская земля в великих крепостях, в лесах, и во озерах, и во ржавцах: зимою добро будет воевать» — были отметены. 16 июня 1552 года большие полки выступили из Москвы с самим царем Иваном Васильевичем.

Во главе ратей стояли храбрые и опытные воеводы: в Большом полку Михаил Иванович Воротынский, в Передовом — Иван Иванович Турунтай-Пронский, в Правой руке — Андрей Михайлович Курбский и Пётр Михайлович Щенятев, в Левой руке — Дмитрий Иванович Микулинский-Пунков и Дмитрий Михайлович Плещеев, в Сторожевом полку — Дмитрий Иванович Немово-Оболенский и Михаил Иванович Вороново-Волынский.

Крымский хан Девлет-Гирей вознамерился сорвать русский поход и пошел в набег со всей ордой, турецкими янычарами и артиллерией, ногайскими и другими прибылыми отрядами. Для разгрома столь страшного прежде неприятеля потребовалась лишь небольшая часть российского воинства. Мужественный князь Андрей Курбский со своим другом Петром Щенятевым, как сокол на ворона, ударил полком Правой руки на крымскую орду, обратившуюся в бегство. Иван Иванович Турунтай-Пронский и

Михаил Иванович Воротынский со своими полками также жаждали сразиться с неприятелем, но догнали его, похоже, только воеводы с Прони — Михаил Репнин и с Михайлова — Фёдор Салтыков.

Разбитый под Тулой и у речки Шиворони хан, бросая людей и обозы, с «великим позором» бежал в Крым. Остановить русское наступление ему не удалось.

Быстрыми переходами, строя по дорогам мосты, русская армия шла по пустым и безлюдным местам на Казань, делая по 30 километров в сутки. Везде, от южных степей до пермских лесов, воинские отряды и полки стерегли неприятеля, который захотел бы помешать походу. Ханство было со всех сторон окружено заставами, а русские входили в него одновременно по множеству путей.

Не дремали и свияжские воеводы. Рать Семёна Ивановича Микулинского-Пункова совершила скорый поход от Свияги вниз по Волге, по чувашским землям. Сторожевой полк Петра Серебряного разгромил собравшегося неприятеля, и многие чуваши вновь принесли присягу на верность Москве.

Вскоре затем Пётр Иванович Шуйский водил рать «на достальных» чувашей: они «все государю добили челом и приложились к Свияжскому городу». К 18 августа, когда царские полки после торжественной встречи на полях вступили в Свияжск, правая сторона Волги была упрочена за Московским государством.

В Свияжске утомленные дальней и трудной дорогой войска были удобно размещены и снабжены всем необходимым. Русские купцы доставили Волгой столь разнообразные припасы, что и вдали от своих домов воины чувствовали себя, как в Москве. Даже видавшие виды воеводы были поражены отличным снабжением и изобилием всего, «чего бы душа восхотела!» Отдых в Свияжске придал ратоборцам новые силы. Все почувствовали, что не во временном походе, а навсегда вступила на эту дальнюю землю нога россиянина.

Из Свияжска хану Еди-Гирею и казанцам было послано новое предложение о мире. Ответа не было, и русские войска быстро переправились через Волгу. Путь к Казани был ограждён с востока рекой Казанкой, с запада — речкой Булаком с топкими берегами, а со стороны Камы — крутой горой между городом и Арским полем.

Через множество болотистых речушек приходилось мостить мосты и гати, разобранные казанцами, строить дороги для пушечного обоза. 20 августа пришла грамота хана Еди-Гирея с «гордыми и скверными словами». Казанский владыка заносчиво

укорял московского царя «и себя на брань готова возвещал».

23 августа 1552 года воинство вышло к Казани. Грозно молчали стены и башни на высокой горе, сложенные из неохватных дубовых брёвен срубами, крепко забитыми землей да каменьем. Речки и наполненные водой рвы, дубовые надолбы и предмостные укрепления усиливали оборону города. Более тридцати тысяч отборных воинов засело с Еди-Гиреем в Казани, а полевая армия князя Япанчи должна была нападать на осаждающих с тыла.

Развернув знамя с образом Нерукотворного Спаса, в навершии — с крестом, бывшим у князя Дмитрия Донского на Куликовом поле, российские полки двинулись вокруг города. Первым переправился через речку Булак отряд в семь тысяч воинов с храбрыми юношами во главе: Юрием Ивановичем Шемякиным-Пронским и Фёдором Ивановичем Троекуровым. Отряд наполовину взобрался на крутую гору, а Большой полк Михаила Ивановича Воротынского начал переправу, когда казанцы пошли на вылазку.

Около пяти тысяч конников с копьями наперевес и более десяти тысяч пеших татар с луками выскочили на узкое, не более двух полетов стрелы, пространство между стенами и Булаком и ударили в середину русского отряда, разрезав его пополам. Молодые воеводы не растерялись: немедля поворотили оставшиеся с ними силы назад на неприятеля и крепко сразились с ним.

У благоразумного князя Воротынского в первых рядах шли стрелецкие полки-приказы во главе с Иваном Черемисиновым, Григорием Жолобовым, Дьяком Ржевским и другими «головами»-полковниками. По приказу Михаила Ивановича они поспешили на помощь к своим. Не медля, стрельцы развернули пушки и накрыли противника плотным орудийным и пищальным огнем. С казанских стен и башен загремели ответные выстрелы, и «бысть сеча велика и преужасна, от пушечного бою, и от пищального грому, и от гласов и вопу кричания от обоих (сторон. — *Авт.*) людей и о трескоте оружия. И не бысть слышати друг друга глаголанного, бысть яко гром великий и блистания от множества огня пушечного, и пищального стреляния, и дымного курения».

Стрельцы били без промаха и вскоре привели неприятеля в ужас. В панике враг побежал, забивая прицельно обстреливаемые из пушек ворота города, заваливая трупами мосты.

Разгром татарской вылазки Воротынский довершил контратакой. Стрельцы утвердились на краю городского рва и усиленным огнём не давали неприятелю высунуться из-за стен, пока их товарищи катили и устанавливали в 50 саженях от города

заранее приготовленные плетеные туры, которые тут же забивали землей. Стрельцы и казаки получили приказ, используя растерянность казанцев, «против города закопаться во рвы» и энергично замахали лопатами.

Но казанцы быстро поняли грозившую городу опасность. Они во что бы то ни стало должны были отбросить людей Воротынского от стен и атаковали, не считаясь с потерями. Расстреливаемые в упор, казанцы лезли на туры и бросались врукопашную весь день и всю ночь. Умело применяя защитные сооружения, русские почти не несли потерь. Защитники же города после отступления недосчитались немалого числа мурз и множества простых воинов.

Тем временем россияне в течение нескольких дней под огнём со стен (весьма неточным, ибо стрелять татары заставляли русских же пленников, прикованных цепями) окопали весь город шанцами, настроили по проекту дьяка Выродкова батарей и установили артиллерию. Всего город обстреливало около 150 орудий, самое малое из которых имело полторы сажени в длину.

Пушечные батареи дополнялись подтянутыми под самые стены тяжёлыми мортирами для истребления неприятеля внутри города. Первые же залпы русской артиллерии освободили стены и башни Казани от пушек, сбитых прочь точными выстрелами пушкарей. Не удавалось избавиться только от мушкетного обстрела, приводившего к ощутимым потерям.

По плану Ивана Григорьевича Выродкова Казань за семь дней была окружена двумя параллельными линиями туров с батареями; на крутых местах строились надолбы. Бойницы внутренних укреплений были обращены к городу, а внешних — в поле, поскольку казанцы постоянно налетали со всех сторон. Неуловимый Япанча со своими всадниками нападал на строителей и коноводов, охотился за заготовителями конского корма.

Стоило муллам Казани вынести на высокую башню громадное зелёное знамя ислама и помахать им в воздухе, как конные полки вырывались из лесов и всей мощью наваливались на россиян. Тотчас открывались ворота города, и казанцы шли на вылазку, сражаясь с невиданной храбростью.

Теперь, когда казанцы бились не за крымского ставленника, а за собственные дома, борьба стала крайне ожесточённой. Воодушевление охватило и русских ратников. Даже Иван Фёдорович Мстиславский, никогда не отличавшийся рвением, бросился на отражение вылазки, был ранен, но пленил вражеского военачальника.

Во время одной из вылазок на батареи тяжёлых орудий

десятитысячный русский полк был оттеснен с укреплений и только своевременно подоспевшее муромское дворянство обратило неприятеля в бегство.

28 августа Передовой полк Ивана Ивановича Турунтая-Пронского и Дмитрия Ивановича Хилкова с огромным напряжением и помощью других полков отбросил неприятеля в сече на Арском поле. На следующий день войска Япанчи угрожали полкам Щенятева и Курбского, Дмитрия Фёдоровича Палецкого и Алексея Адашева, отвлекая большие силы на оборону наружного пояса осады.

Вылазки и набеги казанцев участились. Доходило до того, что ратникам некогда было и сухарь спокойно съесть. Едва не каждую ночь воинство пребывало без сна, отряды же казанцев были неуловимы. На военном совете в царском шатре храбрейшие воеводы вызвались положить конец набегам Япанчи. Александр Борисович Горбатый, Семён Иванович Микулинский-Пунков и Давыд Фёдорович Палецкий с товарищами взялись заманить Япанчу в засаду.

30 августа Александр Борисович с конницей выехал на Арское поле, как бы предлагая себя неприятелю. Стрелецкую и поместную пехоту он послал в обход поля лесом. Князь Юрий Иванович Шемякин-Пронский скрытно обходил поле с другой стороны.

В третьем часу дня передовые отряды казанской кавалерии напали на охрану у русских укреплений, которая, избегая схватки, отступила. Пока казанцы гарцевали у шанцев, осыпая их стрелами, в поле выступили главные пешие и конные полки Япанчи. Заманивая их, Горбатый под градом стрел медленно отступал, пока последние ряды неприятеля не вышли на поле.

По сигналу Горбатого начал атаку Шемякин-Пронский, пехота ускорила движение, перерезая неприятелю пути отхода. Видя ловушку, Япанча со своими полками отважно устремился на главного воеводу, надеясь смять его малые силы. Поднял тут Александр Борисович саблю и закричал громовым голосом:

— Напустим! Время! Бог с нами — кто на нас!

Как ветер полетели конные полки друг на друга и с грохотом столкнулись посреди поля, а из-за холмов и перелесков уже мчали на помощь своим Микулинский и Палецкий, наседал на задние ряды казанцев Шемякин-Пронский. В жаркой сече изрубили россияне противника. Неукротимый Япанча вырвался с остатками полков, но непросто было отделаться от Горбатого: пятнадцать верст гнали их русские конники, сбросив остатки в речку Килирь. Тут, на берегу, остановил Александр Борисович коня и велел трубить в серебряные трубы, созывая ратников.

Многие считали Казань окончательно отрезанной от возможной помощи, но Горбатый, Микулинский и Палецкий понимали, что у противника ещё оставались возможности для восстановления сил. 6 сентября воеводы получили разрешение на новый поход. К тому времени казанцы, собравшиеся после разгрома Япанчи, укрепились в двух верстах от города на горе между болот и озер. Здесь они возвели стену из заполненных землёй срубов, прикрыли фланги укрепления лесными завалами и намеревались устроить базу для набегов к городу.

На этот раз Александр Горбатый и Семён Иванович Микулинский с товарищами показали, что знают толк не только в кавалерийской атаке. Впереди полков они поставили стрельцов и казаков с полевой артиллерией. Семён Иванович, спешившись и приказав сойти с коней дворянам, лично повёл полк на крепость. Под прикрытием пушечного и мушкетного огня через два часа он подвел воинов к самым воротам и вломился в острог.

Пока Микулинский-Пунков наступал под градом стрел, в грохоте артиллерии и мушкетной пальбе, Горбатый со спешенной кавалерией обходил неприятеля справа. В короткой сече казанская оборона на засеках была сломлена, и Александр Борисович вышел к вражескому лагерю. Неприятель был окружён и уничтожен, двести человек попали в плен.

Не останавливаясь в богатом лагере, воеводы стремительным броском прошли более двадцати верст к Арской крепости, стоявшей в самом сердце богатых казанских угодий и сделавшейся во время осады Казани центром сбора новых неприятельских сил. Весть о поражении и вид наступающих русских полков парализовали защитников крепости, оказавшейся не подготовленной к отражению штурма. Неприятель бежал, Горбатый, Микулинский и Палецкий вступили в город, захватив преизрядные запасы оружия и продовольствия.

Не довольствуясь этой победой, русские войска наступали до самой Камы на полосе шириной в полтораста верст, освободив огромное множество согнанных сюда русских пленников и взяв такую богатую добычу, что после их возвращения под Казань корова в лагере стоила десять денег (пять копеек), а огромный вол — десять копеек. Островом сопротивления в Казанском ханстве осталась его столица.

Но и здесь воеводская смекалка ускоряла события. Ещё 31 августа немец инженер по прозванию Размысл начал вести к городу хитроумный подкоп. Тогда же воеводы Сторожевого полка Василий Семёнович Серебряный и Семён Васильевич Шереметев приметили, что в ближайшей к ним казанской башне устроен тайный ход, откуда неприятель берёт воду.

Не мудрствуя лукаво, прямо из казачьей бани ратники Сторожевого полка за десять дней прокопались к тайнику и подкатили под него 11 бочек пороху. Раздался страшный взрыв, вырвавший башню и часть городской стены. Ещё сыпались на помёртвевших от ужаса казанцев камни и бревна, а Серебряный со своими орлами, подняв крестоносную хоругвь, скороустремительно летел на врага, рыкая, аки лев.

Перебив и пленив множество казанских воинов, ратоборцы Серебряного ворвались в город и целый день вели в нем бои, не получая никакой помощи от своих. Как всякий тиран, царь Иван Васильевич плохо относился к инициативе и считал лишним всё, что выходило за рамки его собственных планов. Оставленные без подмоги, воины Сторожевого полка к ночи вынуждены были отступить на прежние позиции.

Осада продолжалась. Чтобы сбить казанских стрелков со стен, Выродков выстроил в полуверсте от города шестисаженную башню из прочных бревен. За одну ночь мастера перенесли её к городу и поставили напротив Царских ворот. На башню было поднято десять пушек и пятьдесят крупнокалиберных пищалей. С господствующей высоты стрельцы стали непрерывно палить по городу, так что казанцы не могли не только ходить по дворам и улицам, но даже носу из помещений высунуть. Были те стрельцы и пушкари столь хорошо стрелянию научены, что из пищалей птиц на лету побивали.

Поражения и тяготы, казалось, придавали казанцам ещё большую стойкость. Под обстрелом они перешли жить в землянки, к башням и стенам прокопали траншеи. Подножие казанских стен было прикрыто наполненными землей срубами-турусами. Казанцы провели туда множество подземных нор и, скрываясь за турусами, день и ночь бились с осаждающими. Особо жестокое сражение развернулось на позициях Большого полка Воротынского у Царских и Арских ворот.

Здесь царь Иван Васильевич повелел поставить туры на самом краю рва шириной в три и глубиной в семь сажен, лицом к лицу с засевшими в турусах ханскими воинами. Дело оказалось крайне кровопролитным с обеих сторон. Истомленные долгой перестрелкой, метанием камней и рукопашными боями, стрельцы и казаки ослабили натиск. Казанцы же с новой силой полезли из-за турусов.

В жестоком бою русские отступили от туров, но Воротынский сумел вновь поднять воинов в атаку. Свирепая битва развернулась в тесном городском рву, быстро наполнявшемся трупами. Михаил Иванович Воротынский, имевший крепкие доспехи, был сильно порублен и ранен в лицо. Когда на подмогу пришёл со свежими

силами Алексей Данилович Басманов-Плещеев, люди Воротынского уже вновь закрепились на краю рва.

Следующим действием по замыслу битвы, которую желал наблюдать Иван Грозный, была установка туров прямо во рву. Это должны были сделать люди Воротынского, всем же остальным полкам «заповедал царь никак же не приступать ко граду». Для облегчения своей задачи стрельцы сделали маленький подкоп под турусы у Арских ворот и 30 сентября, в день намеченного наступления, произвели хорошо рассчитанный взрыв: турусы взлетели на воздух и рухнули не на осаждающих, а за городские стены, перебив множество казанцев.

Временно взрыв ошеломил защитников города, так что даже стрелы с их стороны перестали летать. Воеводы воспользовались этим, чтобы спешно утвердить туры по всему рву у Царских, Арских, Аталыковых и Тюменских ворот. Московский царь благосклонно наблюдал за работами. Вскоре его взгляд усладился мужественной вылазкой казанцев из всех ворот. «И была сеча зла и ужасна, — писал летописец, — … и сгустившуся дыму, и покрыл дым град и людей».

Видя, что невозможно стоять во рвах под жестоким обстрелом и непрерывными вылазками, чёрный от порохового дыма и смоляной гари Михаил Иванович Воротынский повёл воинов на залитые кровью стены, где казанцы стояли в рост, расстреливаемые из пушек и мушкетов. Вскоре крестоносные знамена стрелецких полков и цветастые хоругви дворянских сотен затрепетали на стенах и башнях. В рукопашном бою неприятель был сброшен со стен и отступил вглубь города.

Царь Иван Васильевич получил донесение Воротынского, что казанцы поражены по всей линии и понесли огромные потери:

— Пусть царь велит остальным полкам со всех сторон наступать на город. Мы уже вступили в Казань!

«И повелел царь воеводам, также и есаулов посылает многих, а велит из города и (со) стен людей высылать» — потому-де, что войско к штурму не приготовлено.

Как не приготовлено? — вправе удивиться читатель, помнящий, что осаждавшие стояли в ежеминутной готовности отражать постоянные вылазки казанцев. Полкам было второй раз приказано не приходить на помощь уже ворвавшимся в Казань воинам. Но одно дело — приказ стоять на месте, а другое — отдать завоеванное кровью.

Несмотря на все усилия царских есаулов, воины отступали неохотно. Часть ратоборцев покорилась царю и отошла, сжигая за собой стены и башни Казани. На Арской башне и прилегающих стенах, где стояли Воротынский и Басманов, русские отказались

отступать. Прикрывшись с внутренней стороны города деревянными щитами и турами, они двое суток подряд отражали бешеные атаки противника, вплоть до общего штурма.

Укреплениям Казани был нанесен огромный ущерб. Башни и стены у Царских, Талыковых и Ногайских ворот выгорели до основания, заполнявшие их земля и камни просыпались во рвы. В других стенах зияли пробоины. Пользуясь временным бездействием осаждающих, казанцы спешно возводили новые стены и копали рвы.

Накануне общего штурма царь послал в Казань вестника с предложением покориться и выдать «изменников», тем самым сохранив себе жизнь. Казанцы единодушно отвечали:

— Не просим пощады. На стенах и в башне Русь — и мы иную стену поставим. Вместе или умрём, или отсидимся.

В это время царь был занят росписью воевод, кому где следует наступать, и составлением наказов о том, что воеводы должны помогать друг другу. Впрочем, ничего нового по сравнению с уже имевшейся расстановкой полков под стенами он не придумал. По плану штурм должен был начаться в воскресенье 2 октября 1552 года ровно в три часа дня. К досаде Ивана Васильевича, воеводы постоянно мешали разыгрывать сложившийся в его голове план.

С утра, как только войска картинно выстроились вокруг Казани, воевода Воротынский поспешил сообщить, что немец Размысл уже закатил в подкопы порох, а из города это видели:

— И невозможно до третьего часу мешкать!

Царь велел поскорее вести утреннюю службу в церкви и отправил личный полк вперед, дожидаться своего прихода: ведь царский лагерь стоял в отдалении от города. После службы Иван Васильевич отправился в опочивальню и «плакася на долг час» уже наедине, перед домашней иконой.

Войска ждали. Государь вышел наконец из шатра и сел на коня, но поехал не к войскам… а вновь в церковь: «и помолися со слезами, и повеле начати молебен». Облачённый в латы царь демонстрировал свою набожность, приводя в восторг льстецов. Но воеводы не ждали. Видя, что казанцы вовсю используют упускаемое русскими время для укрепления города, кто-то из воевод (скорее всего, Воротынский) отдал приказ взрывать подкопы.

Когда дьякон в церкви возглашал евангельскую строку: «и будет едино стадо и един пастырь», — храм покачнулся от взрыва. Стена справа от Арских ворот взлетела на воздух. Царь продолжал молитву. Второй взрыв, вырвавший угловую башню крепости у реки Булак, где были Ногайские ворота, потряс землю

сильнее первого.

Тучи земли, бревен и исковерканных тел поднялись на огромную высоту. Громовой крик «С нами Бог!» прокатился по российскому воинству, и оно со всех сторон бросилось на штурм. Призвав Аллаха и пророка его Мухаммеда, казанцы единодушно устремились в бой с криками: «Все помрем за Юрт!» — Так называли они свою Родину, ханство.

По плану московского царя российские полки были растянуты по всему обводу казанских укреплений, а не сосредоточены против проломов. В то время как Воротынский и Серебряный с небольшими силами уже пробивались по казанским улицам, многие полки час за часом штурмовали крепкие стены и башни.

Расчёт царя был прежде всего на численность атакующих, поэтому штурм был очень кровопролитным. «Царь же благочестивый, стоя в церкви и моля Создателя Бога, также и все люди (свита. — *Авт.*), с великим вопом и плачем истинным сердечным призывая Бога на помощь (молились. — *Авт.*), также и священники, служащие в алтаре, со слезами литургию совершали», — пишет летописец.

Во время этого бесконечного богослужения в церковь вошел один из боевых воевод и сказал царю:

— Время ехать, государь, ибо давно бьются твои полки с неверными!

— Если до конца пения дождемся, то и милость от Христа получим, — отвечал Иван Васильевич, продолжая молитву.

Позже вошел в церковь второй гонец из сечи:

— Великое время есть царю ехать, да укрепятся воины, видя вместе с собой царя!

«Царь же, воздохнув из глубины сердца своего, и слёзы многие пролив, и рече: Не оставь меня, Господи Боже мой, и не оступись от меня, вонми в помощь мою», — и как ни в чём не бывало молился до конца литургии.

Стоило царю, после всех проволочек, появиться в рядах полка в поле перед Казанью, как воодушевление охватило мужественных сынов Руси. Ещё дерзновеннее пошли они на стены, кто по лестницам, кто по жердинам, а кто и подсаживая друг друга, сквозь град стрел и каменьев, потоки кипятка и горящей смолы, по трупам своих товарищей.

Медленно продвигались вперёд яркие хоругви русского воинства, но всё больше их расцветало на казанских стенах и башнях. «И было видеть ужаса многа исполнено дело оное. Ибо от пушечного стреляния, и от трескоты всякого оружия, и вопля человеческаго обоих стран мнетися самому граду и земле оной

колебатися, от праху же и дыму стрельбищного потемнел тогда свет».

Как писал летописец, казанцы, хотя и видели конечную свою погибель, однако зело дерзновенно сражались, возбраняя христианскому воинству на град восхождение, — оно же отовсюду, как вода, неудержимо на град проливалось и билось уже врукопашную. Магометане бились за себя, и жён, и детей, и имение, обогащенное столетним грабежом и рабским трудом пленников, сохранить желая, христиане сражались в надежде бессмертной славы, вспоминая мужество предков своих в битве против Мамая, желая вечных врагов Руси до конца истребить.

«Льется кровь христианская, вкупе и поганская, и течёт по удолиям. Валяются головы отсечённые, яко шары по улицам града, раненые воплями великую грозу создают, стеная и умирая от тесноты невиданной. Падает обеих сторон множество убиенных, иные же от тесноты и дыма стрельбищного напрасно падают и задыхаясь умирают».

Уже сбиты казанцы со стен и секутся на улицах, но разделяется российское воинство, ибо храбрецы, утруждённые и израненные, идут вперед, а множество других бросается грабить великие казанские богатства, вытаскивает стариков, женщин и детей из домов и из мечетей, «и секут их без милости и обдирают до последней наготы».

Не только воины, но коноводы и кашевары из станов, видя взятие казанских стен, устремились на грабёж, безжалостно истребляя неспособных к сопротивлению мирных жителей. Приехал в царский полк гонец от Воротынского со словами воеводы, что крепко бьются русские ратоборцы в Казани, но нужна им помощь и потребно укрощение подлых грабителей.

С гневным осуждением писали потом русские авторы о «корыстовниках», убивавших жителей «без всякого милосердия». Даже посланные царем в Казань «чиноначальники», которые должны были с обнаженными мечами идти за полками, не допуская грабежей под угрозой смерти, соблазнились «на корысть многую, ибо град тот воистину исполнен был златом, и серебром, и каменьями драгоценными, и соболями кипел, и прочими великими богатствами переполнен был».

«Как в таких случаях бывает, — печально констатировал факты русский историк XVI века, — мало страха казни корыстовники боялись, зане где корыстей желательство, там боязнь и срамота отступают. И того ради уже мало воинства христианского оставалось, едва, как писал, не все на корысти падоша, и самые того стеречь поставленные чиноначальники… Храбрые же воины зело изнемогали утрудившись, сражаясь

непрестанно, корысти всякие ногами топча и ничем не прельщаясь, только Бога в помощь призывая. Басурманы же, видя, что мало остаётся христианского воинства, начали крепко налегать, ополчаясь на них».

Наступая в первых рядах, Воротынский прошёл полгорода и был остановлен на краю Тезицкого оврага, делившего Казань пополам. Ободрив отступающих, казанские воеводы накопили здесь силы и устремились в атаку. Теперь уже Воротынский и соединившийся с ним Серебряный с другими воеводами вынуждены были шаг за шагом отступать по тесным улицам. Видя это, начавшие грабежи пришли в смятение и ударились в такое бегство, что и в ворота не попадали; множество их металось со стен и бежало, бросая награбленное, по полю с криками: «Секут! Секут!»

Царь Иван Васильевич перепугался и изменился лицом, думая, что все московское войско в Казани полегло. Однако стоявшие рядом с царём заслуженные воеводы не дали ему бежать. Схватив царского коня под уздцы, они «самого царя, хотяща и не хотяща», привели к воротам Казани. Двадцатитысячный отборный полк, не вступавший ещё в бои под городом и предназначавшийся исключительно к охране «царского здравия», разделился. Половина его сошла с коней и, во главе с соскучившимся в безделье воеводой Иваном Васильевичем Большим-Шереметевым, устремилась на подмогу истомлённым четырехчасовым боем храбрецам.

Преодолев в жесточайшем бою Тезицкий овраг, россияне начали штурм горы, на которой стояли соборная мечеть и ханский двор. Мусульманское духовенство, раздувавшее в Казани пожар фанатичного сопротивления, в последние часы существования ханства доказало искренность своих убеждений. Под предводительством известного в Казани набожностью Кулшериф-муллы чины мусульманского клира с оружием в руках «сразились с христианами так мужественно и жестоко, что все до единого избиены были».

Полтора часа шёл бой вокруг ханского двора. Описывая его, русские испытывали различные чувства. Официальный царский летописец с видимым удовольствием сообщал, что россияне «секли нещадно нечестивых, мужей и жен», так что кровь потоками текла по улицам. Другие авторы подчеркивают мужество и благородство врага. Не желая подвергать опасности жизнь многих тысяч женщин и детей, спасавшихся на ханском дворе, казанские воины решили оставить своё укрепление и погибнуть в открытом бою.

Действительно, русские воеводы не допустили резни (да и

наступавшие с ними ратоборцы отличались от трусов, убивающих безоружных). Самая кровавая сеча развернулась на спуске с казанской горы к Елабугиным воротам, где стояли с немногими воинами князья Андрей Курбский и Пётр Щенятев.

Не в силах пробиться здесь из города, казанцы, потеряв пленным хана Еди-Гирея, ушли прямо через крепостную стену. Ни отвага князей Курбских, бросавшихся на плотный строй отступавших, ни стремление Семёна Ивановича Микулинского-Пункова, догнавшего лишь хвост вражеской колонны, не смогли остановить татарских воинов, которые были разбиты, но не сломлены.

К вечеру 2 октября 1552 года Казань представляла собой страшное зрелище. За полуразрушенными и прокопченными, покрытыми смолой и кровью стенами открывались улицы, настолько заваленные трупами, что пройти по ним, не наступая на мёртвых, было невозможно; ручейки крови журчали в сточных канавах.

У стен и на узкой улице, ведущей от ханского двора вниз к Елабугиным воротам, горы трупов лежали вровень со стрелковыми галереями и крышами домов, у самой же Елабугиной башни они доходили до вершины. Мёртвые тела заполняли рвы, особенно на месте последнего боя казанцев, и валялись, разбросанные в беспорядке, по широкому полю вплоть до чернеющего вдали леса.

С трудом очистили от трупов по царскому приказу улицу, по которой московский государь въехал в поверженный город. Первыми встречали его толпы русских, освобождённых от плена. Со слезами смотрели они на государя и радостно кричали: «Избавитель наш государь, из ада ты нас вывел, для нас головы своей не пощадил!»

Освобождённых людей велено было кормить в воинских станах и, разбирая на отряды по месту старого жительства, по три-пять тысяч отвозить вверх Волгою. На ханском дворе Ивана Васильевича встречало усталое, покрытое кровью и ранами воинство, которое кричало во главе с воеводами:

— Многа лета царю благочестивому Ивану Васильевичу, победителю варварскому! Буди, государь, здрав на Богом дарованной тебе вотчине во веки!

Необычайное воодушевление охватило Московское государство при вести о Казанском взятии. Всем подданным Казанского ханства была объявлена милость, упорно сражавшиеся против царских войск получили прощение.

Воеводой Казани стал Александр Борисович Горбатый с товарищами: Василием Серебряным и Алексеем Басмановым.

Свияжском и Правобережьем Волги назначен был управлять Пётр Иванович Шуйский. Царские полки повел на Русь Михаил Иванович Воротынский.

* * *

Казанское взятие выделило в рядах русских воевод немало замечательных полководцев. О некоторых из них мы ещё расскажем в следующих главах книги. Всех их объединяет не только воинское дарование, но и нелёгкая, как правило, трагическая судьба, ибо, вступив в период замечательных «побед и одолений», государство одновременно приближалось к полосе жесточайшего внутреннего террора и Великого разорения.

Старшему поколению московских воевод повезло больше, а судьбу Семёна Ивановича Микулинского-Пункова можно, пожалуй, назвать счастливой. Летом 1553 года он с князем Давыдом Фёдоровичем Палецким стоял с полком в Серпухове против крымского хана.

В это время тревожные вести пришли из Казани, где оставленные с малыми силами русские воеводы примирились с «чёрными» простыми людьми — татарами, марийцами, чувашами, вотяками, но вынуждены были сражаться с не желавшей сдавать позиции местной знатью.

В тяжёлый зимний поход по бывшему Казанскому ханству Семён Иванович отправился, имея под началом отличных командиров: Ивана Васильевича Большого-Шереметева в Передовом полку, Андрея Михайловича Курбского и Михаила Ивановича Вороново-Волынского — в Сторожевом полку. За успешный поход, закончившийся в предгорьях Урала, Семён Иванович с товарищами был отменно награждён.

Чёрная туча грядущих репрессий лишь тенью своей задела Микулинского. В 1554 году он был оболган как участник «заговора» против царя, в котором были также ложно обвинены Иван Иванович Турунтай-Пронский, Пётр Семёнович Серебряный, Дмитрий Иванович Немово-Оболенский и другие видные воеводы. «И от того времени бысть вражда промеж государя и людей», — замечает официальный летописец. Однако карательные действия последовали не сразу.

В январе 1559 года мы видим Семёна Ивановича во главе Большого полка и в обществе замечательных военачальников: Василия и Петра Серебряных, Ивана Васильевича Меньшого-Шереметева, Ивана Бутурлина и Михаила Репнина — в победоносном походе в Ливонию. Полки Микулинского-Пункова

дошли до Риги, взяли десять городов и сожгли одиннадцать замков, разгромили рыцарское войско и вышли к границам Восточной Пруссии, а затем «со всеми людьми дал Бог здорово» вернулись на Русь. Прославленный новой победой и награжденный ещё одним золотым знаком, Семён Иванович Микулинский-Пунков умер в почете в 1560 году.

Немного ранее скончался в Москве Дмитрий Фёдорович Палецкий, а в 1560 отошел от забот бытия его брат Давыд, успевший одержать после Казанского взятия немало славных побед и порадовавшийся перед кончиной успехам Петра Шуйского и Василия Серебряного, которых он ездил награждать за взятие Мариенбурга. Избежали репрессий Юрий и Иван Ивановичи Шемякины-Пронские, первый из которых скончался, а второй — постригся в 1550-х годах в Троице-Сергиевом монастыре. Дмитрий Иванович Немово-Оболенский сохранил жизнь, но в 1563 году был пострижен в монахи уже насильно.

Загадочной сочли историки гибель опытного, прославленного победами над татарами и рыцарями воеводы Петра Ивановича Шуйского. В начале самых диких репрессий Ивана Грозного{10} он командовал русской армией, выступившей на запад. Воевода с товарищами ехал впереди полков. Несмотря на близость неприятеля, Шуйский и его люди сняли и положили на телеги доспехи. Так они вступили в бой с войском Николая Радзивилла. Пётр Иванович Шуйский, князья Фёдор и Семён Дмитриевичи Палецкие погибли в бою, до полутораста дворян было убито и пропало без вести. Тело Петра Ивановича было с воинскими почестями похоронено в Вильно. Битва под Оршей произошла 2 июля 1564 года. До начала опричнины оставалось менее полугода.

Первой среди многих жертв опричной резни стал Александр Борисович Горбатый-Шуйский. К январю 1565 года, когда Иван Грозный с новонабранной опричной сворой, как ядовитый скорпион, бросился из Александровой слободы на Святорусскую землю, заслуженный воевода был широко известен на Руси и за её рубежами как государственный деятель. Наследник суздальских князей, владевших некогда Волгой до Каспия, потомок многих славных имён, среди которых один богатырь Иван Тугой Лук, по словам современника, был достоин целой повести о рыцарских подвигах, Александр Борисович был к тому же весьма начитан. «Муж глубокаго разума и искусный зело в военных вещах» был схвачен опричниками вместе с 17-летним сыном Петром. Очевидцы рассказывают, что, когда их привели к плахе, молодой князь первым подставил свою шею мечу палача, отец же возбранил ему, сказав:

— О чадо, преизлюбленный и единородный сыне мой! Да не зрят очи мои отсечения главы твоей!

И первым был казнён Александр Борисович. Юноша же тот храбрый, взяв и поцеловав мученическую голову отца своего, обратившись к небу, произнес:

— Благодарю тебя, о царь веков Иисус Христос, иже сподобил нас неповинно убитыми быть, как и сам ты заклан был, невинный агнец. А сего ради прими души наши в животодательные руки твои, Господи!

И, сказав это, склонил голову под смертельное острие.

За Горбатыми вслед, как град, посыпались с плахи русские головы. Но, как ни усердствовал царь в пытках и казнях, не иссякали на Руси воеводы, готовые мужественно порадеть за Отечество.

Неутомимо и неизменно служил государству Иван Иванович Турунтай-Пронский. Трудно сыскать год, когда он не садился бы на боевого коня. Слава о его подвигах пронеслась от Стамбула до Стокгольма и от Польши до Сибири. Воевода был поставлен в войске ниже побеждённых им казанских вельмож — и продолжал одерживать победы над Литвой, брал Полоцк, отбивал от него гетманов, успешно штурмовал неприятельские крепости. Наконец, не в силах вынести опричных зверств, престарелый князь, служивший не только Ивану Грозному, а ещё его отцу, постригся в монастыре.

Но монашеская одежда уже никого не спасала. Даже славнейшего Петра Михайловича Щенятева, победителя ханов и генералов, магистров и королевских гетманов, царь «вынул из монастыря», чтобы самолично запытать насмерть, зажаривая на раскалённой сковороде и вбивая иглы под ногти.

Не спасся и Иван Иванович: осенью 1569 года, раздосадованный неожиданной победой Петра Серебряного над турецко-крымской армией, Иван Грозный повелел утопить старого полководца в реке. Как и Щенятев, Пронский был уничтожен вместе с ближайшими родичами. Жена его скончалась от горя в 1570 году.

В том же году летом был казнён Иван Григорьевич Выродков. После Казанского взятия он выстроил в 1556 году крепость в Галиче, а весной следующего года выехал на берег Балтики. В Нарве ещё сидели немцы, а московский дьяк ставил в устье реки Наровы город-крепость и гавань «для корабельного пристанища».

Темпы строительства представляются нам сейчас невероятными: в апреле Иван Григорьевич выехал из Москвы, а в июле был уже «поставлен град от немец усть Наровы реки на розсене у моря для пристанища морскаго корабельнаго». Город и

гавань на протяжении всей Ливонской войны служили базой русских боевых кораблей, действовавших в Балтийском море.

В 1558 году мы обнаруживаем Выродкова в Астрахани. Дьяк построил прочную крепость и активно занимался внешнеполитическими связями. Он завязал дружеские отношения с детьми ногайского хана Исмаила и кавказскими князьями; помогал дьяку его сын Василий. В 1559 году по договору с Иваном Григорьевичем ногайские рати воевали Крым; новые успешные походы на владения крымского хана были совершены в 1560 году.

После Астрахани Выродков, видимо, воевал на западе. Его тяжёлая боевая кольчуга с чеканными надписями на кольцах, сработанная в Москве, оказалась замурованной в стену древнего здания в Орше. В конце 1560-х годов Иван Григорьевич возглавлял штат главного военного ведомства России — Разрядного приказа, занимавшегося формированием и снабжением полков, разработкой планов стратегического развертывания армии и важнейших боевых операций.

В июле 1570 года Выродков в числе многих других крупных административных деятелей был неожиданно схвачен. Обречённых вместе с жёнами и детьми, всего более ста человек, привязали к деревянным брусьям, и царь Иван Грозный со своими молодыми сыновьями собственноручно убивал их пиками и саблями. Женам и детям рубили головы бояре. Этим ещё повезло, потому что царь «у многих приказал вырезать из живой кожи ремни, а с других совсем снять кожу, и каждому своему придворному определил, когда тот должен умереть, и для каждого назначил различный род смерти», — писал очевидец.

Иностранцев эти беспричинные зверства удивляли, Русь же потеряла им счет и, казалось, замерла в оцепенении. В 1571 году крымский хан беспрепятственно пришел и сжёг Москву. В огне, пытаясь спасти не успевших бежать за каменные стены, погибли видные земские бояре Михаил Иванович Вороново-Волынский и Иван Дмитриевич Бельский. Пропустившие врага к Москве воеводы отделались легким испугом. Трусы были не опасны тирану. С трудом переварив огромную русскую добычу и сбыв на невольничьих рынках десятки тысяч пленных, ордынцы в 1572 году вновь бросились на Русь.

Однако не все ещё герои Казанского взятия были истреблены. Князя Михаила Ивановича Воротынского бросили в застенок, его родовые вотчины на границе конфисковали. Но годы заточения не угасили в полководце чувства долга перед страной. Крупнейшая из нападавших на Русь в XVI веке армий понесла в многодневном сражении с войском Воротынского невероятные потери: едва 1 /6

часть ордынцев вернулась в Крым, везя раненого хана на телеге. Ханский полководец, ханский сын, ханский бунчук и шатры были посланы победителем царю, убежавшему от врага дальше, чем за сто верст, «хороняке и бегуну, храброму и лютому лишь против своих соплеменников и единоязычных, не противящихся ему», как писал Андрей Курбский.

Царь не простил столь великой победы. В июне следующего 1573 года, желая унизить Воротынского перед народом, Грозный обвинил его… в изменных сношениях с крымским ханом! Царь лично пытал полководца, привязав его к бревну между двух костров и своим посохом подгребая ближе к телу защитника Русской земли раскалённые угли. Признания в измене Грозный не добился. От пыток Воротынский умер. С ним были замучены Никита Романович Одоевский и ряд других славных победоносцев. Одоевскому рассекли грудь и, пропустив через рану рубаху, таскали её туда-сюда, пока воевода не умер, не проронив ни слова.

Казнимые Иваном Грозным воеводы до испития смертной чаши верно служили Богу и Отечеству, а не Тирану и Зверю Земли Русской. Каждый из них знал, что, стяжав победу на поле брани, примет от Зверя венец мученика и удостоится вечного блаженства, соединившись с родными и друзьями в Небесном Царствии. Ни кровавые руки палачей, терзавшие их тела, ни липкие пальцы «историков», которые веками будут ковыряться в грязной клевете, излитой тираном на славные имена, не смогли омрачить истинного духовного света, изливаемого победоносными мучениками на Святорусскую землю.

Тысячам и тьмам согнувшихся, приспособившихся к подлости, соединившихся в звериную стаю «телесоядцев и кровопийц», не удалось во мраке пожирать разъятое тело Матери Руси. Во все их норы, углы и закоулки проникал слепящий, обнажающий преступления и низость свет подвига тех, кто не склонился перед Зверем, не поступился доброй совестью. Церковь не славит имена сих подвижников. Нам довольно Его все объясняющих слов в Нагорной проповеди:

«Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». (Евангелие от Матфея. 5, 14–16)

Глава 2
Судьбищи [27]

Большой Иван Шереметев со товарищи

Необъятна великая Пустыня на юго-востоке Европы. От нижнего течения Волги до Дона, от Дона до Днепра и далее на запад простирается она по плодороднейшим землям континента. Длинными волнами веками колышутся травы причерноморских степей, прорезанных зелеными поймами рек и речушек. Далеко уходит пустыня в северные лесостепи, вплоть до непроходимых зарослей, дающих защиту земледельцу.

Не природа, но человек превратил это пространство в Пустыню. Всем преизобильна благословенная земля её, всякий злак здесь урожаен, скот тучнеет на сладких травах, кишат леса и поля зверем и птицей, бурлит от множества рыб вода в реках и озёрах. Лишь человеку нет места в этих краях, над которыми уже много веков царит смерть. Столетия за столетиями катились через степное пространство волны кочевников. Как в огромном котле, кипели здесь массы завоевателей, длинными языками выплескиваясь на нивы земледельцев, уничтожая все вокруг и сами исчезая без следа.

Временами кипение ослабевало. Тогда славянский плуг под защитой храбрых княжеских дружин всё дальше взрезал густо залитую кровью землю. Но не смирялась Степь и лишь давала смерти иное прозвание: на место сражённых мечом завоевателей приходили другие.

Золотая Орда простерла над Степью свои смертоносные крылья — и вновь тронутые плугом пространства превратились в Дикое поле. Прошло время, и Пустыня озарилась сверканием мечей северных великих князей Димитрия Московского и Витовта Литовского. Еще одна Орда пала, раздробившись на ханства и орды помельче.

Упорно держалось Дикое поле — но вот, столкнувшись с тяжёлым клинком земледельца, перестали вздыматься сабли Казанского и Астраханского ханств, вложили оружие в ножны Большие Ногаи. Лишь Крымское ханство как осколок Золотой Орды продолжало торчать в теле Европы, цепляясь в разверстой ране острыми отростками Казыева улуса справа и Буджакской орды слева.

Могучая Османская империя, чьим вассалом с 1412 года были крымские ханы, подпёрла своим телом это остриё, не давая ему выпасть из раны, жадно глотая живую кровь северных

соседей. Широким потоком десятков тысяч пленных лилась кровь России и Украины, Белоруссии и Польши, Молдавии и Валахии через рану Крымского ханства в бездонную глотку Османов. Иранский шах, осведомленный о переполнении турецких рынков рабами, выражал даже удивление, что на Руси ещё остались жители.

Год за годом не прекращались грабительские набеги Крымского ханства, неистово боровшегося за сохранение великой европейской Пустыни. Яростно бросались крымчаки на укрепления, которыми славяне тщетно пытались обезопасить свои рубежи, называя их оградой, которой хотят-де задушить Крым.

Но хотя смерть продолжала царствовать над Диким полем, уже прорастали в нём неистребимые ростки жизни. Остервенелые предвидением своего конца крымские ханы не могли вырвать с Днепра запорожских казаков. Прячась в лесных островках, все дальше проникали в Дикое поле жилища упорных жителей южной границы Руси — севрюков, у которых нечего было взять грабителю, кроме жизни и оружия, да и то дорогой ценой. Презирая опасность, бросала вызов кочевникам донская казачья вольница, утверждая свои станицы на Дону и Осколе, помахивая косами на Айдаре и запуская сети в Северский Донец.

Ни на один день не прекращалась война на границах ревниво оберегаемой Крымом Пустыни. Но всё труднее становились грабительские набеги на берега степного моря. Каждый год выступали к границе русские полки. Десятки тысяч людей отрывались от домашних дел, чтобы с оружием в руках ждать крадущегося к рубежу неприятеля, прикрыть собой мирные нивы, догнать в Степи отходящих с полоном разбойников. Всё дальше в Дикое поле уходили русские разъезды и сторожи, всё более неумолимо нависал над охотниками за рабами крепко кованный меч.

И всё же перевес оставался в пользу Крыма. Как неодолимое бурное море, защищала Степь крымчаков; как ураган, нежданно и страшно налетал крымский хан на земледельцев, неся разорение и опустошение. Он уклонялся от прямого боя, стремясь напасть на слабого и уйти от сильного, храня себя для новых набегов.

В войне со Степью обороняющийся проигрывал, даже если ему и удавалось время от времени нанести поражение разбойникам. Настало время русским воеводам вспомнить славу князей Святослава и Владимира Святого, Владимира Мономаха и Мстислава Удалого, положить Дикое поле под копыта своих коней, преодолеть вековой страх земледельца перед великой Пустыней.

* * *

В июне 1555 года так же однообразно, как и всегда, колыхались травы Дикого поля. Не ежемгновенно свистела над этим колыханием стрела, но всякий человек, волею судеб оказавшийся в сих смертоносных местах, привычно держал под рукой оружие, осторожно прислушивался и вглядывался в изрезанный курганами окоём.

В самой середине Дикого поля, среди троп и тропинок Муравского шляха{11} шло понятное всякому, известное от века движение. Кто умел читать сакму{12}, узнал бы, что тринадцать тысяч человек идёт с Руси к Крыму с запасными конями в поводу. По оковке копыт, по глубине следа, по кострищам и примятой траве на привалах степной следопыт мог безошибочно сказать, что русское войско, как ни удивительно, забралось в самое сердце Степи и продолжает движение на юг: набег в обратную сторону!

Но смельчак напрасно узнал бы тайну и ни с кем бы не смог ею поделиться. Сильная стража прикрывала путь войска со стороны Руси, ещё более многочисленная — скакала широким веером впереди, уловляя и натыкая на стрелу случайно приблудившегося к сакме крымчака, тщательно охватывая и выбивая дочиста оказавшиеся вблизи дороги кочевья. Воеводы Сторожевого полка Дмитрий Михайлович Плещеев да Степан Григорьевич Сидоров пуще глаза стерегли, чтобы ни конный, ни пеший не обошли войско и не ускользнули к Крыму.

За Сторожевым полком, разделившись на множество ручейков, топтал свои тропинки Передовой полк окольничьего Алексея Даниловича Басманова и его товарища Бахтеяра Григорьевича Зюзина. А уж за тем, по проторенной дорожке и вызнанным местам, ехал неспешно шагом облаченный в тяжёлые доспехи Большой полк. Над строем темнолицых от пота и пыли всадников колыхались упёртые в стремя и примкнутые к колену копья, глухо постукивали повешенные на луку седла шлемы, оттопыривались саадаками с луком и колчанами со стрелами длинные цветные плащи, свисали под конское брюхо концы широких булатных сабель.

Впереди строя, окружённый несколькими холопами в крепких панцирях, ехал на рослом ширококостном буланом коне здоровенный человечище в полосатых портáх и белой, вышитой мелким речным жемчугом косоворотке, широко распахнутой на красной, распаренной груди. Над грудью, прямо из толстенной шеи, торчала вперёд лопатообразная бородища. Над бородой и пышными воеводскими усами возносился к расплавленной солнцем голубизне небес крупный курносый нос, тонущий между

ярко-алыми щеками, напоминающими сигнальные огни. Где-то между щеками и густой копной стриженных под горшок русых волос прятались круглые голубые глаза, с удовольствием глядевшие на окружающий мир.

Их выражение никак не соответствовало тяжким вздохам, то и дело вырывавшимся из груди великана. Весь — от торчащих на макушке вихров до загнутых вверх носков зелёных с золотом сафьянных сапог — пропитавшийся потом воевода время от времени вынимал из-за подпояски и проводил по шее, лицу, груди обширным шелковым платком, не переставая оглашать окрестности вздохами.

— Ты бы, Иван Васильич, надел хоть лёгкую кольчужку-то! — говорил хозяину старый военный холоп. — Не ровён час татарин налетит, да как раз тебя стрелой-то и уязвит!

При упоминании стрелы боярин и воевода Иван Васильевич Большой-Шереметев испустил особенно тяжкий вздох и невольно провел могучей десницей по телу, не раз стрелами уязвлявшемуся. Воюя с самых юных лет на русских рубежах, он мог бы составить интересное собрание из попадавших в него метательных снарядов. Привычка Ивана Васильевича быть впереди воинов и почти полная невозможность промазать по столь обширной цели чрезвычайно привлекали к нему неприятельских стрелков.

Из богатырского тела воеводы извлекались стрелы с большими трёхлопастными наконечниками, вырезались наконечники с хитрыми заусеницами, выдергивались стрелы костяные с ядом и без оного. Как водится, броня была крепка и кони быстры, однако пули и булыжники катапульт, плющившиеся и дробившиеся о сталь кованого шлема и зерцал, оставляли на богатырском теле обширные отпечатки.

Более всего воевода страдал от стрел с длинным игольчатым остриём, доставáвшим тело сквозь панцирь и толстую фуфайку. По натуре человек открытый и добрый, Шереметев с большим удовольствием стёр бы в порошок изобретателя таких наконечников, благодаря жестокому уму которого он в бою нередко напоминал ежа, вывалянного в перьях. Однако сейчас мысли воеводы текли в другом направлении.

— Будет тебе, Тимофеич! — отмахнулся он от слуги, не возвышая голоса. — Какой татарин? Не допустите вы до меня татарина!

От баса воеводы присели кони в первых рядах Большого полка, и даже его буланый слегка шевельнул ушами. Слева раздался топот, и к Шереметеву, обгоняя полк, уже в третий раз за день подскакал со свитой второй воевода, окольничий и

оружничий Лев Андреевич Салтыков. Подъехав вплотную, он что-то долго и возбужденно говорил Ивану Васильевичу, не перестававшему утираться свежим платочком.

— Ино нечего нам поспешать да томить коней! — вновь раздался над Диким полем шереметевский рык. — В степи сломя голову не скачут. Нечего нам Алексея Даниловича да Степана Григорьевича подпирать и на пятки ступать. Сам посуди, сколько на очищение пути времени потребуется. Не будем мешать неприятеля скрадывать. Вот если упустят сторожевые какого лихого татарина — без твоих подсказок начнется у нас гон и конский загон. А сейчас не торопись — успеешь с татарской саблей спознаться. Да пора, пожалуй, и на покорм стать!

В самом деле — полк приближался к месту, выбранному проводниками для полуденного отдыха, и вскоре совершенно скрылся в пойменном леске у светлого ручейка. Тут воины спешились и стали стягивать с себя брони, разводить костры и готовить кашу, зная, что вокруг на много вёрст чужих людей нет и они могут поесть в безопасности. А наевшись и напившись чистой воды, засунули ложки за голенища и развалились на траве, обсуждая слова своего воеводы:

— Наш-то сегодня разговорился! Говорит, что с нами ему татарин не страшен! — рассуждали одни.

— Наш-то дядьку своего называет с «вичем», не чинится, — говорили другие{13}. Вишь-ты, не хочет куда глаза глядят скакать, ведет с разумением, без суеты.

— Нашему-то жарко с отвычки, — объясняли ветераны. — Всю зиму гонял казанца по глубоким снегам, намерзся, так ему степь пеклом кажется. — И рассказывали новичкам о том, сколь их воевода мудр, и острозрителен, и от младости своей в богатырских вещах искусен. Уже в том, как произносилось у костров слово НАШ, звучала высшая степень доверия и симпатии к командиру.

* * *

— Наш-то не слезает с коня, почитай, пятнадцатый год, — говорил у одного из костров старый одноухий дворянин, окружённый набившимися на полянку новобранцами. — Он татарина как свои пять пальцев знает. Помню, ещё когда Шуйский Бельского свергнул, Иван Васильевич тогда уже на границе командовал.

— Бились мы в то время всё больше с казанцами, — продолжал рассказчик, — хотя и крымский временем досаждал. В

1539 году сидели мы в Муроме, а царь казанский Сафа-Гирей к городу приступал великими приступами — думали, что всем нам тут пропасть: московские полки что-то долго на помощь нам собирались. Спасибо, прискакали Иван Фёдорович Стрига-Ряполовский да наш Большой с полком, прогнали царя с позором и убытком. А на другое лето те воеводы сидели с нами в Муроме, приходу царя ждали да побили его вдругорядь. Тогда я к Ивану Васильевичу служить пошёл.

На следующий год собирались мы на казанского царя в конной рати, на Нижний Новгород и по Волге-матушке, но не пошли. Принес весть станишник из Рыльска, что идут царь крымский Сан-Гирей с сыном его Мин-Гиреем и многими людьми крымскими, турецкими, ногайскими, с пищалями и пушками к берегу, к Оке-реке. В те поры дали нашему Ивану Васильевичу Сторожевой полк. Только отличиться мы не успели: посекли ханское воинство князья Семён Иванович Микулинский-Пунков да Василий Семёнович Серебряный из Серпухова и Тулы, нам не оставили.

Хранили мы тогда границу на казанской украине: главный полк стоял во Владимире, а мы-то к границе поближе, сначала в Сторожевом полку, а потом повысились — стали в Передовом. Да наш-то на места{14} не очень смотрел: товарищ его в Левую руку перебрался, а Иван Васильевич опять в Сторожевой пошёл, хотя другие отказывались. Лихое было тогда время: зимой и летом с казанцами рубились на границе крепко.

В 45-м году по весне ходили мы Передовым полком к Казани на судах, полой водою. Уж на что были удалые воеводы — в Большом полку Семён Иванович Микулинский-Пунков, в Сторожевом Давыд Фёдорович Палецкий, с вятскими людьми Василий Семёнович Серебряный, — а наш был лучшим. Сильно тогда погуляли под Казанью, и царь нас наградами не обидел. Ездил я тогда с нашим-то в Москву, был на его дворе, за одним столом с воеводою сидел.

— Врёшь! — загалдели молодые дворяне. — Хвастаешь! Как же ты, простой, за боярский стол садился? Нешто боярину с тобой сидеть вместно?!

— А вот и не вру, — продолжал рассказчик, не обращая внимания на дерзостные речи слушателей. — Знамо, тогда наш воевода боярином не был. Окольничество пожаловал ему царь в 48-м году, а боярство по казанском походе 50-го года. В то время всех нас, кто в бою отличился, сажал Иван Васильевич за свой стол, да и потом не чинился. Человек он широкий — один пировать не любит. Как окажется в Москве и войдет на свой двор — сейчас велит ворота долой и давай кормить-поить всех, кто ни

пожелает, нищих велит собрать и самолично им пироги раздает. А старых товарищей в баньку зовёт и в высоких теремах потчует.

Простые-то дворяне ныне за высокий хозяйский стол не вмещаются, однако же всем гостям у Большого в хоромах почет и уважение: сам ходит и посматривает, все ли довольны, а подарков-то без счета раздаёт! Вот крымского побьём — сами его хлебосольство увидите. Только трусов наш воевода не жалует, тут берегись — велит во дворе с холопами посадить!

— А в каких ещё походах наш Иван Васильевич прославился, расскажи, — запросили дворяне, видя, что старик укладывается на ватнике поудобнее, явно собираясь соснуть. — Ты ведь, чай, всё время с ним был и во всех подвигах участвовал?!

Лесть оказала обычное своё действие, и, поборов сонливость, ветеран продолжил речи.

— Как я говорил, в 48-м нашего окольничьим пожаловали. Было это зимой, когда царь Иван Васильевич в поход на Казань пошёл. Да только настала тогда оттепель, и с полпути полки назад поворотили. А воевода наш был при самом государе в большой чести. Очень его царь ласкал и совета почасту спрашивал.

В другой поход к Казани, было это в году 50-м, пустил государь Шереметева с воинскими людьми впереди себя из Владимира, где мы тогда стояли, в Нижний Новгород, а потом и по Волге. К Казани дошли мы, дал Бог, здорово, и у Поганого озера всем полком окопались. Иван Васильевич сам пушки наводил и казанские надолбы из них разбивал. На штурм он впереди нас шёл — казанцы, мнится, только по нему и стреляли из всего оружия, а нам мало попадало. Сильно воеводу изранили в руки и ноги стрелами.

Так мы тогда Казани и не взяли, зато на следующий год отличились: царевича крымского Улан-Кощака, что из города бежал с войском, в Диком поле нагнали и разбили наголову, так что некому было и весть дать. В поле нашего-то никто сломить не может.

— А говорят, — снова подал голос один из молодых дворян, — что в городовом взятии Иван Васильевич не силён?

— В поле-то нам, вестимо, способнее, — спокойно продолжал рассказчик, — но и в городе бивались славно. Хоть и трудно Ивану Васильевичу уберечься от метательных хитростей под стенами да в переулочках, однако же Казань мы взяли. Стояли мы в 52-м году в царских станах с Большим государевым полком…

— Как же вы Казань-то брали, когда Большой полк государево здоровье должен был беречь!? — перебил говорившего ратоборец с длинным шрамом поперёк лица. — Вот мы с князем Андреем

Михайловичем Курбским башню ломали и в городе дрались, а царь-то в Казань потом въехал! К тому времени уж и трупие-то с улиц прибрали…

— Вот я и говорю, — продолжил как ни в чем не бывало рассказчик, — что был наш Иван Васильевич у государя боярином и дворовым воеводой во всё время похода и охранял под Казанью царское здоровье. А как быть решительному приступу, поднял нас воевода рано поутру и привёл к городу. Здесь мы и стояли на стороне в полном вооружении, на сражение глядючи, до той поры, пока не увидели, что казанец наших одолевает. Тогда Иван Васильевич спешился и, царского коня под уздцы взяв, к городским воротам повёл. Там у Царских ворот и хоругвь государеву поставили, а вокруг утвердил воевода крепкую стражу.

Потом как закричит наш Большой великим голосом: «Кто за Бога и государя московского! Айда за мною на поганых!» И в тот же миг поскакало с коней больше половины полка (ведь там на конях не проехать), побежали в ворота за своим воеводою. Глядь — а Иван Васильевич стоит за воротами и палицей показывает, по какой улице бежать. Когда пробежит туда достаточно ратников — он на другую улицу подмогу направляет. Так мы те места стали назад отбивать.

И сперлись с басурманами в узких улочках, саблями и топорами рубясь и ножами тыкаясь. А там, где я бежал с дворянами, ударили на нас татары стеной в копья, мы же их на свои копья приняли и стояли так больше часа: ни они нас, ни мы их одолеть не можем. Воткнув копье, высвободить его уже было нельзя — шло по телам, пока в крепкую броню не упрётся, которую пробить не может. Идо того сцепились с басурманами, что разойтись и дать место бою никак было нельзя.

Только смотрим — бежит воевода наш по крышам, с дома на дом перепрыгивает и басурман сверху огромной палицей по головам бьёт. А за ним много наших поналезло наверх, пошли дальше вдоль улицы и верхами, и низами. Столкнули мы с места крепкостоятельных казанцев и пёрли их сначала в овраг, потом на гору, где царский дворец и мечети их стояли, а потом погнали с горы вниз. Воевода наш везде горазд был на воинскую сноровку: где ворота плечом вышибет, где стену развалит и на супостатов обрушит, где телегу, каменьем груженную, по крутой улице вниз столкнет. Словом, везде, где неприятель упрётся, тотчас Иван Васильевич появляется и сильно своим подсобляет.

Когда прошли весь город насквозь и увидели, что казанцы за реку уходят, прыгнул Шереметев со стены и мы вслед за ним, перешли реку вброд и на последние ряды неприятельские крепко

ударили. Хоть и мало нас с воеводою прибежало, а всё же немало успели басурман посечь, пока они совсем в болотину не ушли, а за болотом в великий лес. Вот как наш-то Казань брал, не считая своих великих ран!

На следующий год летом ходили мы в больших полках с государем против крымского хана, чаяли его прихода на русские украйны. И затем не смогли опочить от трудов: восстали многие казанские люди и в декабре выступили мы на Волгу. Но об этом походе нечего долго рассказывать, многие в нём и сами были. Неотступно шли мы за неприятелем, имея многие битвы, аж до Урал-камня: впереди князь Андрей Михайлович Курбский со Сторожевым полком, за ним мы с Иваном Васильевичем — Передовой полк, за нами Семён Иванович Микулинский-Пунков с Большим полком. За тот поход пожаловал государь воеводам по золотому венгерскому, а как наш давеча на Москве гулял — вся столица помнит, мало кто из москвичей у Шереметева хлеба не ел!

Вот придём из Дикого поля домой — то-то радости на Москве будет, то-то веселья! Нас воевода не забудет, да и всех пленных христианских, от злой неволи в Крыму освобождённых, обласкает и удовольствует — это у нашего первое дело. Сам не будет ни пить, ни есть, пока всем воинам и бедным добро не сотворит!

— Так ведь в Москву ещё вернуться надо! — раздался с края полянки голосок. — Говорят, крымский хан на черкас пятигорских пошёл, а ну как он далеко не ушёл да на нас ударит? Крымский-то, он в одну сторону лук натягивает, а в другую стреляет!

— Ушёл хан или не ушёл, — сказал старый дворянин строго, — это дело тайное, не нашего ума. Ты бы, Митюшка, лучше сопли утёр, а то за тобой-то и в строю жить слякотно! А с Иваном Васильевичем, — продолжил он, переждав взрыв веселья, — мы хоть против хана, хоть против султана постоим.

* * *

Тем временем, пока у одного костра длилась эта беседа, на другом краю лесочка под густым кустом ракиты лежал на подостланной шубе сам боярин и воевода Шереметев, благостно шевеля в воздухе извлеченными из сапог и портянок пальцами ног. Вздыхая время от времени от удовольствия, Иван Васильевич благосклонно слушал своего домашнего попа, читающего вслух новопереводную книжку о Крымском ханстве. Опуская описание географии, населения и плодородия Крыма, и так хорошо

знакомых по более точным сведениям, воевода требовал читать себе о нравах и обычаях противника, об оружии, прерывая чтение замечаниями.

— Татарове приидоша и населишася тамо не весьма древних лет, — читал поп, — но от онаго времени, егда изгнани быша от литовских князей из стран российских от Подолия, яко о том выше писано.

— Знаю, прочти дальше, про Мамаев луг, раз мы туда идём, — потребовал воевода. Чтец повиновался.

— Поля в тех местах так жизненны и обильны травою, яко едва поверить можно, ибо трава там в высоту как морской тростник и очень мягка. В те места татары крымские выгоняют пасти своих верблюдов, лошадей и всякий скот, а иные там и зимуют, ибо татары сена косить не привыкли: лошади их и другой скот в полях снег разгребают и из-под него себе пропитание добывают. Также и зверей в тех полях великое множество: серн (то есть коз диких), оленей, лосей, диких лошадей, сайгаков, кабанов, ланей собираются целые стада. Недалёко от тех мест есть небольшая, но густая дубравка, окружённая, как остров, водой, — в ней поистине неисчислимое множество всяких зверей.

— Дальше, дальше прочти, про породу крымскую, — проговорил Шереметев, переворачиваясь на бок и подпирая рукой свою большую голову.

— Породою суть, — нашел нужное место чтец, — роста среднего, обличил широкого, черноватого, очей чёрных, страшно выпуклых, бороды имеют долгие, но редкие, наподобие козлиных, их же мало стригут. А чело своё всё бреют, кроме молодёжи и знатных особ, царевичей и мурз, которые оставляют на темени хохлы{15}. Шеи имеют твёрдые, в теле крепки, мужественны и смелы. К телесным упражнениям по природе своей очень склонны.

Мясо едят всяких скотов, будь то убитых или умерших. Особенно любят конское мясо, а от свиного отвращаются, как от отравы, называя его по закону своему скверным. Как наилучшее питьё пьют сырое кобылье молоко, которое у них лучшее лекарство после всяких трудностей и от которого они толстеют, как вепри. Иногда же, с вином смешав, тем молоком упиваются.

— Враки! — сказал Иван Васильевич. — Сей кумыс без вина бывает пьяным, его и казанцы зело почитают. А что здоров он — это верно. От болезней зело помогает, как у нас лук и хрен. Но читай дальше.

— К голоду, недосыпу и всякой нужде вельми татары терпеливы, могут по три и четыре дня в засаде сидеть без еды и сна. Когда идут в загонах на войне, не имея еды и питья, тогда

своим коням шейную жилу отворяют и кровью их жажду утоляют. Говорят, коням это кровопускание очень полезно для перенесения всякой нужды и трудностей.

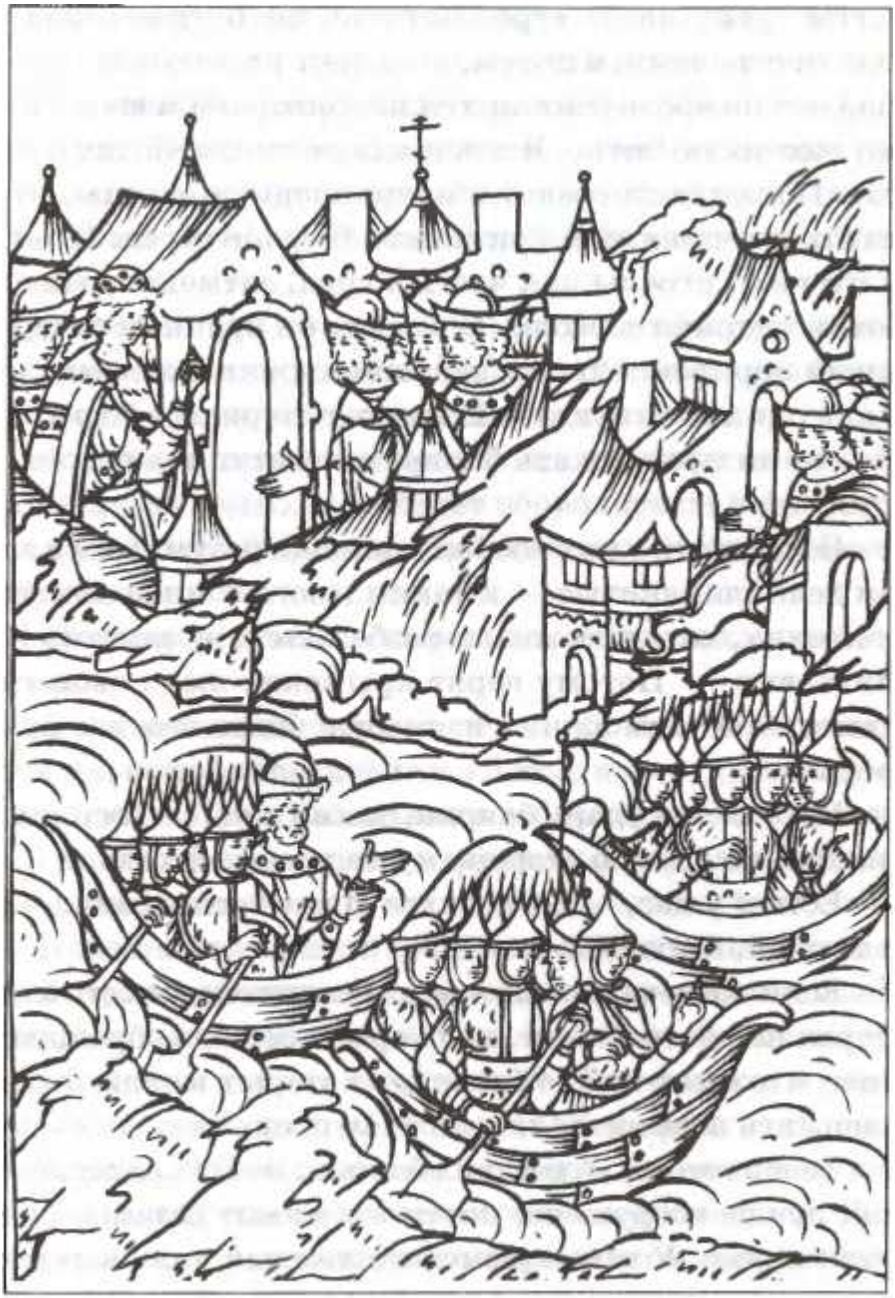
Употребляют в пищу и всякую зелень, растущую по берегам Дона и Волги, а солить пищу не любят — считают, что без соли им зрение очей светлее бывает. При еде садятся все вкруг, подогнув под себя ноги. Так делают и в поле, и за столом, и в посольствах. Богатые садятся, устлав землю коврами.

Сами не крадут и кражу запрещают крепко — граблением богатеют. Епанчи{16} белые любят. Конской езде и стрелянию из лука учатся измлада, с детства развивают в себе привычку к лишеням и кровопролитию. Оружие их на войне — лук и колчан со стрелами, кистень, сабля, есть немного копий и огненной стрельбы.

Кони татарские невелики и на вид жалки, хребтами худы и тонки, телом вытянуты, но очень сильны и терпеливы. Со своими всадниками могут переносить великие трудности и голод, питаясь только лесными листьями, хворостом и кореньями, которые копытами выкапывают. Таких коней татары употребляют в походах. Есть у них и другие кони, породистые, великие и рослые, в беге держащие головы высоко. Этих употребляют в бою, к которому они привычны. Такие кони придают немалую смелость всадникам.

— Это верно, — заметил воевода. — Порода очень дорогая, в бою свирепая и быстрая, как ветер. Бог даст, раздобудем этих коней побольше. Такой аргамак раз в сто простого коня дороже и в нашем конном заводе зело редок: кто его имеет, того поймать-то больно трудно! Вот уж ценность у хана так ценность.

— Когда идут на войну, — продолжал чтение поп, — каждый их воин двух-трёх коней в поводу водит и с усталого на свежего перескакивает на ходу. Так они за малое время очень далеко могут ускакать. Бывают среди коней такие учёные, что, на свободу пущенный, нисколько от своего господина не отстаёт, даже во время битвы или в самом тесном месте! Если же охромеет или заболеет, то его режут и, содрав шкуру, съедают. На этих конях, связав снопы тростника и положив на них оружие, переплывают крымчаки самые великие реки: Волгу, Дон, Днепр, Буг, Днестр и Дунай. Во время битвы садятся на коней без шпор, только с плетью, на лёгком, но крепком седле, имея простую узду. Скачут на врага тесно, нога к ноге, так что протиснуться между всадниками трудно, и до того к воинскому делу привычны, что поворачиваются или останавливаются одновременно, и на полкорпуса из строя не выдаваясь.



Поход на Казань судовой рати Семёна Микулинского, Ивана Большого Шереметева и Давыда Палецкого в 1544 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

В сражении недолго бывают, но скоро от неприятеля начинают бежать; в это время их особо надо беречься, ибо на всём скаку метко стреляют они, оборотясь назад, тяжёлыми стрелами, а потом, все вдруг поворотясь, крепко нападают на врозь

гонящихся неприятелей и вновь начинают жестокую битву. В ровном поле смелее битву составляют. Полки свои ставят в искривленную линию, чтобы пустить в неприятеля как можно больше стрел. В начале боя пускают стрелы как частый град, затмевая ими свет, а потом ударяют в сабли. В устроении бранном содержат дивный порядок: одному движению руки воеводы своего все как один повинуются. Если же потеряют в бою командира, то ни продолжать битву, ни отступить стройно не могут.

— Воеводы-то у них всё больше люди разумные и в воинском деле знаменитые — к таким много воинов сбегается, а от плохих, хотя и знатных, разбегается, — заметил Иван Васильевич. — Потому верят крымские люди своим воеводам и стоят они за них насмерть, более чем все другие народы.

— И у нас, государь боярин, такие есть! — воскликнул лежащий по другую сторону куста военный холоп.

— Есть и у нас, — согласился Иван Васильевич. — Ну, продолжай, батюшка.

— Если же сеча в тесном месте случится, то сего хитрого строя не употребляют, но скорее в бегство обращаются, потому что имеют мало броней, в которых можно было бы воздержать неприятеля, — прочёл поп.

— Теперь не то, — добавил боярин. — Буджакская орда у них лучше вооружена: почти все имеют шлемы, панцири или куяки. У хана крымского личный полк в тяжёлой броне, да янычары турецкие с ним ходят. Остальные тоже броню не за редкость почитают, особенно воины бывалые, только в лёгком набеге на себе её не таскают, а в седельные сумки складывают. Да ведь и мы в походе часто тяжёлую броню на подводах возим.

— В сидении на коне обычай у них стремена зело коротко подтягивать, чтобы, скорее и лучше на обе стороны поворачиваясь, из лука стрелять, — продолжал чтец. — Если же что упадет на землю, то, прямо на всём скаку с седла свесившись, поднимают упавшее. Также от копья или стрелы могут зело скоро чуть ли не под брюхо коня убраться, только одной рукой или ногой держась за седло. Пешими же никогда на войнах не бывают и пехоты не имеют.

Мужественны и смелы, до самой кончины бьются с неприятелем, один за другого умирая. Можно крымчака с коня сбить, искалечить и оружия лишить — а он руками, ногами, зубами и всеми членами, каким ни есть способом до последнего издыхания будет обороняться; видя смерть перед собой, такой только и мыслит, как бы неприятеля с собой взять.

— Милосердия они не знают, потому и злы, — добавил

воевода.

— К взятию городов неспособны, ибо пушек не имеют и боятся их, по своей пословице: «Алтурпок — душайок!» — прочёл поп, а Иван Васильевич добавил, что зато с ханом турки ходят, очень к огненному делу способные и городоёмцы знаменитые.

— В диких полях путь свой по звёздам правят и по железной стрелке. Одеяния носят длинные, и в верхних одеждах мужи и жены мало имеют различий, только женщины белым платком голову повязывают. Все ходят в шапках, которые не снимают при поклоне. Живущие в городах и сёлах нижнюю одежду льняную имеют, а кочевники, шубу надев, не снимают, пока от ветхости не развалится. Девицы честные или царевны на людях платком лицо прикрывают, как итальянки.

— Сей обычай у них, видать, от генуэзцев и пошёл, — заметил Иван Васильевич, вновь переворачиваясь на спину.

— В трудные времена отсылают стариков и семьи свои в города, а сами в чужие страны войной идут, где, грады пожегши, села опустошивши, пленников нахвативши, остаток мечом и огнём потребивши, сами возможно скорей убегают. Елико стран опустошат — толико величайшим пространством государств своих хвалиться привыкли. Русь и Литву своей землей считают и дани там берут.

— Ныне этому конец! — подал голос воевода. — Побили двух наследников Батыевых, побьем и последнего. Не бывать более татарским поминкам с русской земли. Народ хоть и грабительный, и к чужим богатствам зело лакомый, однако придётся им эти грубые обычаи оставить, коли мы дорогу за Перекоп проложим.

— Да могут ли они жить-то без ограбления соседей? — спросил у воеводы поп. — Ведь мало что из богатств в Крыму остаётся, всё за море уходит в обмен на турецкий хлеб.

— Ишь, пожалел волка! — возмутились на святого отца воины. — Ты ещё предложи им рабов христианских оставить, которые у них по смерть свою пашню пашут и просо сеют, сами же с голоду помирают.

— Можно крымчакам жить без грабительства, только они от трудов и земледельческой работы зело отвращаются и того ради мало хлеба знают. А хлеб там родится богато, где поля русские пленники пашут, — сказал воевода. — Как мы их от неволи освободим, многие, чай, захотят на такой богатой земле жить и земли станут осваивать. А берега Крыма богаты всяким овощем, который издавна растят армяне да италийцы с евреями. Без неволи ханской те свои сады и огороды распространят, так что не будет ни в чём скудости. Сами же татарове к трудам и нуждам

неизреченно терпеливы суть. Коль не будут дурным разбоем от честного труда отвращаться — не сыскать будет богатейшего места, нежели Крым.

Но не будет так, если позволим им свирепствовать над соседями безнаказанно. Пусть знают грабители, что гнев обиженных падет на их землю и негде будет им укрыться от расплаты за зло сотворенное. Подай-ка, дружок, мне сапоги, чаю, уже они просохли!

* * *

Быстро замотал Шереметев портянки, вспрыгнул на ноги и велел собираться, а коноводам подать коней к опушке. Он было встал в стремя, как из-за ближнего кургана, в окружении сторожевых воинов, показался летящий галопом всадник с соколиным пером на шапке.

— Ну-ка, — сказал воевода, — посмотрим, что за вести, — и с этими словами выдернул ногу из стремени. Не доскакав до воеводы шагов двадцать, конь гонца пал на передние ноги, и тот кубарем вылетел в траву. Воины немедля подняли бедолагу и под руки подвели к воеводе, но прибывший долго не мог говорить.

— Хан идёт, — наконец пробормотал он задыхаясь, — на Русь.

— Какой хан, — спросил Шереметев ласково, — и куда идет, и с кем, и где он сейчас? Да ты не спеши, попей водички. — Воду тотчас подали. — Ведь не за тобой же он следом скачет!

Спокойствие воеводы и изрядное количество холодной воды постепенно оказали свое благодетельное влияние, и гонец стал глядеть осмысленно. Всё меньше запинаясь, он поведал, что дозорные Сторожевого полка переехали сакму, не доходя Изюм-Кургана. Сакма была очень велика и, пересекая путь русским, вела на север. След крымских коней был свеж. Не дожидаясь возвращения своего товарища Степана Сидорова из разъезда, воевода Дмитрий Плещеев немедленно послал гонца к Шереметеву за приказаниями. Тот прилетел, загнав напоследок коня.

Приказав проводить гонца в тень и обиходить, а заодно рассёдлывать коней и располагаться на дневку, Шереметев с отвращением плюнул себе под ноги и сказал подошедшему воеводе Салтыкову:

— Узнаю Плещеевых! Начальстволюбивы до потери разумения! А каков воевода, таков и воин: эвон как задохнулся, поспешая с пустыми словами. Однако придётся подождать

человека от Сидорова.

— Можно ли нам коней расседлывать?! — вскричал Салтыков. — Надобно назад спешить или хоть наготове быть, да разъезды усилить: не ровён час хан нагрянет!

Оглянувшись на стоящих рядом воинов, Шереметев взял товарища под руку и повёл обратно в лесок, к излюбленному ракитовому кусту.

— Стража у нас и так хороша, — говорил он по дороге, — а спешить надо с усмотрением. Видишь и сам, куда бы нас спешка завела, если бы скакали мы сломя голову: хан-то, не ведая про нас, дорогу нам пересёк. Думал на Русь нежданно прийти! Видит Бог, отдает себя басурман в наши руки. Не владения крымские, а самого крымского царя должны мы здесь разгромить и на Русь лазать крепко отучить. Но и здесь нам голова требуется, а не быстрые ноги.

И, успокоив таким образом Льва Андреевича Салтыкова, усадил его Иван Васильевич рядом с собою под куст, ждать о хане вестей. Они не замедлили появиться.

На взмыленном, разгоряченном скачкой коне прямо на полянку вылетел и ласточкой спрыгнул с седла молодец в зеленом кафтане, ладно обтянутом сбруей, на которой висели длинная сабля с костяной рукоятью и такой же кинжал, пищаль с набором украшенных серебром зарядов, пороховница из заморской раковины и вышитый подсумок, два пистолета турецких и малая секира в чехле, две кожаные фляги — большая и маленькая, серебряный футляр с гребешком.

Глянув на воевод орлом, пошевелив закрученными чуть не до глаз усами и заломив на затылок казачью шапку, гонец Степана Григорьевича Сидорова начал свой доклад:

— Аз есмь («из монастыря, что ли, сбежал», — шепнул Иван Васильевич Шереметев Салтыкову) станишник Богдан Никифоров сын, станицы Лаврентия Колтовского. Июня в 19-й день сметили мы на Северском Донце на Обышкине перевозе сакму крымских людей — лезли через перевоз тысяч с двадцать. И на других перевозах, по осмотру, сметили многие сакмы, всего тысяч на шестьдесят конных, не считая заводных лошадей: крымские татары, буджакские, Казыева улуса люди и черкасов отчасти. И о том послан я был Степану Григорьевичу сообщить, пока Лаврентий с нашими по следам идет.

Выступление в поход на Казань Сторожевого полка Василия Серебряного и Семёна Шереметева в 1552 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Да Степану Григорьевичу сообщил изюм-курганской сторожевой службы сторож Иван Григорьев, что под Изюм-Курганом, Савиным бором и в других местах прошёл крымский хан, а сколько с ним людей — сметить не успел. Воевода, велев обо всём том воеводам Большого полка сообщить и в Передовой полк весть дать, пошёл сам по сакмам за ханом в угон, а вскоре обещал прислать проводников, чтобы большие воеводы легко могли с Муравского шляха на татарскую сакму перебросится. А гонцом послал меня. То мое и слово!

— Ай да молодец! — сказал Иван Васильевич сразу о гонце, Колтовском и Сидорове. — Ты, Лев Андреич, готовь в Москву грамоту, что мы идем за ханом к Быстрой Сосне — пусть встречают дорогого гостя. Да станишников и Сидорова не забудь упомянуть, они всякой награды достойны. Ты, Богдан Никифорович, сам в Москву весть о хане понесёшь.

— Постой! — закричал воевода, видя, что молодец бросился к своему коню. — Экий ты быстрый. Скакать будешь во весь дух, беря везде подставных коней, для начала из моих выберешь лучшего. Пойдешь под моим флажком. А пока возьми в дорогу запас.

Воевода призвал своего старого холопа и велел лично присмотреть, чтобы гонца накормили и собрали в дорогу самолучшим образом. Подумав, Большой велел принести тщательно хранимый бочонок с квасом и нацедил давно не видавшему такой роскоши станишнику полный ковшик. Через час гонец уже сидел в седле и, напутствуемый воеводами, выезжал из леска на степную дорогу[17].

На другое утро Большой полк пересек семь овражистых верст, отделявших Муравский шлях от мест, через которые прошли сакмы Девлет-Гирея, и встретился со Сторожевым полком. Передовой полк Басманова и Зюзина, совершив марш следом за Сторожевым, пошел в арьергарде.

Широко раскинув поперек Изюмского шляха крылья разъездов, русские войска спокойно, не выдавая себя, шли за крымчаками, готовые подхватить их и передать в руки больших государевых полков. Главная сила крымского хана и его вассалов — 60 тысяч всадников — попала в смертельную ловушку, но ещё не знала об этом.

* * *

По всхолмленной зеленой равнине, где трава порой растет всаднику по грудь, по избитой конскими копытами дороге летел

гонец. Он то скрывался в глубоких оврагах, то вздымал облачка пыли на седловинах курганов, то рассыпал веерами брызги ручьев и речек.

Завидев его издалека, заметив вьющийся на тростниковом копье длинный малиновый флажок, оставленные воеводой Шереметевым сторожи седлали лучших коней и выезжали на шлях, набирая разгон. Поравнявшись с заставой, гонец на скаку прыгал на свежего коня и вскоре скрывался за северным горизонтом.

Конь не мог бы выдержать гонку, его надо было останавливать на отдых, вываживать, кормить, поить и чистить; человек с южной границы переносил всё. Иначе здесь было не выжить.

Галопом пролетел всадник низкие ворота пограничной засеки. Смена коня — и опять полёт через поля и перелески, вплавь через реки, вскачь через речушки, в объезд городов — кони меняются на заставах, здесь же воеводы наскоро читают грамоту Шереметева — и дальше, через Оку, к Москве. На вторые сутки гонец влетает в распахнутые для него ворота Кремля — это четвертые сутки от Северского Донца, где впервые замечен след врага.

Подкручивая ус, Богдан Никифорович всходит на Красное крыльцо и подает грязную, стертую на сгибах грамоту царскому дьяку. Дьяк благодарит царским именем. Неделю-другую надо будет подождать награды, пока бумага о ней движется несколько десятков шагов из одного учреждения в другое. Гонец может отдохнуть в людской.

В тот же день, пятницу, пригнал Иван Григорьевич (по-московски — Ивашко, Григорьев сын) Дарьин с более подробным сообщением. Уже к вечеру — знай наших! — подлетел к Красному крыльцу сам атаман храбрых станичников Лаврентий Колтовский. Крымский хан сочтён, взвешен, измерен.

Царь совещается с боярами. Гонцы уже отдохнули, их расспросили во дворце, но совещание длится. Боярин и воевода Иван Фёдорович Мстиславский с частью войск отпущен в Коломну. Туда должен отбыть и царь, чтобы лично вести войска к границе. Но совещание длится почти неделю…

У царя другие заботы: дойдут или не дойдут по назначению грамоты, написанные особо доверенными писарями и разосланные на самые дальние пограничные рубежи немедленно, без проволочек и совещаний? Ни один боярин и воевода этих грамот перед отправлением не читал, их должны прочесть только на местах, в каждой крепости, селе, деревеньке{18}. Буквочки в них обыкновенного черного цвета — цвета измены. Хотя могли бы

быть красными — за каждую из них будет пролито много крови.

Грамоты сообщают, что не́чего больше бояться крымского хана. Хан ныне сгинет со всей своей силою. На него идёт со множеством воинства московский царь, а за хребтом хана идёт Иван Шереметев.

Успеет ли Девлет-Гирей получить эту весть? Для этого достаточно схватить любого языка на границе. Может быть, и не любого; не все языки развязываются пытками. Известий в Москву не было. Опасность продолжала висеть над головой царя, хоть и крымского, но царя. Что будет, если холопы перестанут трепетать перед царями? Семь дней прошли в неизвестности. Откладывать поход стало уже невозможно.

В воскресенье 30 июня царь и великий князь Иван Васильевич вместе с царём казанским Симеоном Бекбулатовичем выступили из Москвы. Как ни медлили в дороге, но 2 июля, во вторник, армия пришла в Коломну. Войска рвались в бой. Бояре и воеводы требовали, чтобы их отпустили на рубежи, за Оку. Всё же удалось простоять на месте ещё вечер, ночь, ещё день.

В среду вечером прискакало множество гонцов: пограничные воеводы единогласно сообщали, что Девлет-Гирей идёт к Туле, как и предполагалось. Крымский царь словно ослеп. Его разъезды никак не могли взять языков. Девлет-Гирей упорно лез навстречу своей погибели. Взятые порубежными воеводами пленные утверждали, что орда от Тулы выйдет к переправам через Оку близ Каширы.

Удержать русскую армию больше было нельзя. Выступив в четверг утром из Коломны, войска в тот же день переправились через Оку под Каширой, увлекая с собой московского и казанского царей. Не дожидаясь главных сил, с поспешением поскакали к Туле Сторожевой полк Ивана Васильевича Меньшого-Шереметева и полк Правой руки Ивана Ивановича Турунтая-Пронского. За ними, обгоняя Передовой полк, устремился полк Левой руки князя Василия Семёновича Серебряного. Казалось, ничто уже не может спасти царя крымского. Но долгожданное известие пришло. Вскоре после переправы царю московскому и царю казанскому сообщили, что Девлет-Гирей бежит: взял-таки языков!

Вечером в четверг царь и великий князь Иван Васильевич удостоверился, что ещё во вторник упорные поиски ханских разъездов увенчались успехом. Языки рассказали об огромной русской рати, которая во главе с царём собралась в Коломне. Конечно, русские люди, взятые в степи более чем за сто верст от Тулы, не могли знать о том, что именно в этот день царь пришел в Коломну. Но своей мужественной смертью под пытками двое

безвестных воинов сторожевой службы смогли подтвердить пугавшее хана известие.

Девлет-Гирей, заметавшись, поворотил орду на Одоев, но не дошёл и туда. На реке Зуше, первом большом притоке Оки, были захвачены ещё двое пленных. Один из них умер молча, другой не вынес пыток и рассказал о содержании столь предусмотрительно посланных из Москвы грамот. Быстрый ум Девлет-Гирея оценил опасность. До Куликова поля было рукой подать не только в географическом смысле. В несколько часов крымские войска развернулись и к вечеру того же вторника в полном порядке устремились к Крыму.

Утром пятницы царь и великий князь Иван Васильевич, не имея больше причин задерживаться, двинулся с основными полками к Туле. Он даже уступил сторонникам активных действий, поставив в товарищи к воеводе Большого полка Ивану Фёдоровичу Мстиславскому, известному промедлителю, лихого вояку князя Петра Семёновича Серебряного-Оболенского. Пятишестидневный отрыв крымского царя от войска царя московского позволял такие жесты. Правда, Серебряный ещё не считал дело проигранным. Полк шёл день и всю ночь, а на восходе субботы, 6 июля, вступил в Тулу.

* * *

У подножия высокого кургана с осыпавшейся белой каменистой вершиной татарские сакмы раздваивались. Поговорив с ветеранами сторожевой и станичной службы, Иван Васильевич Большой-Шереметев отпустил стариков и воссел на жёлтый валун, лежавший здесь же, у подножия кургана. Рядом расположились командиры всего заброшенного в Дикое поле 13-тысячного войска.

Было установлено, что с этого места хан начал войну. По обыкновению, татары оставили запасных коней, которые могли бы помешать в бою, в безопасном месте на полдня пути в сторону от основной сакмы и в нескольких днях пути от русского рубежа. Отсюда они шли боевым строем, послав далеко вперед разведку и постоянно готовые к бою.

Взять ханский обоз, а главное — коней было очень соблазнительно. Но ещё важнее было вовремя оказаться над головой хана в тот момент, когда он нарвётся на главные русские полки. Мнения участников военного совета разделились. Одни считали, что потеря коней и обоза будет для Девлет-Гирея столь тяжким ударом, что стоит рисковать. Другие требовали не

оставлять сакму, по которой вспугнутый чем-либо хан может внезапно унестись в Крым, справедливо полагая, что хан дорожит своей головой более, чем пожитками. Третьи предлагали разделиться, частью сил захватив обоз, а частью продолжая преследование Девлет-Гирея.

Иван Васильевич внимательно слушал, но молчал. Когда командиры закончили говорить, он поднялся со своего места и сказал:

— Мало нас, но хана будем бить повсеместно. Те, кто хотел идти на обоз, больше пригодятся при взятии обоза. Это примерно тысяч пять сабель — столько же, сколько охраняет ханский кош. Головами у вас пойдут Ширяй Кобяков и Григорий Жолобов. Да смотрите, чтобы ни один басурман с вестью к хану не ушел! Коли останутся силы, пошлёте людей за нами вдогон немедля. Сами же, поставив коноводов к ханским табунам, на другой день за нами поспешайте в ополчении ратном.

Те, кто хочет самого хана бить, любы мне своим мужеством. С ними без сомнений двинусь за ордой и в бою не оглянусь. Не в числе воинов одоление брани бывает, но твёрдым и сердцем чистым дарует победу Господь! Коли уцеломудрились вы лучше принять смерть, нежели длить под татарской данью позорный живот, ступайте без страха за мной, ибо я басурманам пути не уступлю.

С этими словами надел воевода кольчужку длинную, а на неё байдану широкую, возложил зерцала прочные, надел на голову ватную шапку, а на неё кованый островерхий шлем с флажком малиновым, завязал под бородою ремешком науши, повесил на пояс оружие, взял в руку тяжёлую палицу, сел на коня и поехал в чисто поле вослед басурманскому воинству. Поскакали за Шереметевым лучшие воины Большого и Передового полков с воеводами, а Сторожевой полк впереди по степи рассыпался, дозирая в поле злого татарина.

Ушло восемь тысяч воинов русских дорогою правою, а пять тысяч дорогою левою. Первым свёл битву с татарами Обозный полк. Вихрем налетели воины малым отрядом на ханский кош и в свалке множество обозных стражников порубили. Бóльшую часть сил пустили головы Кобяков и Жолобов в охват ханских табунов, чтобы ни людей, ни коней татарских в степь не упустить. Бросились обозные стражники и табунщики врассыпную, и разлилась сеча по широкому пространству. Гонялись всадники друг за другом весь день с великим упорством: только к вечеру русские ханских людей повыбили и кругом коша степь очистили.

Взяли ратоборцы ханский кош с пожитками и запасным оружием, взяли лошадей тысяч с шестьдесят и самых лучших

аргамаков более двухсот, верблюдов восемьдесят и языков множество, из которых двадцать немедля большим воеводам выслали.

Получил Иван Васильевич Большой-Шереметев эту весть в среду с утра и ратникам своим объявил с радостью, говоря:

— Теперь дело за нами!

Веселее поскакали воины по ханским сакмам и, когда поднялось высоко солнце, увидали на севере тучу пыли необъятную. Прискакали к полкам храбрые острозрительные станишники из передовой стражи, сказали:

— Бежит назад в Крым вся ханская силища по старому пути, тремя дорожками. По средней дорожке Передовой полк едет тысяч в пятьнадесять, по левой дорожке буджакские татары скачут — по-ихнему Правое крыло, а по правой бежит лихой Казыев улус с черкесами ханским Левым крылом, каждое крыло более десяти тысяч всадников, не считая сторожевых. Размах между крыльями в три версты, а где и поменее. Сам хан позади по середней дорожке идёт с главной силою, его полку счёта нет.

— А идёт ли, — спрашивает Иван Васильевич, — за ордой московское воинство?

— Того мы не ведаем, — отвечают прямо станишники, — однако же и то надобно рассудить, что не зря татары назад бегут и идут сторожко, во ополчении.

Поблагодарил воевода за службу станишников, велел сменить коней и послал прямо перед собой по средней сакме брать сторожевой ханский разъезд. Сам же повёл полк немного далее, к тому месту, где дорожка в горку шла, а потом спускалась на татарскую сторону. Здесь велел он ратникам спешиться, кормить коней и к битве готовиться. Сам же стал совещаться с товарищами.

Первым сказал свое слово воевода Сторожевого полка Дмитрий Михайлович Плещеев:

— Тут в стороне, верстах в двух или трёх, есть рощица по названию Дуброва, а вкруг неё непролазные буераки. Надобно нам в неё сесть. Там отбиться от хана и с малой силой будет можно.

— В ту рощу, боярин, хорошо бы запас сложить и походных коней согнать, — говорит второй воевода Сторожевого полка Степан Григорьевич Сидоров. — А самим нам надо смело на хана идти. В роще прятаться, может, для живота сохранно, да для чести уронно.

— Раз хан идёт на нас в ополчении, — сказал второй воевода Передового полка Бахтеяр Григорьевич Зюзин, — надобно с боков и с тыла орду рубить.

Первый воевода Передового полка Алексей Данилович Басманов-Плещеев усмехнулся и говорит:

— У меня пятки не чешутся. Как ты, Иван Васильич, прикажешь, так и буду биться.

Товарищ Шереметева по Большому полку долго головой мотал, а потом произнёс:

— Можно нам на какой-нибудь крайний полк ударить и тем хана удивить, а там видно будет. Ведь не знаем мы, что государь наш царь и великий князь Иван Васильевич своим воеводам повелеть изволил. Мы-то посланы Крым разорять, а не с ханом биться! Впрочем, я согласен, как все решат.

— Ну и ладно, — говорит Иван Васильевич Большой-Шереметев. — Гоните коней в Дуброву. Разделять наше малое войско дальше некуда, так что колебаться, воеводы, в бою не придётся. Ты, Степан, везде будешь впереди, моими глазами. Под саблю не лезь, я сам из-за тебя буду бить.

Вы, Алексей с Бахтеяром, в затылок пойдёте Большому полку, наши спины беречь станете — да смотрите, не давайте себя защемить!

Ты, Дмитрий, извернись как хочешь, но стражу поперек всего поля держи и перебить её не давай, но и не убегай далёко — всё одно в Диком поле разбитому войску спасения нет. Пока мы стоим — и ты жив. От тебя я всё, что в поле ни деется, должен знать вскоре.

Лев Андреич! Пойдёшь на левом крыле под полковым знаменем. В бою ты не скор и вперёд моего правого крыла не сунешься, но и оторваться не дай тебе Бог! Кто от строя отпал — тот наверняка погиб. Так всем и объявите.

Как меня найти — сами знаете.

* * *

Не садясь на коней, стоял скрытый от татар неровностью земною Большой полк, выстроенный поперек степной дорожки в пять рядов. За спиной его сбился плотной кучкой Передовой полк, а впереди, у самого края подъёма, лёг на землю и коней положил Сторожевой полк, растянувшись длинной цепочкой.

Вот проскакали через взгорок лихие станишники, вытирая о конские гривы кровавые сабли. Солнце шло на небе к полудню, паля бескрайнее холмистое поле с начинающими желтеть травами, обжигая зеленые листики в редких рощицах.

Как сброшенный с корабля посреди моря, погибал здесь отбившийся от своего полка человек, нигде не мог он спрятаться,

утаить свою жизнь от степных акул-крымчаков. Невольно отводил воин взгляд от диких равнин, теснее прижимаясь к товарищам. Уже ногами ощущал он дрожание матери-земли, уже наползала на солнце едкая жёлтая туча, уже чуялся в легком ветерке острый запах врага.

Скрылось в пыли дневное светило, погасло в мути золото степных далей. Только видел воин, как встал и махнул рукой человек впереди, у вершины закрывающей окоём возвышенности. Мигом вскочили люди и кони Сторожевого полка, почти незаметно для глаза прыгнули всадники в седла, брызнул песок из-под копыт — и вот уже нет никого впереди, только смутный рёв и свист доносятся из-за земного горба.

Но нет, зашевелилась впереди в траве какая-то глыба: да не глыба это, а сам Большой встаёт во весь свой богатырский рост, облитый с головы до ног тускло мерцающей броней, всматривается из-под руки в неведомую воину даль, машет на неприятеля бородищей. Уже лёгкими прыжками спускается он к своему полку и, куда делась медвежья неповоротливость, вспархивает, как птичка, на высокого буланого коня.

И не успевают новички удивиться воеводскому превращению, как слышится слева шелест тяжёлого, златом шитого шёлка и разворачивается над полком алая хоругвь святого Георгия Победоносца, скачущего на серебряном коне. В железном звоне прыгают в сёдла всадники, поднимая к небесам положенные поперек сёдельных лук копья с цветными значками, а на правом конце полка вспыхивает и подаётся вперёд малиновое знамя первого воеводы.

Тихим шагом, ровняя ряды, движется полк вперед и с высоты один лишь миг видит сквозь клубы пыли всё широкое поле. Видит, как впереди, прямо перед ногами, окружил Сторожевой полк и быстро вырубает не успевший даже сойти с дороги татарский передовой отряд, а дальше с невероятной быстротой разбрасывает в стороны черные крылья огромная колонна татарского Передового полка. Но промелькнула картина, и все быстрее, рысью, а вот уже и галопом летит кольчужный воин вместе с товарищами вперед, видя лишь спины бойцов Сторожевого полка, перепрыгивая через посеченных ими татар, глотая густую пыль из-под копыт.

Дикий свист разворачивающейся татарской лавы раздирает уши, заставляет шевелиться волосы, гасит все звуки. Бесшумно проплывает в небе тёмная туча, и сама собой покрывается земля щетиной дрожащих перьями стрел, беззвучно летят с сёдел и кувыркаются странно вместе с конями русские воины впереди. И вдруг, разрывая татарский гвалт, точно с неба звучит над

конниками зычный рёв Большого:

— Бер-р-ри р-разбойника! Круши поганого!

Следом ревёт уже весь Большой полк, а всадники Сторожевого разлетаются настороны, и в это пространство, в чёрную стену неприятеля, в оскаленные зубы степных разбойников целят светлые острия копий с рвущимися на них флажками. А-а-ах! И вылетает из руки копьё с надетым на него врагом, и сама собой выскакивает из укрытия сабля, и, кажется, без сопротивления крушит шлемы и рвет кольчуги булатная сталь, и летают меж людьми головы, и кровь из перерубленных шей брызжет в небо, и кони зубами рвут злопахучего супостата и продолжают драться, потеряв всадника.

Но мало падает русских богатырей, самозабвенно устремившихся в битву, зато, как колосья под серпом жницы, обрезаются нити жизней крымских воинов и сотнями взмывают над степью безутешно кричащие от несправедливости души неудавшихся грабителей, которым теперь суждено вечно скитаться в пространстве, разыскивая своих оскорбителей.

Бессмысленно порхают по полю обрубленные могучим ударом воевод не успевшие вырасти крылья вражьего полка и уже летают над ними сверкающие сабли людей Басманова и Зюзина, смахивая с сёдел растерявшихся воинов. Сдавленные с трёх сторон, истошно вопят под неумолимой сталью крымчаки передового отряда, объятые недоумением и ужасом: вдвое большая их толпа выкашивается вдвое меньшим неприятелем.

И не скоро страх смерти придает бешеную силу избиваемым ханским воинам, больше часа катятся под копыта их головы, пока, взревев, не подается толпа назад в неудержимом порыве и, рассыпавшись по степи, летит безостановочно четыре версты до самого ханского главного полка.

— Ну, теперь у хана пойдет кавардак! — сказал Иван Васильевич, останавливая коня.

Сбившееся в кучу на месте бежавшего татарского полка русское воинство постепенно поправляло свои ряды и растягивалось поперек равнины. Только несколько десятков всадников, не в силах преодолеть азарта сечи, унеслись прочь, рубя и коля спасающихся крымчаков. Воевода с сожалением посмотрел им вслед, прощаясь, и поворотил коня к подъезжавшим воинам сторожевой службы.

— Бьют нас и секут! — возопили гонцы Плещеева, — прямо несть нигде спасения, особливо же наседает их Правая рука, гонит наших без остановок!

— Понятно, что гонят, — сказал рассудительно воевода, — а вот где именно гонят?

В ответ гонцы показывали руками налево, а куда — точно не видать было в поднятых тучах пыли. Воевода, видимо, их понял, потому что подозвал к себе Сидорова, и вскоре Сторожевой полк, раскинувшись загоном, пошел рысью влево от сакмы. За ним, как был в строю, только развернув коней за стоявшим на левом крыле воеводой, пошёл Большой полк. Забирая ближе в сторону крымского хана, пошёл за своими вслед полк Басманова с Зюзиным.

Только тела раненых и сраженных насмерть людей и лошадей остались на вытоптанном, залитом кровью и утыканном стрелами поле у большой ордынской дорожки. Огромные стаи ворон, привычно следовавшие за войсками крымского хана, начинали падать на трупы. Было около двух часов пополудни.

Сердар Правого крыла крымского воинства, знатный ширинский мурза, поседелый в разбойных набегах и густо покрытый следами жестоких стычек, второй час преследовал русских. Он понимал, что перед ним лишь сторожевые разъезды, но не хотел рисковать и не отпускал далеко рвущийся в бой Ертóул{19}. Где-то здесь, и скорее всего правее сакмы, должны были притаиться главные полки московитов.

Сердар уже знал, что неприятель малыми силами атаковал передовой отряд. Это или разведка боем, или отвлекающий манёвр, ибо только безумец мог бы направить свои главные силы в крымский мешок. Опыт подсказывал, что московиты всегда имеют на границе малые войска, ставя свои большие и неповоротливые полки в глубине, чуть ли не у стен столицы. Разумный противник мог ударить сильнейшего только во фланг, чтобы быстро уйти в сторону с главного пути орды.

Со своей стороны сердар считал атаку более вероятной: здесь неприятель мог надеяться уйти в крепости на Зуше — Новосиль или Мценск, тогда как с другой — левой руки орды нападавших можно было бы гнать по бескрайним полям и утопить в Дону, если московскому воеводе не удастся чудом добежать до Ельца, что стоит далеко, на Быстрой Сосне.

Хитроумный мурза, не давая себя увлечь погоней, не распускал воинов загоном, но вёл их тремя плотными полками, поставив сильнейших на правый фланг. Сам он с отрядом телохранителей в украшенных медными колечками плотных панцирях двигался позади среднего отряда, готовый развернуть войско туда, где будет нащупан враг, окружить и уничтожить дерзких московитов, рискнувших вывести своих коней в великую Пустыню. Голова сердара под мелкой золоченой миской шлема непроизвольно поворачивалась вправо, и испытанное чутье не холодило бритую кожу на затылке.

Не чуял своей смерти старый разбойник, когда поворачивал голову к правому крылу полка, а уже обожгла она его холодным огнем голубых глаз юнца-севрюка, седьмого сына в семье, который, оставшись один, пошел на службу в лихие сотни Степана Сидорова.

Не видали татары, как сбежал с обратной к ним стороны кургана молодец и прыгнул вместе с товарищами в седло. Только несколько воинов стражи погнали по степи, углядев черными своими глазами тройку еле видных в высокой траве коней без всадников, заскакали им вслед за близкую рощицу, да назад не выскочили.

А кони без всадников поскакали уже позади рощи к русским полкам: двое поехали, а один остался. По наводке молодца, что из-под брюха конского вынырнул, как по нитке, прошел к рощице, собравшись в кулак, Сторожевой полк. Выступил из листвы ему навстречу севрюк-сирота, направо рукой отмахнул, а у ног его лежали три порубанных разбойника. Набирая прыть, пошел направо Сторожевой полк, выскочил из-за рощи, ударил в тыл слабейшее татарское Левое крыло.

Вопль раздался в поле, повернул свою голову ширинский мурза и хотел было взмахнуть кистенём, пустить главные силы в бок и спину дерзко нападавшим, да замешкался, руками в оружии запутался: полыхнуло ему в левое око малиновым огнем, потому что прибыл уже к роще за вторым молодцом Большой полк, отмахнула налево рука юнца-севрюка, и пошёл смелый русский полк из-за рощи самому сердару в тыл, и скакал в голове полка под малиновым знаменем сам Большой, и смотрел татарскому вождю прямо в глаза.

Но не глядел в глаза Ивану Васильевичу Шереметеву окружённый верными нукерами ширинский мурза — видел он только, как поднимается над головой русского богатыря полусаженный железный брус, московскими кузнецами кованный, на конце утолщенный, и читал супостат на этом брусе слово «смерть». Видел он на железном конце души загубленные, видел глаза убиенных и замученных, изнасилованных и в рабство проданных людей русских, мирных татар и ногайцев, мордвы и прочих людишек.

Не мог шевельнуть рукою разбойный мурза. Не выдала его отборная дружинушка, на пути русского полка сомкнула коней, страшно захрустела костями под воеводской палицей, развалилась нбстороны трупием, полетели под русскими саблями головы.

Тут только опомнился предводитель ханского Правого крыла, выхватил из ножен свою заветную, голубой молнией сверкнувшую

саблю, пытаясь перерубить вознесенную ввысь воеводскую руку. Но тяжёло было горе мирных жителей, в железную палицу вкованное, брызнула осколками дамасская сталь, рухнула месть замученных русских людей на голову крымчака.

Не слышал ширинский мурза, как треснуло близ него древко знамени высокое, двухсаженное, как взвизгнул под пальцами русского ратника зелёный шелк знамени Пророка и, скомканный, полетел в сёдельную суму. Не видал он, как побежал в ужасе испытанный в многочисленных набегах полк и стал усыпать поле своими телами, страшно рассечёнными.

Не до того было мурзе. Вобрала его голова людское горе тысячепудовое, вобрала в себя расколотые позвонки, провалилась сквозь седло и конский хребет, скрылась в лошадиных внутренностях. Ни земля, ни вода, ни огонь разбойника не приняли, нашёл он могилу в своем коне. Прошёл над ним русский полк, раскатал останки мурзы без почтения, на двух верстах его верных слуг-разбойничков повырубил.

* * *

Но не хотел воевода Иван Васильевич Большой сердца своих воинов местью досыта насыщать. Хотя и с трудом, остановил преследование. Стояли ещё в Диком поле сильные татарские полки, скакало на русских лавой крепчайшее в битвах ханское Левое крыло.

Уже за версту было слышно, как звенят латы воинов Буджакской орды. Тяжело били землю копыта их боевых коней, вспоенных слезами вдов и сирот молдавских и валашских, венгерских и польских, белорусских и украинских, вскормленных мясом русских людей. Солнце клонилось к западу, а на востоке стояла через всё небо туча чёрная, поднималась ввысь взбитая копытами персть Дикого поля, катилась на русский полк.

Понял Иван Васильевич, что уже ни обойти, ни обхитрить нельзя татарского военачальника и настало время принять смертный бой. Построил он свой Большой полк в пять рядов лицом к неприятелю, Салтыкова поставил вновь на правом крыле, сам на левом стал, а за спиною утвердил Сторожевой полк. И так двинулись русские шагом навстречу орде, хоть и в малом числе, но сильные мужеством.

Хитёр и испытан в сражениях был буджакский паша. Знал он боевые обычаи разных народов. Не велел он своим отрядам вперед забегать, хотел встретить русских грудью средних полков, а уж потом охватить крыльями, сильную стражу послал, чтобы

противник насторону не ускользнул неведомо. Но и его усмотрение разбилось о русское молодечество.

Быстро посек Передовой полк Басманова и Зюзина татар Правой руки, что пытались бежать к главному ханскому войску. И видя, что от хана своим прямой помощи не послано, поскакали русские малым числом на войско премудрого воеводы Левой руки, как воробей на коршуна, на его крыло прянули: стали край татарской рати бить и клевать. Пришлось татарскому военачальнику свои крайние полки поворачивать да подмогу посылать, так что всё войско в поле замешалося.

Русский Большой полк уже сошелся с неприятелем на три полета стрелы. Видел воевода Иван Васильевич, что вражьи злохитрые козни рушатся, а воины Басманова в самозабвении бьются крепко, поскакал вперёд быстро, как только возможно. Крыло Льва Андреевича Салтыкова стало приотставать и назад загибаться. Вражий воевода видит — делать нечего: дал своим знак, и помчались воинства друг на друга ураганом со свистом и рёвом, сшиблись так, что земля пошатнулась.

До того плотным строем съехались полки, что не могли всадники разминуться, только ещё более стискивались там, где сверкали мечи. И долго бились, но не могли одолеть друг друга. Мало-помалу стали татары обходить и теснить крыло Салтыкова, а перед крылом Шереметева подаваться назад. Не было у паши под рукой сил, чтобы охватить Ивана Васильевича, ведь услал он их против Басманова, да и Сторожевой полк крепко левое плечо Большого полка оборонял.

Видел татарский вождь, что высоко взлетает палица Шереметева и крепко налегают за ним его воины, вот-вот прорубят насквозь весь буджакский полк. Видел он, как падают под ноги Шереметеву бунчуки храбрейших мурз, а малиновое знамя приближается. Не выдержал предводитель Левого крыла этого зрелища — пошел в отход, бросив своих, ввязавшихся в битву. За ним и остальные татары побежали врассыпную, да не всем повезло из-под меча уйти.

Усеял поле телами крепкий в битвах буджакский полк, а русские уже повернули на тех, что во множестве навалились на полк Басманова. Показали мужественные ратоборцы славный пример братской выручки: сначала Передовой полк Большому помог и неприятельские силы смешал, а потом и Большой воинов Передового от татарской лютости спас: уже окружили их неприятели и хотели всех до единого посечь. Однако были сами окружены и, не желая сдаваться, помня свои злодейства, полегли под русскими саблями на сыру землю.

Вновь собрались вместе русские ратоборцы посреди бранного

поля, смог обнять брат брата и друг друга. Передовой полк крымского владыки, Правую и Левую руку его потоптали они, срубили знатных мурз великое множество и самого сердара ширинского, тысячи воинов положили на покорм воронам, сами же менее пятисот человек потеряли, хотя и были почти все ранены. И вырубили бы степных разбойников до 35 тысяч, если бы имели возможность разбитых преследовать. Но их было мало, и кругом были враги.

Поднялись старшие воеводы Шереметев, Салтыков и Басманов на большой курган и озрили даль. Глубокие синие тени лежали под курганами, кровью отливали на заходе солнца травы Дикого поля. Как стаи чёрных воронов, кружили по степи на много верст кучки крымчаков из разбросанных дневным боем полков, сходились и собирались, как волки на поживу. Маленьким островком стоял внизу русский полк. Солнце скользнуло багряным лучом по ёжику его островерхих шлемов и провалилось за горизонт.

* * *

— Заутро будет твой последний бой, — сказал Алексей Данилович Басманов.

Отсветы пламени шевелились на лицах трёх сидящих у костра воевод. Красные огоньки блестели в чёрных глазах Басманова. Страшен был лик воеводы Передового полка, разодранный мимолетной стрелой от орлиного носа до уха. Добрая улыбка бродила по лицу Ивана Васильевича Большого-Шереметева, путаясь в густой бороде и вновь карабкаясь к светлым глазам. Мертвенным был бледный лик Льва Андреевича Салтыкова.

Только что милосердные руки холопов, чиркнув ножом по ярёмной вене, прекратили мучения знатных крымских мурз, рассказавших, откуда узнали разбойники о русском воинстве у себя в тылу.

— Нет, это писари, им же государь зело верит, а набирает не от шляхетского рода, не от благородного, но от простого всенародства, это всё писари! — бормотал, захлебываясь, Лев Андреевич. — Не может быть, чтобы государь сам…

Басманов, казалось, с сожалением глянул на Салтыкова и вновь сказал, обращаясь к Шереметеву:

— Царей рука высока. Не нам постигать их величие. Посягнувшему нет спасения на земле. Смири свою гордыню, боярин, и уйди с дороги царей. Чего тебе надо? Всем наделён ты в

избытке, не то что мы, грешные. Может быть, славы? Народ будет помнить? Царь скажет — и народ забудет о тебе, все потеряешь и умрешь в забвении. Дочери твои пойдут басурманам греть постель, сын сгинет на галерах рабом. От Бога земные цари!

— Не боюсь я, Алексей Данилович, ни за себя, ни за своих детей, а страшусь за душу бессмертную, за Землю Русскую. Потому объявляю вам, что иду с крымским царём-ханом на смертный бой. Завтра не дам соблазнам вознестись над подвигом. Лягу костьми, но хану дорогу не уступлю, никому не отдам славу русскую! Да ты сам часом не боишься ли?

— Ты перед нашим государем в ответе, — говорит Басманов Шереметеву, — мое дело служивое: в сече страха не страшусь, смерти не боюсь, пойду, куда велишь.

— Да не будет нам завтра честного боя! — вскричал тут Лев Андреевич. — Узнает хан, сколь мало нас, окружит своими ордами и перестреляет, на саблю не даваясь! Уходить надобно, пока не поздно, отрываться в Новосиль или Елец!

— Выйди на курган, Лев Андреич, посмотри, сколь огней вокруг нас горит, и скажи, в кую сторону хочешь ускакать, — говорит мирно Иван Васильевич. — Когда меня не станет, тогда и промыслишь собою, а пока пойдешь под воеводским знаменем, потому что я буду впереди.

С этими словами встал воевода и пошел смотреть по стану, все ли кашу сварили и коней овсом кормят ли. Всю ночь не спал Шереметев, ходил меж костров, говорил со старыми воинами, молодых ласково ободрял, посылал лазутчиков во вражий стан.

А тем временем сидел крымский хан у своего шатра с приближенными. Радостно шевелились ноздри Девлет-Гирея, чуя запах горелого мяса, уши внимали воплям терзаемого раскаленными ножами пленника.

— Мало у Шереметева воинов, — кричал, извиваясь в муке, молодой дворянин, — не более семи тысяч! Всё расскажу!!! Пощадите!!!

— Ах ты, гад! — прохрипел другой пленник, силясь извернуться в сыромятных ремнях и плюнуть на предателя. Вырвался он из рук стражников и шагнул было к изменнику, но не устоял на обуглившихся ногах и рухнул лицом в костер.

Хотел было уже крымский хан в ту ночь бросить половину орды и бежать в Крым, потому что боялся Шереметева и ждал прихода новых русских полков, но обнадежил его рассказ малодушного воина. Узнал хан, что нет ещё никого у него за спиной, а у Большого людей меньше, чем один на семерых крымчаков, и решил сначала русских победить и пленить, за взятый свой кош и табуны отомстить, а уж потом домой идти.

Потому приказал Девлет-Гирей ещё с ночи русских окружить, а утром избить их стрелами, по степи изгонять, оставшихся арканами повязать.

* * *

Но не исполнился этот злохитростный замысел. Не взошедшу ещё солнцу, садились русские воины на лихих коней, выезжали в Дикое поле биться с супостатами. Построился Большой полк «свиньей», а Передовой и Сторожевой полки вплотную за ним, поскакали прямо на ханский стан.

Стоял Девлет-Гирей от того места за пять верст, чтобы дать поле своим всадникам, где могли бы они Шереметева гонять и стрелами избить. Окружила русскую рать тьмочисленная орда, очернила небо стрелами, набегая со всех сторон.

Увидал знатный крымский военачальник, что не бросается Шереметев в погоню за его отрядами, не уклоняется с пути, скачет во всю мочь к ханскому лагерю. Тогда собрал крымчак в одну руку десять тысяч воинов, наступил жестоким и крепким боем русскому полку в тыл.

Но не оплошал воевода Сидоров, сам ударил на неприятеля и люто рубился с ним, пока не подоспели Шереметев с Басмановым, хотя сам был пробит копьём в бок. Заткнул воевода рану ватной варежкой и вновь в сечу кинулся. Крепко налегли русские ратоборцы на поганых, лучших их воинов вырубили, сбили с поля татарскую рать.

Увидал тут Шереметев, что сзади скачут на него неприятели во множестве, крепко ополчившиеся. Повернул он войско вновь к ханскому лагерю и с тем полком басурманским схватился грудь в грудь. Не устояли крымчаки: разрубил Шереметев их полк надвое, разбросал его крылья далёко по полю, доскакал до ханского стана почти за две версты.

Призадумался Девлет-Гирей со своими советниками — то ли им уходить к северу, чтобы вновь своим поле дать, то ли навалиться на Шереметева всею силою. И подумав, что с пушками и отрядом от конницы не уйти, а из Тулы могут нагрянуть сильные русские полки, решились защитить свой стан в свальном бою.

Пошатнулась земля под русским полком, поднялся над степью ветр неслыханный, закрылся окоём тёмной стеной всадников, испестрил ось небо сотнями цветных знамен, пошла главная татарская сила на Шереметева. Скрылось солнце за ливнем чёрных стрел, поклонилась степная трава от посвиста

татарского, вздыбились русские кони, не желая нести всадников, повалились с седел воины, как градом побитые, усеялся телами православных путь полка.

Встал на стременах воевода Иван Васильевич и воскричал громовым голосом:

— Где тут подлый пёс беззаконный хан! Хочу кровь пролить убийцы малых детушек! Время мстить за поруганных! Даёшь злодея на саблю!

Содрогнулись от гнева русские воины, теснее сомкнулось малое воинство, единым сердцем закричало:

— Даёшь!!!

Прянул полк в басурманское сонмище, как стрела в волну. Закружилась по полю, застонала вся большая орда, пошел по ней вопль и треск. Был главный ханский полк как огромный лес. Пришли в тот лес семь тысяч молодцов-дровосеков, поплевали на ладони, стали сечь под корень столетние пугала — богатуров-мурз с родами их, дикую поросль не жалеючи. Зашлось сердце в Крыму у матерей, жён и невест, отливаются разбойникам вековые слёзы.

Не жалеют себя русские бойцы, грудью идут на сабли острые, желая или жить честно, или умереть славно. Скачет посреди войска Георгий Победоносец на знамени, а впереди под малиновым стягом пробивает бойцам дорогу мужественный крепкий воевода Иван Васильевич.

Завыли басурманы, видя на себя столь тяжёлое наступление, послали к хану гонцов.

* * *

Прискакали к Девлет-Гирею знатные мурзы, пали на землю пред ханским конем.

— Напали ли вы на урусов, храбрые мурзы? — спрашивает Девлет-Гирей.

— Уж и не знаем, — отвечают, — кто на кого напал. Крепко бьётся Большой Иван, хочет наш крымский корень совсем извести!

Разгневался люто Девлет-Гирей, стал своих мурз конем топтать и ногайкой бить.

— Идите, — закричал, — назад, окружите московский полк, со всех сторон крепко стисните и несите скорей мне голову Шереметева! А не то я вас всех собакам скормлю!

Ускакали мурзы, а через час или мало более к хану возвратилися, пали на землю перед ханским конем, запросили

помощи.

— Окружили ли вы, как я сказал, московский полк? — спрашивает в гневе Девлет-Гирей.

— Окружили, великий хан!

— Стиснули урусов со всех сторон?

— Стиснули! Да только бьёт нас насмерть Иван Большой, как Азраил, ходит по нашим рядам, и знамена наши — листья на осеннем ветру! Дай нам подмогу, пресветлый хан!

— Нет у меня вам подмоги, — говорит Девлет-Гирей, — только тысяча янычар с ружьями и пушками вкруг меня стоит. Коли не одолеете Шереметева — быть нам всем поживой воронов! Стиснув, разрежьте полк урусов на пять частей, а мне несите скорей воеводскую голову!

Вновь поскакали мурзы к полкам, а через час или более вернулись и пали перед ханом:

— Стиснули мы урусов и разрезали на пять частей, но ещё лютее бьется Большой Иван, поломал палицу железную о наши головы — рубит саблею с величайшей свирепостью, а с ним воины заговоренные: их и саблей пробьёшь, и стрелой проткнёшь — а всё держат оружие, ищут в поле тебя, великий хан!

Закручинился тут Девлет-Гирей, стал обещать златые горы за голову Шереметева, послал своих мурз обратно в бой, а сам за спинами янычарскими спрятался.

Час ещё прошел или более, подходило солнце к полудню, подскакал к Девлет-Гирею раненый мурза, говорил хану, не слезая с коня:

— Радуйся, великий хан! Перебили мы урусов почти что всех, взяли их великой кровью, чуть не треть твоего войска в поле легла. Один Большой Иван остался с немногими воинами, бьёт нас и сечёт пуще прежнего!

Наклонился мурза в седле и упал мёртвым к ногам ханского коня. Поглядел Девлет-Гирей на юг — содрогнулся. Видел он — бегут крымские воины, а за ними сверкает в тучах пыли малиновое знамя, скачет на ханский стан Большой Иван и кружится в его руке сабля багровым отблеском. Прыгнул хан за спину турецкого янычарского аги и закричал истошным голосом:

— Пали!

— Куда уж палить, — говорит хану командир пушкарей — «топчу», — ведь твоих мы побьём множество!

Но Девлет-Гирей не отставал, и ага скомандовал.

Ударили тридцать пушек каленым ядрами по бегущим и преследующим, проложили кровавые дорожки вокруг Шереметева, побили многих его ратников. Припали на колено триста янычар, хладнокровно навели пищали и выпалили враз по

всадникам. Скрылся весь ханский стан в пороховом дыму.

А когда дым рассеялся, увидали янычары и крымский хан поле, трупами усеянное, и поразил их ужас в самое сердце, ибо ехал по тому полю великан, кровью залитый, и кричал страшным голосом:

— Даёшь царя беззаконного!

Тяжко изранен был воевода Иван Васильевич. Не в одном месте были его латы прорублены, осколки стрел торчали из рваных железных колец, иссечён был его богатырский конь, пали в битве многие товарищи. Проломил Шереметев крымское воинство и вышел на ханский стан с несколькими сотнями. Скакали русские воины, как львы рыкая, и не могли глядеть им в лица могучие Девлет-Гиреевы полки. Как нежные лани, бежали с поля степные разбойнички, бросив своего хана с турками.

Умел смотреть в глаза смерти янычарский ага, выпалили ещё триста пищалей Шереметеву прямо в грудь. Разбили тяжёлые пулечки зерцала булатные, проломили на воеводе кованый шлем, положили вокруг на землю многих товарищей.

Но подхватил малиновое знамя молодой севрюк, увидали храбрые янычары сквозь пороховой дым, что снова скачет на них Иван Васильевич Большой впереди воинов, хлещет у него из груди кровь богатырская, шатается под ним буланый конь, но высоко поднят сильнейшей в Степи рукой меч мщения.

И еще триста пищалей выпалили в Ивана Васильевича с сорока шагов. Вошли пули в грудь воеводе, ударили в богатырского коня. Ещё несколько шагов сделал конь к твёрдостоятельным янычарам, ещё сто пищалей выпалило у турок.

Почуял конь, что не сжимает хозяин ногами его бока, повернул голову и видит, что воевода склонился в седле, саблю из руки выпустил. Покатилась из глаз буланого кровавая слеза, и пал он на землю замёртво, уснул навеки рядом с товарищами.

* * *

Загалдели янычары радостно, бросились Большому Ивану резать голову, замахали ятаганами, ибо видели, что повернул назад Георгий Победоносец на знамени. Остановил русских воинов оружничий Лев Андреевич Салтыков, испугался он крымского царя. Но не послушалась его сотня русских храбрецов, не устрашились они ни ятаганов, ни пуль, отбросили толпу янычарскую от тела Ивана Васильевича, подняли воеводу на коня и увезли с собой, не видя ещё, что Шереметев жив.

Крепко прибита была душа Ивана Васильевича к телу богатырскому, но ушла с кровью силушка и смежились его глаза. Не видел он, как повернул Салтыков остатки полка в обход ханского лагеря, не тронул хана и поскакал на Русь во всю прыть.

А татары разбежавшиеся, видя своего хана недвижимо у пушек стоящего и держащего зеленое знамя Пророка высоко и твердо, вновь стали в полки собираться, желая испуг свой перед Девлет-Гиреем кровью искупить. Вскоре пошел один татарский полк за Салтыковым вдогон, а остальных послал хан на поле боя, ибо сеча ещё не кончилась.

Разбросала русских свирепая битва малыми отрядами по великой Степи. Когда же побежали крымские воины, стали вновь собираться вместе московские полки. Не успели они в поле съехаться, но когда повалила стеной орда, бились мужественно. Ещё два часа с татарами крепко стискивались и в грудь секлись.

Воеводы были в русском войске разные. Дмитрий Плещеев и Бахтеяр Зюзин устремились свою жизнь спасать. С кучками людей прорубили себе путь и ушли на Русь. Алексей же Басманов и Степан Сидоров ходили по полю, как львы в пустыне, выручали отряды малые, вновь и вновь собирали свои полки, не уступали басурманам жизни русские.

С ними вместе бились и пятьсот человек, прискакавших из воинства, что ходило на ханский кош, а остальные из того воинства, слыша о битве, бежали с конскими стадами и Девлет-Гиреевыми пожитками на Рязань и Мценск.

Алексей Данилович Басманов много верст отступал с собранными под руку отрядами из разных полков и сотен, присоединяя разрозненные группы конников и бросаясь в сабли на особенно упорных преследователей.

Он не сходил с главной сакмы, зная, что татарский загон собьёт именно сюда тех, кто не смог проскользнуть сквозь его широко раскинутые крылья. Его люди были изранены, кони уже падали от усталости, когда сбоку показалась тропа, ведущая к Дуброве. Там оставалось имущество и запасные кони.

Сотня московских стрельцов, стоявшая в Дуброве, не ведала о ходе дневного боя. Лишь тучи пыли далеко на севере видели стрельцы, да в середине дня донеслись до них раскаты пушечных выстрелов. Были они люди бывалые и знали, что битва идет страшная. Потому второй день не покладая рук работали.

Скинули стрельцы кафтаны зеленые, скинули казаки-табунщики кафтаны красные, вырубили деревья в середине рощицы и поставили из тех брёвен по углам Дубровы три малых острожка со стрельницами. Только распрямились и отерли пот, прискакал в Дуброву сборный полк Басманова, тысячи в три

человек.

Сели стрельцы и казаки в острожки и принялись в набаты бить и в сурны трубить на всё Дикое поле. Стали собираться на звук люди, что ехали с боя порознь, — человек до пятисот, пришел сборный полк Сидорова в полторы тысячи. Здесь утвердились московские ратоборцы в воинском ополчении, потому что шёл на них крымский хан со всею силою, «роспыхався» величайшею яростью.

Окружил Девлет-Гирей Дуброву, немедля послал в бой свои полки, приказав всех русских людей пленить и вырезать. Смело полезли татары через буераки, ударили в сабли по немногим местам, где можно было на коне проскакать. Но стрельцы и казаки в острожках не плошали — грохнули по ним из пищалей, да так метко, что ни единая пулька басурман не миновала. А дворяне и военные холопы вынули из саадаков тугие луки и засыпали нападавших стрелами калёными, что двойную кольчугу насквозь бьют. Завалили поганые буераки своими телами, но не прошли в Дуброву, назад к хану отбежали.

Тогда послал Девлет-Гирей на русских много тысяч лучников, пошел в буераках жестокий перестрел. На каждую русскую стрелу — по три татарских летит, воздух от тугих тетив гудит, всё небо в Степи стрелами свистит, падают трупы во множестве. Но крепко бьют из пищалей удалые стрельцы и казаки, лучших ханских стрелков на сыру землю кладут. Не сдержались крымские воины, бросились вновь на Дуброву в сабли, да не добежали — легли трупием перед острожками.

Освирепел пуще прежнего Девлет-Гирей, хотел во что бы то ни стало русских из Дубровы добыть и своего позора избыть. Велел все свои пушки с сакмы приволочь и янычар под острожки послал. Ударили турки из пушек по русским крепостям, треснули из тысячи пищалей по рощице, малые деревья и людей в броне насквозь простреливая.

Час били янычары по Дуброве — летят из-за деревьев стрелы русские, гремят из разбитых острожков пищали стрелецкие. Второй час били янычары из пищалей и пушек — не летят стрелы из рощицы, не трещат пищали из острожков, с землёй сровненных. Тогда махнул зеленым платком из брусского шёлка — подарок Стамбула — Девлет-Гирей, и ринулась в Дуброву вся орда. Полезли татары буераками, засвистели, замахали саблями, чая себе лёгкой победы. Поднялись с земли оставшиеся русские воины и составили с басурманами сечу лютую. До захода солнца длился неравный бой.

Не покидали русский строй раненые, командовал, опираясь на плечи товарищей, Степан Сидоров с боком проколотым и

ногой из крепостной пищали отстреленной. Алексей Басманов был впереди, в самых трудных местах ловко саблей орудовал. Много полегло в том бою воинов, но отсеклись русские и бежали татарове.

К ночи привели к Девлет-Гирею двух пленных дворян, стали их пытать самым зверским образом:

— Почему-де русские столь упорно бьются-секутся, крымскому царю в руки не даются?!

— Потому, — отвечали дворяне, — что стоит уже в Туле великий московский царь, посылает в степь полки сильные, будет за нас басурманам мстить, возьмет на саблю их буйные головушки!

Умерли языки в лютых муках, но иного слова не вымолвили. Стал Девлет-Гирей со своими мурзами оставшимися думу думать, и чем больше татары думали, тем больший приходил на них страх. Велел хан от Дубровы отступать, выскочил на торный шлях и поскакал во всю мочь обратно в Крым — к утру уже через Быструю Сосну переправился!

Так окончил он с позором свой большой поход, не бывав на Руси, пол войска потерял, чужого не награбил, а свои табуны и пожитки оставил.

Убегая как тать в нощи, спросил Девлет-Гирей старого проводника: как то поле называется, где приняла орда великий позор?

И ответил старый вож:

— Стояло там некогда Судьбищи село, потому и место зовут Судьбищами. А что понимают под тем словом русские, судьбу или суд, того нам не ведомо. Аллах ал ем!

* * *

Лев Андреевич Салтыков и те, кто вёз тяжко израненого Шереметева, одолев сто пятьдесят верст степного пути, были в Туле к ночи с пятницы на субботу. Той же ночью в город вступили передовые царские полки. Царь Иван Васильевич въехал в Тулу на рассвете. Иван Васильевич Меньшой-Шереметев, Пётр Семёнович Серебряный и другие храбрые воеводы призывали немедля выступить на хана. Салтыков же говорил, что все русское войско потоптано и разгромлено, что дворяне, пометав с себя оружие, бежали от битвы, а хан после победы идёт воевать на Русь.

Слыша об этом, царь со своими советниками хотел спешно бежать за Оку, а потом к Москве, чтобы там укрыться и дать бой. Но крепко воспротивились этому мужественные воеводы,

призвали царя к твердости, говоря, что непристойно государю московскому обращаться к врагу тылом, требовали, чтобы не позорил он славу русскую и храбрых людей своих, чтобы мужественно шёл против басурман.

— Если даже и выиграл Девлет-Гирей битву, — говорили царю воеводы, — то имеет усталое войско, множество раненых и убитых, ведь два дня была у него с нашими брань крепкая!

Днем прискакали в Тулу воеводы Дмитрий Плещеев и Бахтеяр Зюзин живые и здоровые, стали рассказывать о своих подвигах и что будто они последними с поля, едва отбившись, ушли. Царь, выслушав их, пуще прежнего хотел с Тулы сбежать, насилу его удержали до следующего дня, насилу уговорили послать в поле один полк, Ивана Ивановича Турунтая-Пронского с товарищами.

Спешно ринулся Иван Иванович в степь, да не пришлось ему далеко скакать. Встретил он идущее с поля русское воинство непобеждённое. Задержалось оно после битвы, чтобы раны перевязать и убиенных схоронить честно, а под татарского хана послать подъездчиков. Вестно стало тогда всей Руси, что пошёл Девлет-Гирей в отход с великим поспешением, по семьдесят верст в день делает, и догнать его никак нельзя.

В воскресенье высыпали туляки и царские воины под стены встречать славных богатырей, что живыми возвращались из Дикого поля. Ехал во главе русского полка Алексей Данилович Басманов, шло за ним воинов две тысячи, везли израненного воеводу Сидорова.

Чудом казалось людям, что вот, зашло воинство в сердце великой Пустыни, повстречало главного злодея, страшного царя крымского — и не пропало. В малом числе, один против семерых, бились русские ратоборцы два дня, топтали и секли могучие ханские полки, не дались на саблю татарскую, навели на врага великий страх, загнали в самое его логово. Невредимы пришли на Русь воины, что отбили у хана табуны и кош. Целы были знамена русские — брошено под ноги московскому царю знамя ширинское.

Ликование шло по всей Русской земле, уходил с неё вековой татарский страх. Видели люди, что высоко взошло солнце русское, опускается долу солнце ордынское. Пришло время вынуть из сердца Европы занозу крымскую, превратить Дикое поле в цветущие нивы. Настало время христианским воинам отомстить за кровь, много лет беспрестанно проливаемую, привести Отечество своё к покою. Храбрые и мужественные люди из царских советников, и в первых — Иван Васильевич Большой-Шереметев, восставший от ран, настаивали, чтобы царь сам

поднялся и повёл воинство на царя перекопского, времени на то зовущу! Сам Бог, говорили они, как перстом указывает лишить силы врагов старовечных, христианских кровопийц, избавить от рабства сотни тысяч славян, томящихся в адской работе.

— Если и души наши придется положить за порабощенных людей, то положим с радостью! — говорили воеводы. — Воистину выше всех добродетелей сия любовь. Христос не пожалел своей крови за род человеческий, и мы помним Его слова: «Больше сия добродетели ничто же есть, если кто душу свою положит за други своя!»

Но того не подумали воеводы: если не будет у Руси крымского пугала, кровососа-хана, чем оправдана будет тяжёлая царская власть? Если будет богатеть и процветать страна, если не надо будет гонять, что ни год, на границу полки, не уйдет ли страх из душ людских, не привыкнут ли к свободе землепашцы и горожане? Коли побьют воины царя крымского — как будет властвовать царь московский? Ведь советоваться ему придется со своей землёй, не скрутить будет в бараний рог богатых и смелых победами подданных.

* * *

Между тем скачут в Москву крымские гонцы, просят у царя мира, выдают пленников немногих. Известно становится и в Стамбуле, и в Москве, что убил боярин Иван Васильевич Шереметев с товарищами у хана многих лучших его людей, нанёс Крыму бесчестие и убытки великие. А в Крыму без разбойной добычи голод настал — мрут разбойнички без хлеба стамбульского, дохнут их кони без шелко́вых трав Дикого поля. Должен хан или погибнуть — или идти в набег! Такова же и воля беспощадного к неудачникам Стамбула.

Ходил в Дикое поле атаман Михайла Грошев — да и побил крымцев, прислал языков в Рыльск. Сказали языки знатные, что всею силою хочет Девлет-Гирей на Русь идти. Не может больше царь московский противиться — посылает славного стрелецкого голову Матвея Дьяка Ивановича Ржевского с казаками из Путивля на Днепр, велев про хана проведать. Мало сил дает Ржевскому: может, побьёт его хан, и битва при Судьбищах из людской памяти загладится.

Не спеша пришёл Ржевский с пятью тысячами людей весною на реку Псёл, построил суда и поплыл к Днепру. В мае 1556 года вышел он на Мамаев луг, отписал в Москву, что хан пойдёт на Русь с Конских вод. Бежал из Крыма раб — путивлец Дементий

Иванов, прошёл всё Дикое поле, сказал, что хан ударит на Тулу и Козельск, а запасов с собой на всё лето взял.

По тем вестям выступили к берегам Оки царские полки. Шереметева царь при себе держал в Серпухове, более ему против крымцев полком командовать не давал. Но не дошёл хан до русского рубежа — дрогнуло его сердце, и повернул Девлет-Гирей назад, двинулся на реку Миус, желая горцев кавказских к себе склонить и тем свои дела поправить.

Зашаталась, однако, сабля в ханской руке. Пришла ему на Миусе весть, что идет по Днепру русский полк. Невелик был полк, но уже привыкал к испугу хан. Тем более что Матвей Дьяк Иванович Ржевский кое-чьих надежд не оправдывал. Кликнул он на Украйне клич, и сошлось к нему множество храбрых казаков.

Соединился Ржевский на Хортице со славными казаками, и пошли они вместе на крепость Ислам-Кермен, отогнали у татар лошадей и много всякого скота.

Быстро полетели струги русские и чайки запорожские по груди Днепра, выскочили на берег у Очакова. Взяли воины городской острог, побили турок и татар множество, взяли пленников на обмен и пошли по домам. Обернулся Ржевский назад, видит — гоняется за ним два османских бейлербея (паши знатные), очаковский и тегинский.

Не испугался воевода, но сел в тростниках у берега в засаду. Ратники нежданно ударили по туркам из пищалей, перестреляли янычар и конницу. Отбившись от погони, пошли далее к крепости Ислам-Кермен.

Здесь окружил христианское воинство ханский сын и наследник трона Гиреев калга-султан с неисчислимой Буджакской ордой и всеми, кого смог в Крыму собрать. Но вновь не дались мужественные ратоборцы — засели посреди Днепра на острове и стали по наступающим метко из пищалей бить. Шесть дней приступал калга-султан, многое множество своих побил и в реке потопил, Ржевского не взял. На седьмую ночь пошли казаки на вылазку, отогнали у крымцев стада конские и на остров к себе переправили. А потом обманули калгу-султана и ушли без потерь по левой стороне Днепра, не дожидаясь, пока сам Девлет-Гирей на них придёт.

Тем временем, пока ловили крымцы Ржевского и свои потери считали, пошел по Миусу вниз Даниил Чулков, в устье большой крымский отряд разбил, поплыл по морю в улус ширинских князей, к городу Керчи. В сечах поразил врагов без счёта, пленных взял и с боями на Русь ушёл. Хан же Девлет-Гирей забился в Крым и боялся нос оттуда высунуть.

Всё лето малые российские отряды били ханских воинов у

самого Крыма, брали языков и освобождали пленных. Со всех сторон шли вести, что голод в Крыму усиливается и у Девлет-Гирея множество людей мрёт, так что в поход ему идти уже не с кем.

Освобожденные из плена князь Афанасий Звенигородский и Верига Клешнин рассказывали в Москве, что в Крыму великий страх, говорят, что хану не бывать и ждут на себя победоносные полки московского царя.

Но исхитрился вновь царь Иван Васильевич себе в потеху, стране — в горе. Применил двурушный приём: войско распустил и пошел на богомолье к Николе Зарайскому, вроде благодарить Бога за одержанные победы, а по сути — Девлет-Гирею дать передышку.

Как бы то ни было, малые отряды на реках продолжали действовать и вне царевой воли. И достигли успехов. На Волге был изгнан поставленный московским царем, но изменивший Дервиш-Али, и Астрахань навечно закреплена за Россией. Ржевский, разбив ещё раз крымцев в Поле, с победой пришёл в Путивль. Во главе прославленных днепровских казаков перешёл на русскую службу князь Дмитрий Иванович Вишневецкий. Сибирский хан прислал в Москву дань.

Осенью Дмитрий Вишневецкий вновь выступил в поход и взял Ислам-Кермен. Вместе с русским отрядом казаки погрузили в ладьи захваченные пушки и увезли их на Хортицу. Несколько осмелев от бездействия больших московских полков, Девлет-Гирей весной сам пошёл на Хортицу, погубил в двадцатидневном жестоком сражении множество воинства и бежал с большим срамом.

В то же время с другой стороны великой Пустыни пятигорские черкасы, перейдя добровольно на службу России, захватили два ханских города, Темрюк и Тамань. В Крыму уже назревал переворот: влиятельные мурзы замышляли убить Девлет-Гирея и посадить на престол царевича Тохтамыша.

* * *

Чудо могло спасти Крымское ханство — оно и произошло. Тайными каналами Девлет-Гирей был извещен, что московский царь не желает идти на него войной и хочет примирения. В декабре 1556 года в Москву прибыло крымское посольство. Хан отпускал всех пленных, взятых при Судьбищах, числом пятьдесят, и триста захваченных им купцов. В январе посольство благополучно завершилось согласием крымского и московского

царей быть в крепкой дружбе и на недругов стоять заодно!

В следующем году русские отряды были удержаны от продолжения войны в Диком поле. Брошенный без помощи, под напором османского войска, в котором были и арнауты (албанцы), и валахи, и другие султанские подданные с балканских земель, Вишневецкий был вынужден оставить Хортицу. Напрасно указывал он, что, пока русская граница крепка и Хортица в его руках, крымцам ходить войной никуда нельзя.

Царь московский понимал, в отличие от прямодушного Вишневецкого, что его крымскому «брату» нужно «покормиться», чтобы выстоять, и не хотел закрывать тому дорогу на Украину, Белую Русь и Польшу. Непонятливый Вишневецкий закрепился в Черкасах и Каневе. Пришлось царю Ивану Васильевичу послать ему приказ сдать эти города и уходить в Белёв, жить там мирно в пожалованных вотчинах.

Однако недооценил Иван Васильевич хана. Как только исчезла прямая угроза русского меча и Вишневецкий оставил Днепр, Девлет-Гирей мигом потребовал, чтобы для мира царь московский стал присылать в Крым поминки побольше и платил дань такую, какую хану польский король даёт.

— Иначе, — сказал Девлет-Гирей, утверждая с московским царем договор, — мне мир не в мир!

Послал Иван Васильевич в Крым гонца хана уговаривать, чтобы он неуместную между «братьями» безлепицу оставил. В подкрепление пришлось вновь отправить на Днепр Вишневецкого. Отправить-то князя было легко, да остановить трудно.

Был у московского царя с крымским ханом договор, что пойдет татарский царевич (калга-султан) разорять и кормиться в Литве. А князь Дмитрий Иванович с русскими дворянами, стрельцами и казаками запорожскими взял, да и загнал всю орду в Крым. Так и донёс в Москву: сидят, мол, все крымчаки за Перекопью в осаде, ждут на себя погибели.

С небольшими силами обошёл Вишневецкий Днепр, нигде сопротивления не встречая, затем сел в Ислам-Кермене на лето и стал ждать, когда же татары оголодают и из-за Перекопа вылезут. Чтобы как-то рабов добыть на продажу, пытался хан посылать своих скрытно малыми группами, по 100 и 300 человек, в сторону Волги. Но не вернулись сии смельчаки, побиты были марийцами, мордвой и русскими рыбаками.

В то лето готова была распасться Крымская орда, но спешно велел царь Иван Васильевич Вишневецкому уходить с Днепра, оставив на малую поживу татарам отрядики дворян, стрельцов и казаков. Только к осени, лизнув крови, но не утолив гложущего голода, воспрянула немного орда.

Как огромный змей, поверженный, но не добитый, отращивает себе новые головы и с яростью бросается на богатыря, удесятеряя последние свои силы ужасом смерти, вставала орда для сокрушительного броска на Русь.

До ста тысяч голодных и обозленных разбойников стянул хан к зиме 1558–1559 года в Перекопскую степь. Не надежда на легкую поживу, а общее бедствие собрало под знамёна Девлет-Гирея степных хищников. Радовались татары, что загнал Иван Грозный свои войска в Ливонию, и упорно пробивались сквозь снежные завалы к границам Руси, истекая слюной от желания вцепиться в глотку земледельцам.

Пользуясь неожиданностью, они хотели нанести Руси тяжкие потери. Три части передового войска собирались уничтожить и захватить в плен население Рязанских, Тульских и Каширских мест, затем должен был настать черёд для удара самого хана. Поход шёл успешно. Уже на Красивой Мече захватили пятерых рыболовов. Пытками вымучивали у них крымчаки свежие сведения о русских войсках.

Командир передового отряда, старший ханский сын Магмет-Гирей лично допрашивал языков.

— Где ныне Дмитрий Вишневецкий и Иван Шереметев, в немцах ли?

— Нет, — отвечали рыболовы, — Большой Иван в Рязани, Вишневецкий на Туле, а в Калуге стоит Михаил Воротынский князь! — и, повторяя эти слова, умерли как один под пытками.

А в то время Иван Васильевич Большой-Шереметев воевал с полками в немцах, Дмитрий Иванович Вишневецкий был без должности, Михаил же Иванович Воротынский стоял в Калуге с малою силой. Но и имён их было довольно для обороны границы русской.

Своей смертью спасли рыболовы Русь. Как услышали Магмет-Гирей со разбойниками страшные всей Степи имена, смертный холод сковал их члены, вошёл трепет в их тела и ужас прострелил кости. Мигом поворотили они коней и на бегство устремились, не преследуемые никем, только слава русских воевод летела за ними, нахлёстывая крымских коней.

Сам Михаил Воротынский, бросившись из Калуги навстречу неприятелю, не мог догнать орду и только нашёл на татарской сакме несколько тысяч загнанных лошадей и павших верблюдов да погромил отставшие от своих отряды.

Не дремали и витязи степной стражи: далеко в Диком поле сразил разбойников Даниил Чулков и прислал Москве языков, атаман Капуста Яковлев порубил крымский отряд и лошадей отогнал, а украинские казаки атаманов Василия Рожна и Рыхлыка

налетели под самый Перекоп, высекли улусы и взяли лошадей тысяч с пятнадцать.

Вновь всколыхнулась Русская земля, желая дать бой Крыму, и ни Бог, ни царь не могли остановить стремления ратоборцев. Пришлось государю Ивану Васильевичу собирать по весне большие полки и обещать, что сам он пойдет с войском к Туле, будет биться против своего недруга хана крымского Девлет-Гирея.

Иван Дмитриевич Бельский и Михаил Иванович Воротынский возглавили армию, Андрей Михайлович Курбский и Алексей Данилович Басманов были в полковых воеводах, а Большой-Шереметев вместе с Иваном Петровичем Шуйским и князьями Серебряными назначены были в государеву свиту.

По всей русской границе собирались полки, но ещё не двинулись в Дикое поле, ждали, по велению государя, когда разведана будет дорога в Крым, ждали, с чем вернется ушедшее в феврале на Днепр воинство окольничего и воеводы Даниила Фёдоровича Адашева, родного брата знаменитого Алексея Адашева, выдающегося государственного деятеля, организатора и фактического главы Избранной рады — кружка царских советников.

Брату же Алексей Адашев мог доверить то, что не доверил бы никому другому. Царь и его новые советники готовы были предать интересы страны. Они искали малейшего повода свернуть борьбу с крымским «братом», и лучшим было бы поражение русского войска.

Всего восемь тысяч сабель, считая и казаков, получил Даниил для похода прямо в пасть Девлет-Гирею. Погибни он — и можно было бы позабыть Судьбищи, объявить невозможным преодоление Дикого поля, ограничиться ежегодным сбором многих полков на границу, столь удачно сохраняя крымское пугало. Не просто вернуться, но победить должен был Даниил Фёдорович, победить так, чтобы уже нельзя было пугать непреодолимостью Великой Пустыни.

* * *

Неслабые люди сошлись под знамя Адашева. В Большом полку товарищ ему был воевода Ширяй Васильевич Кобяков, а в помощниках — голова Яков Бундов. Передовой полк вели Игнатий Григорьевич Заболоцкий и Дьяк Ржевский, в Сторожевом полку шли Тимофей Игнатьев и Василий Пивов — люди испытанные. Все готовы были насмерть биться с извечным крестьянства ненавистником и губителем, царем крымским.

Построили русские и украинские ратоборцы челны свои на притоках Днепра, скоро побежали вниз по его течению, сбивая отряды татарские. Нежданно-негаданно выскочили они к морю близ Очакова и увидали на рейде большой турецкий корабль, а на берегу — изрядные толпы беспечных татар и турок.

Не успели те опомниться, а уж люди Даниила Фёдоровича корабль на саблю взяли и под Очаковом великое множество турок и татар побили, а мастеровитых корабельщиков прихватили с собой в провожатые по морю.

Пошли московские воины и днепровские на стругах, чайках и взятом корабле дальше, увидали ещё один турецкий корабль, налетели вихрем и захватили в целости, зная, что много им места понадобится на обратном пути.

Не ждали крымские берега нападения, привыкли ордынцы сами врываться в чужие дома, свои же не уберегли. Огненной бурей прошел Адашев по побережью, отмщая за столетиями проливаемую кровь мирных пахарей, выбивая дочиста ханских воинов, хватая их жён и детей для обмена на пленных россиян. Радостно приветствовали освободителей угнетенные греки и италийцы, армяне и евреи, шли в проводники русским отрядам.

Видя, что не могут крымчаки у себя в домах стойко биться, разделил Адашев войско на малые отряды, послал князя Фёдора Ивановича Хворостинина и Савву Товарищева вглубь полуострова. Рассыпались русские по Крымской земле, везде побеждая, улусы сжигая и тысячи пленников русских, украинских, польских и литовских освобождая. С великой победой сели воины вновь на корабли и струги, взяв с собой всех спасенных христиан и плененных басурман, и пошли назад к Днепру.

У Очакова отпустил Даниил Фёдорович на берег всех пленных турок и передал с ними местным властям, что московский государь царь и великий князь посылал воевать улусы недруга своего, царя крымского, и вперед на Крым дороги проведывать, а с турецким царём государь московский в дружбе и воевать его не велел.

Это был сильный шаг, основанный на данных разведки в Стамбуле. Высокая Порта сосредоточила тогда все силы на войне с Ираном и до завершения войны оказать существенной помощи Крыму не могла. Тем более не стремились к конфликту близкие к театру военных действий турецкие правители — паши.

Очаковский санджак-бей и аги (командиры) лично прибыли в русский лагерь с множеством продовольствия, постарались оказать воеводам свое расположение и горячо благодарили за доброе и справедливое отношение к туркам. На некоторое время у русских войск были развязаны руки для войны с Крымом со

стороны устья Днепра.

Открыт был и другой водный путь на Крым, по Северскому Донцу. Выступивший по нему князь Дмитрий Иванович Вишневецкий с казаками уже в апреле прислал весть, что беспрепятственно прошёл в Дон и под самым Азовом разгромил крупный крымский отряд, взяв двадцать шесть языков.

Одновременно казак Михаил Черкашенин побил татар на Северском Донце и прислал в Москву четырех языков, а воевода Василий Бутурлин, выйдя из Пронска, разгромил большую ватагу грабителей, прислав шестнадцать языков.

Все пленные в один голос твердили, что орда вернулась из неудачного похода на Русь в изрядной истоме, вымерли у хана люди и кони, так что большой войны Девлет-Гирей вынести не может. Языкам не верили или не хотели верить, но Адашев сумел добыть доказательства их правоты, вызвав хана на себя.

В Крыму, где с тех пор как утвердилось Крымское ханство не сверкала русская сабля и не пела труба, сзывающая христианское воинство, Даниил Фёдорович тщетно ожидал прихода Девлет-Гирея. Он знал от верных людей, что хан ходит следом, но с малыми силами, потому что не спешат к нему призванные им воины, разбегаясь в страхе и ужасе от могущества Руси.

Если и мог Девлет-Гирей собрать войско, то обязательно сел бы в засаду на днепровских порогах, где струги и чайки приходилось нести берегом, где кочевники подстерегали русских ещё при Святославе Игоревиче.

И действительно, понял Девлет-Гирей, что бездействием готовит Крыму верную погибель; почуял, как шатается под ним некогда крепкий ханский престол, собрал всё своё мужество и ударил на Адашева с двух сторон Днепра на переволоке.

Но скованы были ужасом крымские воины, и мало их осталось у хана. Из одних пищалей, не обнажая клинков, отбились от них Даниил Фёдорович с товарищами и прошли пороги без потерь, положив наземь немало татар.

После долгого пути стали победители на Монастырском острове, ожидая решающей битвы. Но вместо хана пришёл к ним перебежчик и сказал, что Девлет-Гирей ходит за Адашевым уже шестую неделю, а сейчас стоит в пятнадцати верстах на берегу. Всех, кого мог, скликнул хан в войско, а всё не может дать битвы.

Не стал беспокоиться Даниил Фёдорович, послал против орды небольшой отряд Нечая Ртищева — хана прогнать. И бежало все крымское воинство со скоростию обратно в Крым.

* * *

Как известно стало в Москве о преславной и от века невиданной победе над супостатом, немедля велел царь Иван Васильевич Адашеву с воеводами с Монастырского острова уходить и в столицу возвращаться. А воевода Даниил Фёдорович послал грамоту царю, что уже начал Девлет-Гирей убивать своих мурз и ногайцы от него бегут. Которые же ногайцы шли в помощь Крыму — тех побил на Дону и улусы их в плен взял воевода Игнатий Михайлович Вешняков.

Приступали тогда в Москве к царю Иван Васильевич Большой-Шереметев, Андрей Михайлович Курбский и многие другие славные воеводы, просили его и молили, чтобы или сам государь отважился на Крым пойти, или войско большое послал.

Повёл воевода Михаил Иванович Воротынский свои полки с берега Оки из Каширы на юг и пришёл в Дед и лов, а оттуда стал двигаться в Дикое поле. Воевода Пётр Иванович Морозов сошел из Коломны в Пронск, воевода Иван Петрович Яковлев-Хирон двинулся из Зарайска в Михайлов.

Прискакал Андрей Михайлович Курбский в Калугу и повёл полк свой ещё южнее, во Мценск. Постепенно подкатывалась армия к Дикому полю, но сдерживалась обещанием царя самому быть в поход.

Долго судили и рядили в Москве, кого куда в государевых полках назначать. Когда же назначили — отменили государев поход, а командовать Большим полком над Михаилом Ивановичем Воротынским поставили медлителя Ивана Дмитриевича Бельского. Однако трудно было сдержать войска, зашли полки постепенно за Тулу и за Дедилов, стояли в поле на реке Шиворони.

Сам Бельский не мог противустать горячим воеводам своих полков, цвету ратоборцев: Михаилу Васильевичу Глинскому и Алексею Даниловичу Басманову, Андрею Михайловичу Курбскому и Ивану Ивановичу Турунтаю-Пронскому, Ивану Ивановичу Кашину и Григорию Фёдоровичу Мещерскому. Отпустил Бельский на Тихую Сосну воеводу Ивана Федцова, и уже построена была в Диком поле база в Сербольском лесу.

Тогда вновь нашелся государь царь Иван Васильевич: чтобы удержать войска, велел провести смотр по пограничью всех полков. Когда провели воеводы смотр, между делом и татар в степи потрепав, пришел из Москвы царский указ: «августа в 23 день царь и великий князь велел с Дедилова воеводу князя Ивана Дмитриевича Бельского отпустить и всех бояр и воевод отпустить…»

Со слезами на глазах расходилось по домам храброе воинство, а князь Михаил Иванович Воротынский в опале сослан

был в свои вотчины.

Но не сдались ещё московские ратоборцы и продолжали борьбу во дворце с придворными лизоблюдами, уговаривая царя отпустить полки на Крым. И столь упорно стояли на своем полководцы, что вновь объявлен был сбор войск во главе с Воротынским в Калуге.

Но объявили воинам, что не для того собрались полки, чтобы бить неприятеля в его логове, а по вестям, что идет из Крыма бусурманский царь и надобно обороняться. И… вновь распущены были полки, воеводы же разосланы из Москвы в дальние города.

Стоит сказать, кто был выслан подальше от дворца, чтобы прояснить, сколь трудно было царю Ивану Васильевичу спасать «брата» своего крымского царя. Это Александр Горбатый, Семён Микулинский-Пунков, Василий Серебряный, Даниил Пронский, Давыд Палецкий, Дмитрий Курлятев, Михайло Троекуров, Алексей Басманов, Пётр Щенятев и другие, поехавшие юг и восток. На север отправились Иван Большой и Иван Меньшой Шереметевы, Пётр Шуйский, Михайло Репнин, Пётр Головнин и многие другие.

И в третий раз, уже зимой, собраны были в Калуге полки, якобы для обороны от крымского хана. Вновь объявлено было, что орда идет на Русь, вновь внушалось народу чувство страха перед Диким полем. Достойно внимания, сколь часто, при налаженной разведке, поднимались войска по ложной тревоге. Под командой «благоразумных» воевод они выходили даже к Быстрой Сосне.

Но наступательные действия против Крыма были решительно свернуты. Крымскому царю требовался серьезный отдых, чтобы, окрепнув, ханство смогло ещё двести лет раковой опухолью истощать тело Европы. Нужно было время, чтобы Османская империя, нанеся поражение Ирану, собрала силы для решительного удара по Руси.

Глава 3
Царь и воеводы

Трагичная, хотя и очень разная судьба ждала полководцев, поставивших крымского «брата» московского царя на грань гибели. Не сразу сумел государь Иван Васильевич излить своё зло на Большого-Шереметева. Весной 1557 года тот успешно командовал Передовым полком в Ливонии, а зимой следующего года руководил сражением под Дерптом. Во время драматических событий 1559 года на юге царь упорно держал Шереметева при себе, не доверяя ему командования полками, а весной следующего года вновь послал в Ливонию.

По весне 1562 года начал царь Иван Васильевич собирать силы на короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Августа. И первым делом обрушил свой гнев на бояр, а вторым — поставил во главе полков верных себе татарских царевичей и мурз. Но война предстояла нешуточная, потому пришлось царю послать к войскам в Смоленск опытных в военном деле полководцев, Ивана Васильевича Большого-Шереметева с товарищами. Под начало им были даны конные дворяне, а также большое число татар и мордвы — басурманских воинов царь считал гораздо лучше русских. Как бы ни хотел царь московский видеть свары и распри между российскими воинами, возвышая одних за счет других, не поссорились воины разных племен, но лучшие из них сдружились в боях, проявляя равную стойкость и мужество.

Большой полк царевича Ибака и Большого-Шереметева скоро устремился из Смоленска в литовские пределы, на Оршу, Дубровну и Мстиславль, и с победой возвратился назад. К зиме сам царь осмелился двинуться на западную границу, но в последний момент вострепетал и остановился в Смоленске.

Тем временем неприятель усиленно укреплял Полоцк. Времени терять было нельзя. Чтобы убедить московского царя двинуться дальше, Большой-Шереметев с Передовым полком (в товарищах у него был Алексей Басманов) совершил смелый рейд вглубь неприятельской территории, нигде не встретив достойного сопротивления.

Этот ли успех окрылил царя Ивана Васильевича, или лютые морозы середины января 1563 года остудили на время его кровожадность, но, оставив пытки и казни, он двинулся с армией к Полоцку. Противоречивая натура царя сказалась и здесь. Явно желая победы над королем, московский государь максимально

затруднил поход. Огромному войску с многочисленными обозами и тяжёлой артиллерией он строго-настрого приказал («заповедь великую наложил», говорит официозный летописец) двигаться одной-единственной дорогой, не отпуская ни одного человека в сторону даже для поисков продовольствия и мест для постоя.

На трудной дороге в густых лесах полки смешались, возникли многочисленные заторы. Во время медленного движения в крепкий мороз воины гибли, не имея жилья и довольного пропитания. Зато царь со своей свитой мог постоянно носиться вдоль скорбного пути, командовать разбором ратников и заторов, счастливый от сознания, что без его вмешательства не обходится ни одно дело. Когда измученное войско всё же вышло к Полоцку, там уже собралась шляхта, готовая к обороне.

Предстояли упорные бои по сценарию Ивана Васильевича, лично распорядившегося о расстановке и задачах воевод. Состав командования полков помогал сковать самодеятельность полководцев путем окружения решительных военачальников большим числом старших коллег (находка, позже с успехом применявшаяся самодержавием). Так, в Большом полку Пётр Иванович Шуйский и Василий Семёнович Серебряный стали младшими товарищами князя Владимира Андреевича Старицкого и Ивана Дмитриевича Бельского. В Правой руке Пётр Семёнович Серебряный оказался последним в списке воевод: казанского царя Симеона, бояр Ивана Фёдоровича Мстиславского и Андрея Ивановича Ногтева-Суздальского.

На наиболее опасных местах под стенами Полоцка, отрезанные от своих реками, лёд на которых заметно ослабел, были поставлены Передовой и Сторожевой полки. В первом из них воеводами были: крымский царевич Тохтамыш, царевич Бек-Булат, Василий Михайлович Глинский, Иван Васильевич Большой-Шереметев, Алексей Данилович Басманов и командир отдельного подразделения Юрий Петрович Репнин. Несколько лучше было положение воевод Сторожевого полка — Петра Михайловича Щенятева и Андрея Михайловича Курбского, у которых «довеском» служили лишь царевич Ибак и Иван Михайлович Воронцов.

Брат Большого Ивана, Шереметев Меньшой, с отважным воеводой Иваном Ивановичем Турунтаем-Пронским подчинялись царевичу Кайбуле Ахкубековичу в полку Левой руки, куда направлен был ещё Дмитрий Иванович Оболенский-Немой.

Завершив столь хитроумную расстановку командиров, царь Иван Васильевич убедился, что действия российских войск достаточно затруднены, однако этот успех находится в противоречии с желанием государя взять город. Сдаваться шляхта

не хотела, а что-то делать было необходимо.

Тут пришла царю блестящая мысль поставить вокруг городских стен туры, но не сразу, а отдельными участками. На это опаснейшее дело, разумеется, вызовутся храбрейшие воеводы, которых по очереди можно будет подводить под удар.

4 февраля князю Василию Семёновичу Серебряному со стрелецкими командирами Фёдором Денисьевым, Григорием Кафтыревым и Будаем Болтиным приказано было ставить туры под стенами Полоцка у реки Двины. Под жестоким обстрелом за ночь туры были поставлены, а наутро россияне подожгли городскую башню и ворвались в крепость. Серебряный повторил свою казанскую «ошибку» и чуть было не взял город. Но не заставил себя ждать царский указ:

— Стрельцов из башни и из крепости выслать, потому что без умысла моего вошли в острог, а туры во многих местах ещё не поставлены около города, а литовские люди стреляют из пищалей и стрельцов убивают!

Всего пятнадцать человек потерял Серебряный в этом смелом мероприятии, пытаясь храбростью избавить русскую армию от больших потерь. Вновь, как под Казанью, ему пришлось покориться и отступить, чтобы царь мог продолжить военные игрища.

На следующую ночь к стенам между реками Двиной и Полотой послан был князь Андрей Михайлович Курбский со стрельцами Романа Пивова и Осана Гурьева. Вновь воины долбили мерзлую землю и катили туры под огнем неприятеля. Несмотря на потери, они выполнили задачу. Царь же вновь прекратил военные действия.

8 февраля, когда по Полоцку ударила тяжёлая артиллерия и в городе занялись пожары, стрельцы и военные холопы из многих полков, оставя своих командиров, устремились в бой. Они ворвались в крепость и залегли между горящих зданий, завязав перестрелку с литвой.

Царю Ивану Васильевичу пришлось спешно посылать в город отряды Дмитрия Фёдоровича Овчинина-Оболенского и Дмитрия Ивановича Хворостинина, чтобы, как выразился государь, «тех людей беречь!»

Посланные исполнили приказ и вывели войска из крепости, между делом втоптав неприятеля в цитадель. Во время этого стихийного штурма россияне взяли в плен двенадцать тысяч шестьдесят литовцев.

Между тем план царя Ивана постепенно осуществлялся. Поставленные в разных местах тяжёлые пушки картинно громили деревянную крепость. 10 февраля поступил приказ поставить у

стен туры в самом опасном месте, у реки Полоты. Выполнять пошли Иван Васильевич Большой-Шереметев и Иван Андреевич Бутурлин с дворянами, менее стрельцов умелыми в такой работе.

Защитники Полоцка, усвоив тактику московского царя, смело перетащили на эту сторону крепости артиллерию и сосредоточили мушкетный огонь, не ожидая нападения в других местах. Горящие на снегу смоляные бочки и брошенные со стен факелы ярко освещали российских воинов, не прекращавших работы под градом свинца и ядер. Видя, что Шереметев уже поставил туры, литовские ратники повалили на вылазку, ударив одновременно пехотой в лоб и конницей с флангов.

Дрогнули было московские ратоборцы, но Большой Иван не привык отступать. Собрав на берегу всех, кто ещё мог держать в руках оружие, Шереметев в жестокой сече опрокинул литовскую конницу и навалился на пехоту. Не выдержал неприятель свального боя, начал уступать к стенам. Иван Васильевич впереди своих воинов преследовал литовцев до самых ворот города, сотрясавшихся от пищальных и пушечных залпов.

Как заколдованный, шёл русский богатырь сквозь град ядер, и не заставляли его пошатнуться метко нацеленные пули. Высоко вздымалась сабля в могучей руке, и бежали перед ней лихие литовские рыцари. Тут мог случиться и конец защите города, если бы не изловчился некий иноземный пушкарь и не послал ядро прямо Шереметеву в голову.

Грохнуло ядро в край шлема, скользнуло по уху[{20}]. Разлетелся на куски кованый шлем, пошатнулся Иван Васильевич и обмер на время, а когда открыл глаза, успели уже литовцы укрыться в крепости. От ран и ядерного оглушения пришла на Шереметева тяжкая болезнь, и не мог он биться до конца осады. Но и царю не довелось план свой, как ему хотелось, кровавой резней завершить.

Стал боярин Иван Васильевич на речном островке, что назвали в его честь Ивановским, и оттуда палил по крепости из трех пушек[{21}]. А царь Иван 11 февраля послал Василия Серебряного и Андрея Курбского со стрельцами туры ставить со стороны поля. И воеводы туры поставили без помех, ибо литовские люди от боя с Шереметевым и потери знатных людей, которых он в плен побрал, никак ещё не оправились.

Обрадовался царь Иван, стал ездить вокруг города с большой свитой и всем указывать, что и как делать, всем распоряжаться, ведь не боялся он больше, что за туры литовское войско выскочит. Повелел царь 13 и 14 февраля беспрерывно день и ночь из пушек в город стрелять. Побило той стрельбой множество мирных жителей, женщин и детей, дома порушило многие,

пробило ворота и стены в нескольких местах.

Дополнительно послал царь Василия Семёновича Серебряного и Михаила Петровича Репнина со стрельцами ночью, чтобы они в пяти или шести местах крепостную стену подожгли часа за два или за четыре до света, самим же на стены ходить не велел. И воеводы во многих местах город зажгли.

В радостном предвкушении царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси распорядился петь молебны, а сам стал наряжаться в доспех. Велел ставить со всех сторон города полки, бить в набаты и дожидаться от него, государя, приказов. Хотел царь напустить мановением руки своей на разбитый город многие полки, дождаться окончания резни и проехать по залитым кровью улицам на белом коне. Тут, однако, прислал князь Василий Серебряный царю сказать, что неприятель знамена сложил и город сдал. Все равно не велел царь прекращать пушечную стрельбу, да делать нечего: военачальники и воины литовские из Полоцка вышли сдаваться…

Пышные торжества по случаю взятия Полоцка на несколько дней отодвинули резню в русской армии, которая началась только по дороге назад. Военачальники достаточно показали себя, и лучшие из них были обречены на смерть тайным решением тирана. Наивно было бы полагать, что проявленное мужество и тяжёлое ранение спасут Большого-Шереметева.

Отсрочка его ареста до начала 1564 года была связана с какими-то собственными соображениями Ивана Грозного, поскольку уже в апреле 1563 года царь через посла велел уведомить своего «брата» хана Девлет-Гирея:

— Нас с тобой ссорили изменники. И которые люди ближние были при государе — Иван Шереметев, Алексей Адашев, Иван Михайлов (Висковатый) и иные люди, — государя московского с царем крымским ссорили, и государь московский того сыскал и опалу на них свою положил.

Героическая защита Руси от крымских орд была наконец прямо названа «изменой», и Шереметев недаром шёл первым в проскрипционном списке московского царя. Это не должно удивлять, ибо логика правителей коренным образом отличается и от народного сознания, и от национально-государственных интересов, и от идей, навязываемых официозной пропагандой.

У Ивана Грозного и его многочисленных древних и новых собратьев был один интерес — власть, расширению которой в беспредельность легко приносятся в жертву все иные интересы. Человек, мужественно вставший против одного царя, был страшен другому тирану.

Не просто убить Шереметева, но сломить его волю пытался

московский царь. Власть должна внушать страх, заставлять подданных трепетать. Но обыкновенный пыточный арсенал оказался бессилен перед твердостью духа Большого Ивана. Тогда Иван Грозный изобрел особую, не переутомляющую палачей долгую пытку.

Он сковал тяжкими цепями шею Шереметева, руки и ноги, оковал ему толстым железным обручем поясницу, а к обручу велел привесить десять пудов железа. Затем Ивана Васильевича засунули в узкую каменную клетушку с полом в железных остриях и крепко заперли.

Сутки спустя пришел царь Иван полюбоваться мучениями узника и увидел, что тот едва дышит и полумёртв. Стоя над телом богатыря, царь стал выпытывать у него:

— Где твои богатства? Отвечай! Ведаю, что ты очень богат, но не нашел того, на что надеялся, в твоих сокровищницах. Куда девал ты доходы со своих богатейших вотчин и фамильные драгоценности?!

— Целы сокровища мои, — отвечал слабым голосом Большой Иван, — они сокровенны лежат там, где уже не можешь ты достать их.

— Говори о них, — заорал и забрызгал слюной от жадности царь, — а то ещё лютее умучу тебя!

— Твори что хочешь, — сказал узник, — уже близко мое пристанище.

Стал тогда царь просить и молить открыть ему тайну сокровищ. И сказал воевода:

— Если и расскажу о них, всё равно не достать их тебе и не захватить. Руками нищих, убогих и страждущих принёс я их в небесное хранилище ко Христу моему.

Увидал царь, что и этой пыткой не сломил Шереметева, — сильно расстроился. Стал он уедать умирающего силлогизмами, доказывая, что якобы никакой свободы воли у подданного нет, а в ответе за него перед Богом один царь православный, что венец творения есть холоп нерассуждающий, что власть и страх в основе Вселенной. Но и здесь поразил его воевода, на железных остриях в оковах распластанный, ибо на всё дал доказательные ответы, защищая Человека как премудрейший философ и великий учитель{22}.

Понял царь, что бесполезно мучить Большого Ивана, что жизнь за веру свою тот отдаёт радостно. Тогда измыслил Грозный иную казнь. Велел освободить Шереметева и вылечить, а в тот же день приказал удушить брата его, славного и покрытого боевыми шрамами воеводу Никиту Васильевича. Потом отдал старшую Иванову дочь Агафью за внука астраханского царя Михаила

Кайбулина, а младшую Марию — за мелкого кавказского князька Василия Агишевича.

Иван Васильевич Большой-Шереметев остался свидетелем разорения Руси опричным террором, дожил до времени, когда хан Девлет-Гирей сжёг Москву. Его могучее тело, выносившее страшные раны от вражеского оружия, было сокрушено пытками. Шереметев с трудом ходил и не мог больше садиться на коня.

И всё равно он продолжал, сколько мог, служить России, будучи одним из самых уважаемых в государстве и за рубежом членов Земщины. Шереметев упорно пытался спасти русские области от опричного разорения и противостоять репрессиям Ивана IV. Раздраженный его деятельностью, царь вынужден был в 1568 году положить конец политической деятельности боярина.

Шереметев не боялся смерти и не искал спасения в монастырских стенах, пока надеялся ещё найти применение своим силам. Но события 1569 года (о которых пойдет речь в следующей главе) и открытая война, начатая Грозным против русских земель, война на истребление русского народа показали бесполезность таких надежд. В 1570 году Иван Васильевич Большой-Шереметев принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Иона, возможно, в честь малолетнего сына, который, не приняв постриг, жил и умер близ монастыря своего отца{23}.

Естественно, что Иона пользовался любовью и уважением братии монастыря и окрестных жителей, чтивших его подвижничество за Святорусскую землю. Удивительно, сколь патологическую ненависть испытывал Иван Грозный даже через три года после пострижения Шереметева в монастырь и пять лет спустя после его ухода с политической арены. Желчь, пронизывавшая Грозного при мысли о Шереметеве, отражена буквально в каждом слове царского послания в Кирилло-Белозерский монастырь.

Это одно из обширнейших сочинений Ивана Грозного, удивительно откровенно сочетающее в себе церковное ханжество и лютую злобу. Передать все обвинения царя против Шереметева нет никакой возможности — он хает его на каждой странице послания, называя бесовым сыном, сравнивая с иудейским священнослужителем, требовавшим умёртвить Христа, и тому подобное.

Инок Иона, многократно повторяет царь, поругал все заветы основателя монастыря чудотворца Кирилла, поверг монахов в распутство, оскорбил российских святых, погубил православное благочестие! Отец его, оказывается, был страшный еретик, подобный византийским иконоборцам, он своими кознями

разрушил отшельническую жизнь в Троице-Сергиевом монастыре. Братья его, на которых царь якобы не держит опалы, не перестают сговариваться с Крымом и наводить басурман на Русь![24] И так далее.

Что в жизни монастыря вызвало такой гнев Ивана Грозного? Это весьма любопытно высвечивает мелочность души тирана, тот болезненный интерес, с которым он следил за Шереметевым и в монастыре. Царь не устает придираться к тому, что тяжко больному Ионе братия разрешила есть в своей келье и использовать продукты, присылаемые родственниками.

От взгляда Ивана Грозного не ускользнули редкие случаи, когда Шереметеву давали «горячее вино», то есть водку, как будто царь не знал, что именно на водке настаивалась тогда большая часть лекарств! Далее, у Шереметева, как у многих знатных постриженников, были слуги, последовавшие за ним в монастырь. Разве это основания для заявлений о гибели благочестия?! Нет, не это заставило Грозного требовать, чтобы монахи выбирали либо Шереметева, либо святые уставы. Это только поводы, маскирующие то, что царь не мог перенести всеобщей симпатии к Ионе. «Вы его чтите и бережёте», писал царь, «Шереметев дороже моего слова», может быть, вы сами причастны к изменным сношениям с Крымом?

Зачем монахи часто сходятся к Ионе в келью, зачем едят с ним? Если уж даёте ему есть в келье, пускай сидит в одиночестве и ест, как нищий, — довольно ему дать кус хлеба, звено (ломоть) рыбы и чашку квасу из монастырских запасов, слуг надо прогнать, родичам, приезжающим навестить инвалида, больше трёх дней жить близ монастыря не давать.

Грозный возмущался тем, что в его воспаленном воображении монахи ставили инока Иону рядом со святым Кириллом, но имел он в виду совсем не Кирилла… Это прекрасно демонстрирует место письма, где упоминается о Воротынском — родиче того полководца, что вслед за героической победой над ханом при Молодях был обвинен… в изменных сношениях с Крымом и лично изжарен Иваном Грозным на медленном огне.

Вдова Воротынского при одобрении монахов поставила над его могилой церковь.

— Как! — возопил Грозный. — Над гробом Воротынского поставили церковь, а над чудотворцем Кириллом нет! Хотите, чтоб и на Страшном Спасове судище Воротынский да Шереметев стали выше чудотворца: Воротынский церковью, а Шереметев законом, что Кириллова крепче! Это образец гордыни и высокомерия, ибо только царской власти следует воздавать честь церковью, гробницей и покровом!

Лишь царь — пёс смердящий, пребывающий вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, в хищении, в ненависти и — по собственному признанию Грозного — во всяком злодействе, но вместе с тем носящий в душе рукоположения ангельского образ (!), знает, кого славить на Руси и за что!

Подданные должны отвернуться от героев Русской земли при жизни и забыть их после смерти — вот пафос обличительного послания Грозного. Те, кто не жалел своей крови в боях с Крымом, кто осмеливался побеждать хана — царского «брата», предавались царём проклятию, и память их должна была исчезнуть со страниц русской истории.

Со временем это неистовое желание Ивана Грозного успешно осуществлялось, но в XVI веке злодеяния власти ещё недостаточно вытравили народное самоуважение. Окруженный любовью и заботой, Иван Васильевич Большой-Шереметев тихо скончался в 1577 году. Имя его поминалось во множестве церквей и монастырей.

* * *

Не все из соратников Шереметева нашли в себе силы так же честно пройти свой жизненный путь. Год 1564, вошедший трагической страницей во многие судьбы, стал переломным для Алексея Даниловича Басманова-Плещеева. После Полоцкого взятия и его жизнь, видимо, висела на волоске. Вместе с сыном Фёдором Алексей Данилович убрался с царских глаз в свое поместье на Оке, неподалеку от Рязани. 1 октября Басмановы были подняты рано утром сторожевым холопом. Нежданно, обманув пограничную стражу, к Оке шла татарская орда.

Не дрогнуло сердце закаленного в боях воеводы, приобретшего большой опыт в Ливонской войне. Послав к соседям-помещикам и собрав слуг, Алексей Данилович поскакал с небольшим отрядом на неприятеля. В первой же схватке, не доезжая города, Басманов разгромил татарский отряд и взял пленных. Те языки сказали, что пришел на Русь крымский царь Девлет-Гирей со всей ордой, с царевичами Магмет-Гиреем и Алди-Гиреем, возьмёт Рязань и пойдет за Оку разорять землю.

Немедля Басманов послал взятых языков к царю, уехавшему из Москвы молиться в ближних монастырях. Это была первая весть о походе Девлет-Гирея.

Прежде всего, Грозный пришёл в великий гнев — ведь он только что заключил злодейский договор, чтобы царям

московскому и крымскому быть в крепкой дружбе и братстве на всю жизнь, совместно воевать и разорять другие страны! Девлет-Гирей обманул Грозного «в лучших чувствах».

Затем царь, никогда не блиставший отвагой, смертельно перепугался: ведь по его собственному приказу разошлись по домам все войска с южной границы. Более того, были распущены и ратные люди из Москвы.

Всех сил государева двора, пограничных дедиловских и михайловских воевод хватило только на то, чтобы потрепать фланг орды и не пустить грабительские загоны за реку Вожу.

Между тем Девлет-Гирей основными силами подходил к Рязани. Его передовые отряды заняли броды на Оке и местами перешли реку, пленяя бегущих на север жителей. Но Басманов пробивался не назад, а вперёд, к Рязани, представлявшей плачевное зрелище. Её деревянные стены сгнили и во многих местах обрушились. «Не бе бо тогда на граде никаких градских крепостей», — констатировал летописец. Главное — «не сущу бо тогда служилым людям никому, кроме городских людей, тут живущих, и селян, которые успели во град прибежати».

Вместе с сыном и местным владыкой Филофеем Басманов обнадежил рязанцев, собрал ополчение и за ночь сумел кое-как залатать проломы в стенах. Не очень-то надеясь на эти укрепления, самозваный воевода вывел свою сермяжную рать в поле и ударил на хана.

В жестокой сече под стенами Рязани русские выстояли целый день, положив трупием немало лучших воинов хана. Ночью татары пошли на приступ, приставляя к ветхим стенам лестницы и стараясь поджечь деревянные укрепления. Но рязанцы держались стойко. Они раз за разом сбрасывали неприятеля со стен и тушили огонь.

Имя небезызвестного в Крыму Басманова остужало горячие головы ордынцев, и они неохотно подчинялись ханским приказам. К утру наступательный порыв орды был сломлен. Ограбив окрестности и нанеся страшный урон населению, Девлет-Гирей счел за лучшее уйти восвояси.

Вопреки ожиданиям, царь хорошо принял победителя в Москве, обласкав его и приблизив. Подвиг Басманова был использован Грозным, чтобы переложить вину за результаты собственной политики на «боярскую измену» и развернуть «перебор людишек» во всем государстве. Алексей Данилович стал его ближайшим помощником в этом чёрном деле. Именно Басманову приписывали современники замысел опричнины.

И действительно, уже в декабре 1564 — январе 1565 года Басманов был ближним при царе лицом, проводил «перебор

людишек» и формировал опричный корпус. Не было такого злодейства, которое Алексей Данилович и его люди не совершили бы на Русской земле, «искореняя измену» во имя самодержца.

В 1566 году, когда митрополит Герман Полев попытался возвратить царя Ивана на путь добродетели, именно Басманов добился его низложения; этого показалось мало, и Германа извели. В Михайлов день 1568 года Басманов ворвался с опричниками в церковь и сорвал облачение с Московского и всея Руси митрополита Филиппа Колычёва, смело выступившего против кровавой тирании; позже Филипп был задушен.

Невозможно даже подсчитать, сколь загубленных жизней в черном списке Басманова, но верхом его преступлений была война 1570 года против русских земель, превзошедшая по жестокости любое неприятельское нашествие. Славный некогда воевода на безоглядной службе тирану поистине утратил человеческий облик. Сын его Фёдор по приказу царя бестрепетно зарезал своего отца. Даже кровожадный тиран был потрясен и вслед за отцом отдал палачам Фёдора Басманова. Их собачья смерть была с облегчением встречена народом.

В отличие от Басманова, Лев Андреевич Салтыков не успел сориентироваться в придворных изменениях и при учреждении опричнины был опозорен, голым выслан из царского похода в столицу. Но человек, во второй половине 1560-х игравший во дворце виднейшую роль, чему способствовало его бегство от Судьбищ, сумел найти новые пути к сердцу царя.

В 1567 году он уже командовал полком, предназначенным для войны в Ливонии, и снова понравился перетрусившему царю, посоветовав ему отказаться от похода. Но подлинную преданность государю Салтыков сумел проявить в новгородской резне 1570 года. Уже в январе он стал опричным дворецким, а летом — боярином. На этот раз взлет Салтыкова был недолгим. Летом 1571 года, после сожжения Москвы татарами, Лев Андреевич был пострижен в монахи, а вскоре убит, когда царь вырезал первую опричнину, чтобы набрать себе новых подручных.

Из сражавшихся при Судьбищах воевод счастливейшая судьба ждала Степана Сидорова. Раненный в бок копьем и потерявший в бою ногу, он спустя пять недель после победного возвращения в Тулу скончался, искренне оплаканный товарищами и уверенный в скором и, главное, окончательном освобождении Руси от басурманских набегов.

Сын Сидорова Григорий продолжил дело отца и много лет неутомимо защищал южную границу. Он командовал воинами в новой крепости на Дону, когда на русские рубежи налетели с тыла опричники Фёдора Басманова. Григорий Степанович

Сидоров был убит кромешниками в один день со славными своими товарищами-воеводами: Даниилом Чулковым, Фёдором Булгаковым и Владимиром Курлятевым.

Действия опричников и крымских татар были чудно согласованы. Через неделю после гибели мужественных, храбрых и славными заслугами украшенных степных богатырей, пагубников басурманских и оборонителей христианских, на крепость налетело девять тысяч татар со своими царевичами. Но враги Руси рано обрадовались. Даже потеряв почти всех предводителей, пограничники стояли насмерть. Много их полегло под басурманскими саблями, многие получили тяжкие раны, однако ещё хуже пришлось неприятелям — едва утекли от крепости царевичи с немногими воинами.

Узнав об этом, ужасно рассвирепели кромешники и на третий день после сражения прискакали в крепость, как бесноватые рыща меж домами и шатрами, вопя:

— Где князь Андрей Мещёрский, и князь Никита, брат его, и Григорий Иванов сын Сидоров?! (Григорий Иванович был двоюродным братом Г. С. Сидорова.)

— Все они погибли в бою, — отвечали слуги.

Не поверили кромешники и с гиканьем, как безумные, вломились в дома славных ратоборцев с приготовленными пыточными орудиями, надеясь домучить ещё живых. Увидав же их мёртвыми, помчались тут же, посрамленные, к Зверю, чтобы доложить о сём.

Однако не все покорно подставляли шеи под ножи кромешников. А опричники, как трусливые псы, убирались с дороги льва, ежели не могли напасть сотней на одного.

Дмитрий Иванович Вишневецкий после похода 1559 года успешно оборонял дружественные России кавказские племена от татар, поддерживал милое его сердцу украинское казачество. С годами он яснее понимал суть внешней политики и внутренних репрессий Ивана Грозного. В 1563 году, будучи уже в преклонных летах, Вишневецкий с немногочисленной дружиной бежал из Москвы, чтобы продолжать дело своей жизни. Собрав казачество, он поднял против турок восстание в Молдавии. Его малые силы были разгромлены, а сам Дмитрий Иванович казнён в Стамбуле путем сдирания кожи.

Для казни русского товарища Вишневецкого, славного Даниила Фёдоровича Адашева, успевшего после похода 1559 года одержать новые победы в Ливонии, Иван Грозный избрал более изощренный способ, первоначально замучив на глазах отца-героя его двенадцатилетнего сына Тарха. Казнены были также родные и друзья воеводы, посмевшего поднять руку на Крым.

Несмотря на все зверства самодержавия, истерзанная Россия продолжала жить. Видя участь предшественников, новые воеводы твёрдо вставали на пути врага и уцеломудривались на смерть в убеждении, что «болше сия добродетели ничтоже есть, аще кто душу свою положит за други своя»!

Глава 4
Волго-Дон [28]

Семён Мальцев и князь Пётр Серебряный

Звонкие удары гонга летели над морскою водой, отзываясь в горах. Срезая мелкую волну, легко, как чайка, скользила вдоль цветущих крымских берегов красно-золотая галера Мир-Серлета. На устланной коврами кормовой площадке, окруженной резной балюстрадой, над сверкающим оружием отряда секбанов — личной охраны султана — раскачивался чёрный хвост огромного бунчука капудан-паши, повелителя Караденизa — Понта Эвксинского.

Сам Мир-Серлет, развалясь на ковровом помосте, любовался слаженными взмахами весел покрывавшего море флота. С расписными галерами-маштарда, приведёнными им из Золотого Рога, соединились в кильватерных колоннах 300 черных кадырга (каторги) прочной кафской постройки.

Не полагаясь на тянущий к берегу ветерок, капитаны шли без парусов, под которыми негде было бы маневрировать. Весь морской простор, докуда захватывали взгляд и слух, двигался за бунчуком паши, звенел металлом гонгов и глухо скрипел кожаной обивкой уключин.

Мускулы рабов, как и везде в империи, подчиняясь порядку и дисциплине кнута, обеспечивали слаженное движение машины завоеваний, несли на себе блещущую сталью и бирюзой османскую рать.

Длинные весла галеры Мир-Серлета мерно месили черноморские волны. Внизу, под палубным настилом, на отполированных телами скамьях, за рукоятками весел копошилось в полумраке скопище грязно-смердящих гребцов. Части корабельного двигателя были нанизаны на проложенную вдоль киля цепь связками от борта до борта. Бритые головы рабов со всех концов империи тонули под палубой в массе заросших, длиннобородых и длинноволосых славянских гребцов. Освоившись в полумраке, глаз мог увидеть среди гребцов длинноусых венгров, кудрявых кряжистых италийцев, носатых кавказцев. На скамьях сидели вперемешку сербы и хорваты, болгары и греки, поляки и австрийцы, мордовцы и ногайцы. Одетые в отрепья представители десятков окружавших империю племён и народов двигали в такт звонких ударов тяжёлые весла корабля капудан-паши. Разобщенные верами и языками, они были объединены цепью невольников и ударами сплетенных из бычьих

членов бичей дюжих полуголых надсмотрщиков.

* * *

Отупевшие от однообразных усилий лица гребцов, казалось, говорили о полной покорности судьбе. Зверообразные морды надсмотрщиков с бегающими глазками выслужившихся холуев не видели никаких признаков неповиновения, не выделяли из толпы ни одного взгляда человека разумного, которого было бы полезно замучить в назидание остальным. Не отличался от других и человек с замотанной в тряпицу головой, сидевший на «легком» месте у борта, где рукоять общего весла имела меньший размах и куда реже доставал бич надсмотрщика, опасавшегося сгибаться над гребцами.

«Итак, война началась, — думал русский дипломат, а ныне гребец турецкой каторги Семён Елизарьевич Мальцев. — И началась так, как мы ждали».

Мысли с трудом ворочались в порубанной татарской саблей голове. Представление о времени стиралось однообразным движением весла.

«Она начала готовиться уже тогда, когда рухнула Казань и русские смело пошли вниз по Волге. Москва внимательно следила за военными успехами могучей Османской империи, простиравшей победоносную саблю над Европой, Азией и Африкой. Турецкая рука действовала через вассальный Высокой Порте Крым, Кавказ, мутила Ногайскую орду».

Семён вспоминал, как был озабочен в 1553 году его отец-дипломат, когда ногайский хан Юсуф собрал почти сто двадцать тысяч всадников для похода на Москву. Тогда хана удалось удержать от войны. Это была крупная победа русской посольской службы. А на следующий год брат Юсуфа, мирза Исмаил, соединил свои войска с русскими у Переволоки. Служилый ханыч Дервиш-Али, а правильнее сказать — воеводы Юрий Шемякин-Пронский и Игнатий Вешняков беспрепятственно прошли волжским путем, открытым им дипломатами. Астраханский хан бежал, но был настигнут и разбит объединённым войском. На всём своем протяжении Волга перешла под власть великого государя московского.

От Москвы до Астрахани — долгий путь. Огромная земля, вошедшая в Русское государство, населена была многими племенами. Удержать её саблей нечего было и думать. У царских советников — Избранной рады — умные головы были в цене. Крымский хан хотел взять Астрахань руками Больших Ногаев. Не

вышло. Ногайская орда была расколота. Часть мурз ушла в Крым, часть — к хану Синей орды, давившему на ногаев с востока.

Крымский хан пытался сплотить против русских черкесские княжества. Советник посаженного Москвой в Астрахани Дервиш-Али, знаток Востока Иван Тургенев договорился с пятигорскими черкесами о совместной борьбе с Крымом; затем к союзу примкнули жившие по Тереку кабардинцы. Владетели Дербента, Шемахи, Иверии убедились в выгоде мира и торговли с русскими, но были осторожны, дабы не разгневать тесными отношениями с северянами могущественных османов.

Бич надсмотрщика задел раба по незажившей ране на голове. Мальцев упал на весло, но второго удара не было. Несколько рядов каторжан привстало с лавок, продолжая грести. Надсмотрщики демонстративно отступили, зная, что последует, если весла останутся в воде. Флагманская галера вильнёт в сторону, сбивая строй флота. Тогда никакой расправой над рабами не спасёшь свою шкуру от гнева капудан-паши! Через несколько десятков участившихся ударов гонга на гребной палубе не осталось воспоминаний о происшествии. Семён Елизарьевич очнулся и снова держался за весло, которым гребли товарищи по несчастью.

«Думать, вспоминать всё по порядку! Иначе не вынести каторги и потерпеть поражение. Он не раб, он посол и должен довести службу до конца».

Под руководством отца в посольствах в 1556–1559 годах Мальцев познавал силу дипломатии. Он изучал языки и наречия, разбирался в делах Ногайской орды, где правил хан Исмаил, убивший своего брата Юсуфа и захвативший престол. Огромные пространства, в которых утонуло бы множество сильных ратей, были взяты и держались за Россией силой политики. Орда была связана. Хан не мог выступить против малочисленных русских сил в Поволжье. Он умолял царя не выпускать из Москвы Юнуса-мирзу, сына убитого им Юсуфа. Популярность Юнуса была высока: он мог бы собрать орду в кулак. Силы же Исмаила таяли. Он становился все более зависимым от политики Москвы. Елизарий Мальцев и его сын Семён поддерживали надежды: воинских людей — на Юнуса, Исмаила — на московского царя, его сына Магмет-мирзы — на власть. Каждое их слово сберегало людскую кровь. Когда Дервиш-Али перешел на сторону Крыма и к городу выступила татаро-турецкая рать, ногаи и их соседи остались на стороне России. Крымский хан вновь опоздал: русское войско выгнало изменника из Астрахани и укрепило город. Татары и турки отступили.

Царь Иван Васильевич Грозный.
Гравюра XVI в.

В Ногайской орде Семён Мальцев сделался даже популярнее своего отца. В 1560 году он выполнял самостоятельную миссию к наследнику ханского престола и стал его другом. Ногаи просили царя впредь присылать к ним таких послов, как Семён.

Под сенью благодетельного мира в тылу, находившиеся уже ближе к Стамбулу, чем к Москве, воеводы укреплялись на Северном Кавказе. В 1563 году крымскому хану стало ведомо, что русские воеводы с тысячей стрельцов выстроили крепость на реке

Терек. Сохранявшие относительную самостоятельность народы Северного Кавказа всё более верили в защиту от страшного османского соседа, предлагаемую Россией.

В то время московская дипломатия ещё раз показала силу невооруженной руки, схватившись с великим хитрецом, многоопытным правителем дел султана Сулеймана II Кануни (Законодателя) Великолепного, великим визирем Мехмет-пашой Соколлу.

* * *

Великий визирь гигантской империи, достигшей под его управлением наивысшего расцвета, простершейся от Багдада до Гибралтара, был человеком обстоятельным. Русская дипломатия внимательно следила за деятельностью визиря, сумевшего организовать администрацию и финансы империи так, чтобы система османской власти не рухнула под собственной тяжестью.

Чёткое военно-хозяйственное планирование Соколлу обеспечивало слаженное движение огромных масс османских войск к победам на Средиземном море и в Иране, в Европе и Африке. Относительно России соображения Мехмет-паши также вылились в чёткий план. Не учтены были только влияние и умение русских дипломатов.

Изображение Ивана Грозного.
Гравюра XVI в.

Стремительность действий Соколлу превосходила

воображение, свидетельствовала о тщательной повседневной подготовке ко всяким осложнениям. Через несколько недель после известия о закреплении русских в Кабарде янычарский ага отбыл из Стамбула в Крым с указом о походе против России и набором детальных инструкций. Крымскому хану предписывалось к весне готовить запас, кормить коней, изготовить тысячу телег и т. п. Поводом к «священной войне» была мгновенно организованная просьба неких представителей черкесов, астраханцев, казанцев и ногайцев о помощи против русских воевод в связи с трудностями, возникающими якобы при поклонении мусульманским святыням, находящимся в стенах Астрахани.

Обращение к султану как к «халифу всех правоверных» не могло не возыметь действия на Сулеймана Великолепного, чрезвычайно дорожившего этим подкреплением своей политической власти, добытым ещё в 1512 году саблей его предшественника Селима I. Осторожный и решительный Сулейман видел в захвате Астрахани и всего Волго-Донского междуречья полезный шаг, объединяющий под его рукой золотоордынское наследие и открывающий новые перспективы движения на Восток в обход Ирана. У Соколлу, как выяснилось позднее, были свои соображения.

Однако, как только янычарский ага ступил на землю Крыма, где в Кафе должен был создать базу похода, он оказался в центре внимания московского посла Афанасия Фёдоровича Нагого и его людей. Вершиной их деятельности по сбору сведений явилось пиршество с самим агой, чьи неосторожные речи высветили последние штрихи плана Соколлу. Вскоре он был доложен в Москве.

Крымский хан в сопровождении ударного корпуса янычар и турецкого флота должен был идти вверх по Дону до Переволоки. У устья реки Иловли артиллерия и припасы перегружались на мелкие суда и поднимались до места, отстоящего на семь вёрст от реки Черепахи, впадающей в Волгу. Здесь специально подготовленные работники были намерены с помощью привезённых на судах заступов, кирок, буравов и носилок прорыть перешеек каналом, возле которого построить крепость.

В окончательном виде Волго-Донской канал должен был пропускать боевые корабли османского флота, обеспечивая империи господство на Волге и Каспии. Трасса канала была заблаговременно смечена и рассчитана. Во время его строительства турецкий корпус ставил крепость на Волге и брал Астрахань, подчиняя все окрестные племена султану с помощью татарской конницы. Частные распоряжения великого визиря

касались сосредоточения войск и заготовки всех предметов, необходимых для осуществления мероприятия.

Учитывая тайные думы хана Девлет-Гирея, русские послы через высокопоставленных лиц Крымского ханства осветили перед ним перспективы укрепления Османской империи в Северо-Восточном Причерноморье и Диком поле. Из первостепенной политической фигуры в этом районе хан рисковал превратиться в заурядного вассала Порты, мальчика на побегушках у турецких беклербегов.

Девлет-Гирей мечтал о захвате Астрахани и Поволжья, но только для себя. У него хватило сил и влияния, чтобы убедить Стамбул в авантюрности затеи, в том, что ожидать всеобщего восстания против русских в пользу Османской империи не приходится. Тонким ходом хана было указание на недостаточность одного турецкого корпуса для завоевания господства на Дону и Волге. Отвлекать большие силы на этот второстепенный театр военных действий Сулейман Великолепный был не согласен из-за острой обстановки на Западе.

Русские дипломаты знали, что, когда речь шла об определении приоритетов в использовании военных сил, султан был непреклонен. Он легко воспринял аргумент Девлет-Гирея, поскольку тот соответствовал его стратегическим взглядам. Принцип массирования всех сил и средств на направлении главного удара — по Священной Римской империи германской нации — был для Сулеймана Кануни выше политических, религиозных и даже финансовых соображений.

Под плеск вёсел Семён Елизарьевич ещё и ещё раз перебирал в памяти сведения русских посольств, убеждаясь, что все эти годы они доставляли правительству исчерпывающую информацию о взглядах Высокой Порты в сторону российских рубежей. Москва имела возможность правильно распределять силы соответственно мере действительной опасности.

После провала плана похода на 1564 год Соколлу отошел в тень, предоставив убеждать султана его дефтердару, главному хранителю финансов империи Касим-бею и возглавляемой им черкесской группировке при стамбульском дворе. Касим-бей указывал Сулейману Великолепному, что Астрахань является ключом к одному из главнейших торговых путей между Европой и Азией и приносит огромный доход. Захватить Астрахань, по словам Касим-бея, значило получить в свои руки почти неисчерпаемый источник пополнения истощенных войнами финансов Порты.

Изображение Ивана Грозного
Гравюра XVI в.

Однако, по сведениям Посольского приказа, нажим Касим-бея не удался. Официально султан Сулейман требовал от Москвы оставить Астрахань, но собственным приближенным заявил твердо:

— Воевать с московскими государями, с которыми ещё деды мои были в дружбе, не вижу причин. Они не захватили у Порты ничего. Астрахань — не наша турецкая земля. Её московскому государю Аллах дал!

Ни одна победа не даётся навечно. Семён Мальцев это хорошо знал. Не напрасно именно весной 1568 года его направили с важным заданием в Большие Ногаи. Друг Семёна мирза Магмет и его отец хан Исмаил умерли. Ханом стал слабый Дин-Ахмет, а наследником — энергичный Урус-мирза, кочевавший по берегам Волги как раз близ Астрахани.

Случайно ли? Афанасий Нагой в Крыму считал, что нет. Еще весной 1567 года пленный казак Степан Алферьевич Корышев сообщил ему, что был схвачен и продан в Крым людьми Дин-Ахмета и Уруса, имевшими грамоты к хану Девлет-Гирею о союзе

против Москвы.

Надежда на этот союз, возможно, объясняла изменение позиции Крыма в подготовке имперского похода на Астрахань. По сведениям послов Нагого и Писемского, Девлет-Гирей был сильно обеспокоен успехами, которые имела, по его представлениям, Россия в войне на Западе, раздражён усиленным строительством русских крепостей на Тереке и стремительным движением русских поселенцев на Восток, где уже сибирский хан Едигер, жители Иртыша и Югорской земли признали вассальную зависимость от Москвы.

Множество людей разных национальностей и вер, страдавших под ханским игом в Крыму, тайно извещало русских дипломатов о подготовке Девлет-Гирея к большой войне. Среди сообщений особую тревогу Посольского приказа вызывали данные о пребывании в Крыму тайных послов из Больших Ногаев и бывшего Казанского ханства.

По дороге в Ногайские степи Мальцева нагнал гонец с дополнительным сообщением первостепенной важности. Из Крыма извещали, что новый султан Селим II (1566–1574)[25] по совету Соколлу, назначил наместником в Кафу ярого сторонника войны с Россией — Касим-бея, получившего звание паши и беклербега кафинского. В связи с его прибытием Девлет-Гирей провел совещание высших чинов ханства. На совещании присутствовали секретные агенты Нагого и Писемского.

Благодаря расторопности русских послов стало известно, что султан принял посольства Хивы и Бухары, призывавшие Османскую империю к походу на Астрахань, где, по их словам, таможенные сборы доходят до тысячи золотых в день. Султан одобрительно отнесся и к плану Девлет-Гирея, призывавшего отрезать Иран от торговли с Европой через Астрахань, сделав её основной базой борьбы на Востоке. Обсуждавшаяся на совещании в Бахчисарае грамота Селима II содержала приказ о начале войны с Россией летом 1568 года.

Деятельность русских послов в государствах и ордах юго-востока входила в решающую стадию. От Семёна Мальцева требовалась точная информация о позиции Больших Ногаев, в кочевьях которых должна была развернуться война между Россией и Османской империей. Объединение мусульманского населения Поволжья и Северного Кавказа с Высокой Портой и Крымским ханством, с ханствами Туркестана грозило изменить судьбы России и Ирана.

Переговоры с ханом Дин-Ахметом и Урус-мирзой, как и следовало ожидать, свелись к изъявлению повелителями Больших Ногаев своей преданности Москве и рассказам о победоносных

сражениях с казахами. Семён Елизарьевич тщательно взвесил сведения о деятельности Хакк Назар-хана и его сподвижников, объединявших казахские орды и превращавших казахов в заметную политическую силу, которая при разумном подходе могла послужить интересам Руси.

Но послу требовалось узнать об истинных намерениях Урус-мирзы. Частично об этом говорили преданные друзья Руси в ханском окружении, кое-что прояснялось поведением явных и тайных сторонников крымского хана. Нужны были точные сведения, хранившиеся в секретном архиве. И дипломат сумел найти к нему ключ. Однажды ночью, после трудных многодневных усилий, Семён Елизарьевич получил в руки кожаную сумку в обмен на увесистый кошель с деньгами. То, что хранилось в сумке, было гораздо дороже денег.

Проверив охрану юрты, Мальцев дрожащими руками развернул первый свиток. Это была грамота султана Селима II хану Дин-Ахмету, говорившая о решении Высокой Порты начать войну в междуречье Волги и Дона и предлагавшая хану имперское покровительство.

Две грамоты крымского хана свидетельствовали о желании Девлет-Гирея заключить военно-политический союз с Большими Ногаями. В грамотах нетрудно было разглядеть стремление Крыма уклониться от прямого подчинения Османской империи и создать объединение орд под собственным главенством. Слава Батыя явно не давала спокойно спать Девлет-Гирею. Это надо было учесть. Грамоты из Хивы, Бухары и некоторых кавказских княжеств, склонявшихся к Порте, были быстро прочтены Мальцевым.

Планы Урус-мирзы предстали перед послом во всей неприглядности. Ответные грамоты от имени Дин-Ахмета показывали склонность властителей Больших Ногаев поддержать объединение антирусских и антииранских сил в регионе. О готовящейся коалиции следовало немедленно известить Москву. Утром грамоты были уже переписаны и снабжены комментарием посла. Кожаная сумка вернулась на своё место в архиве, а гонцы Семёна Елизарьевича, спрятавшие в подкладках одежды драгоценный груз, растворились в просторах Дикого поля. Все, даже друзья, должны были думать, что отчёт о деятельности в ханской ставке посол повезет на Русь при себе.

На обратном пути из Ногаев Мальцев обдумывал значение противоречий, проскальзывавших в разговорах советников Дин-Ахмета и прочитывавшихся между строк тайных грамот. Готовность к измене была налицо, но сговаривавшиеся стороны переполняло застарелое недоверие друг к другу. В критический

момент несколько хорошо продуманных слов могли круто изменить игру и заставить игроков схватиться за ножи. Москва должна это учесть. Семён Елизарьевич ещё не знал, что и учитывать, и действовать придется ему одному.

14 марта 1569 года посольство Мальцева под охраной станицы служилых татар Крыма Таишева достигло Переволоки и заночевало на Царицыне острове. Рядом с россиянами разбили свой лагерь послы хана Дин-Ахмета и Урус-мирзы, имевшие 200 человек свиты. Заутро на противоположном берегу замечено было движение вооруженных людей.

Уже во время перестрелки Семён Елизарьевич узнал противников. Это был Енговат-мирза Шийдяков со своими воинами и людьми улусов Казы-мирзы ногайского, подвластных крымскому хану. Нападавших было немного — около 170 воинов. Твёрдо надеясь пробиться, Мальцев приказал садиться в лодки и с боем уходить вверх Волгою к близким уже казачьим городкам.

Посол подозревал, что нападение было не случайным, и вскоре в этом убедился. Воины ногайских послов выступили против русских и не пропустили их к лодкам. Люди Крыма Таишева бились отчаянно, отступая вглубь острова. Здесь, в дупле дерева, Семён Елизарьевич спрятал важнейшие документы посольства, по которым можно было бы установить источники информации московского правительства. С саблей в руках Мальцев сражался с нападающими, пока его люди не были перебиты и сам он не упал с разрубленной головой.

Он очнулся на Дону, на пути в Азов. Молодой организм перенёс рану и постепенно шёл на поправку. У Семёна Елизарьевича было много времени на размышления. Ещё до того, как начались допросы, он тщательно продумал линию своей борьбы с османским нашествием.

Грамоты Больших Ногаев к царю, взятые на его теле, характеризовали Мальцева как очень влиятельного человека в Москве. Это придавало его выдаче ногайцами особое значение, подчеркивало их верность тайному союзу с Крымом и Портой. Турецкий правитель Азова Айдар-ага постарался принять Мальцева соответственно этому высокому положению. Однако Семён Елизарьевич приложил все силы к тому, чтобы ухудшить отношение к себе. Он настойчиво объяснял, что правители Больших Ногаев являются настолько верными и близкими слугами московского царя, что к ним отправляют молодых людей, по чину меньших, чем простые гонцы в Крым.

Айдару весьма хотелось верить, что ногайцы выдали действительно ценного человека, но настойчивое отнекивание Мальцева наводило на мысль, что Дин-Ахмет и Урус-мирза ведут

с султаном хитрую игру, сохраняя на деле верность Москве. Тем более что кроме грамот самих ногайцев ничто не подтверждало посольский сан Мальцева.

Семёна Елизарьевича бросили в зиндан вместе с рабами. Он не возмутился, но воспринял это как должное, вводя Айдар-агу во все большие сомнения. Как раба турецкий правитель Азова отправил Мальцева в Кафу. Сидя на цепи под палубой, посол внимательно наблюдал за пассажирами судна. С помощью рабов-славян он мог следить даже за разговорами интересующих его людей. Так были выявлены Саин-мирза и Теней-мирза, пробиравшиеся в Крым из Астрахани с поручением от заговорщиков, намеренных сдать город неприятелю.

Чувствуя себя в безопасности, они выбалтывали довольно много имён. Мальцев зафиксировал их в своей памяти.

Профессиональное чутье заставило его выделить на судне ещё двух человек — казаков Ширяя и Колмака, ехавших в Крым якобы на поиски угнанных туда родных. Казаки были, пожалуй, слишком молчаливы и вели разговоры столь однообразные, что это похоже было на разыгрывание принятой легенды перед возможными слухачами.

Урожай сведений получался неплохой. В Азове Мальцев отметил скопление более чем двухсот кораблей османского военного флота, которое, очевидно, свидетельствовало о скором начале похода согласно старому волго-донскому сценарию Соколлу. Число кораблей, огромные запасы продовольствия, телег и шанцевого инструмента говорили о масштабе и времени начала военных действий. Перед Мальцевым стоял вопрос, как передать все эти сведения в Москву.

Подходящим человеком оказался проданный в рабство воин посольской свиты Яныш Тенаев, хозяева которого плыли на том же судне. Он поклялся передать выученное наизусть сообщение Семёна Елизарьевича русским послам в Крыму, где бы они ни находились{26}.

Уже на рейде Кафы Мальцев убедился, что война, которую так долго ждали и которой надеялись избежать дипломаты, началась. Он был вполне уверен, что, несмотря на введённое в Кафе военное положение и необыкновенное усердие турецкой секретной службы, все необходимые сведения заблаговременно собраны и переправлены в Москву многоопытными дипломатами Нагим и Писемским{27}, не говоря уже о невидимой, но всепроникающей военной разведке{28}. Но совершенно невероятно, чтобы им удалось следить за неприятельской армией после её выступления в поход, находясь притом под домашним арестом. Эту задачу положил себе Семён Елизарьевич Мальцев.

На допросах перед турецкими и татарскими чиновниками в Кафе он упорно утверждал, что является простым порученцем, при этом старательно сеял недоверие к обещаниям властителей Больших Ногаев. Шаг за шагом Мальцев растил семена розни между Бахчисараем и Стамбулом, косвенно давая понять туркам, что если и стоит верить Дин-Ахмету и Урус-мирзе, то только в их обещаниях Крыму, и, наоборот, убеждая людей Девлет-Гирея, что их исконные враги-ногайцы помогут туркам сломить остатки независимости Крыма.

В подземелье кафинской тюрьмы, между допросами, Семён Елизарьевич, как только приходил в себя, подбирал товарищей для предстоящего нелегкого дела. Здесь он вновь встретил казаков Колмака и Ширяя, оказавшихся секретными посланцами Посольского приказа к самому предводителю турецких войск Касим-паше.

Грозный беклербег поначалу вступил в переговоры о «службе и дружбе» московскому царю, но внезапно бросил казаков в темницу{29}. Трое посольских людей составили ядро разведывательной и военной организации в сердце неприятельских сил.

Герб Московского государства.
Гравюра XVI в.

Как они и предполагали, Касим-паша предпочел держать дипломатических пленников при себе, не слишком афишируя и своё внимание к ним. Скованные цепями, пленники были

посажены на каторжные скамьи флота Мир-Серлета.

Так Семён Елизарьевич оказался в море у крымских берегов. Флот держал путь на Керчь и Азов, где капудан-пашу ждали ещё двести боевых галер. От Кафы до Азова шли более двух недель, сдерживая бег галер по рассчитанной скорости сухопутного войска.

На ночь флот швартовался к берегу, причём привязанные друг к другу корабли покрывали собой бухты, образовывая гигантский плавучий город. Гребцов сводили на берег и заполняли ими тюрьмы для невольников, во множестве покрывавшие в те времена побережье Крыма.

В эти ночи Семён, Колмак и Ширяй, измученные допросами в Кафе и каторжной работой, не спали. В темноте они искали соотечественников и давали им надежду расквитаться с неприятелями, а возможно, даже вернуться домой. Костяком тайной организации стали сто пятьдесят опытных в военном деле людей, плененных татарами в незатухающей войне на степных окраинах Руси. Здесь были путивльские дворяне во главе с Денисом Репиным, захваченные в Диком поле на сторожевой службе, семьдесят астраханских казаков с судна Прокофия Цвиленева, попавшего в засаду на Волге, рязанские и мещерские казаки Ивана Фустова из полка князя Петра Серебряного, не вернувшиеся из дальней разведки, известные своим мужеством севрюки — жители приграничной Северской земли.

Отобранные дипломатами люди были разбиты на группы, не исключая особой маленькой дружинки по борьбе с предательством, оставившей в крымских тюрьмах несколько задушенных ночью мерзавцев. К приходу флота в Азов организация распространила своё влияние на всё многонациональное сообщество товарищей по несчастью, оказавшееся за вёслами галер стамбульской и кафинской постройки.

К Семёну, Колмаку и Ширяю примкнули прежде всего военнопленные итальянцы и венгры, а также некоторые из османских подданных — греки, осужденные на каторжные работы. На кораблях, охваченных влиянием подпольной организации, было приковано цепями более полутора тысяч человек.

В том, что 80-тысячная османско-крымская армия найдёт на Руси достойную встречу, Мальцев не сомневался. Все детали похода Касим-паши и Девлет-Гирея были известны Москве, не только пушки и сабли, но и казна в сундуках Мир-Серлета была пересчитана. Не полагаясь на других, Семён Елизарьевич составил ещё один весьма подробный отчёт о неприятельском

войске и планах его командования. Запомнив его слово в слово, Ширяй бежал с каторги, надеясь добраться до русского рубежа раньше, чем на него придёт война.

* * *

Нелёгок был путь гребного флота по Дону. То и дело, будто бы невзначай, корабли садились на мели. Жестоко истязаемые гребцы часто ударяли веслами невпопад. Корабли приходилось разгружать, перетаскивая на берег и обратно тяжёлые пушки и огромное количество шанцевого инструмента.

Чем далее забирались турки в Дикое поле, тем в больший приходили страх, отчаиваясь вернуться домой живыми. Даже те, кому были обещаны должности в завоеванных землях (Соколлу предусмотрел и это), начинали сомневаться в успехе тщательно задуманного предприятия. Три недели, отведённые на переход до Переволоки, давно прошли, а конца пути всё не было видно.

Всепроникающим шёпотом передавались в войсках и на гребных палубах рассказы Семёна Елизарьевича о могуществе московского государя, превосходящего славой императора Константина Великого, о несметных военных силах Руси, о её мужественных воеводах, разгромивших два басурманских царства и немецкий орден. 15 тысяч латных конников сипахиев (спагов), 10-тысячный полк легкой османской кавалерии, 3 тысячи янычар в поле и 5 тысяч на кораблях, 8 полевых командиров из Анатолии, Фракии и Родоса с 2,5 тысячами отборных войск, почти 50 тысяч конников крымского хана и трёх его сыновей, не считая примкнувших в пути ногайских отрядов, уже не казались завоевателям такой уж всесокрушающей силой.

По мере приближения к Переволоке напряжение в наступающей армии нарастало. Ни одного человека не встречалось на пути, и Мир-Серлет, поднимаясь на боевую башню флагманской галеры, не видел в степи никого, кроме отрядов Девлет-Гирея и Касим-паши. С особым тщанием капудан-паша разведывал водный путь, по которому мог нежданно налететь на растянутую и неспособную развернуться к бою эскадру русский флот.

На охваченных организацией Мальцева галерах рабы ежечасно ждали начала боя, первый выстрел стал бы знаком к восстанию. Они готовы были подняться даже при приближении отряда казаков, чтобы с их помощью отбить несколько кораблей и уйти на Русь, где обещал им хороший приём и убежище Семён Елизарьевич.

Но среди посвященных в план восстания начинался ропот. Даже янычары удивлялись, что на Дону, в удобных для нападения местах, царских воинов и казаков нет.

— Если бы турки, — говорили военнопленные-гребцы, — такими тесными реками ходили по италийской или мадьярской земле, мы бы их всех перебили! Было бы здесь хотя бы две тысячи казаков — и они бы нас руками переимали, такие на Дону препятствия. А казаки ваши Дон покинули, упуская из рук богатство. Только бы казаки на Дону на каторги напали, а у нас, христиан, одна мысль у многих — хотим к государю московскому!

Но доверенные люди Мальцева убеждали потерпеть до Переволоки: там-то уж наверное дано будет неприятелю решающее сражение, когда растянется он между Доном и Волгой. Однако когда через пять недель пути войско пришло на Переволоку, там не оказалось никаких признаков русской обороны. Не было и крепостей, места для которых много лет назад выбирал по заданию Москвы сам Семён Елизарьевич…

Беспрепятственно, в две недели турецко-крымское войско было переброшено с лёгкими судами на Волгу. Восхищённый осуществлением столь грандиозного завоевания, Касим-паша ступил в воды великой реки, соединяющей Азию с Европой, и объявил её владением блистательного султана Селима II.

Правда, с каналом возникли трудности: расчёты инженеров великого визиря оказались неточными, и переброска военного флота на Каспий грозила затянуться. Но делегация мусульман Астрахани из двухсот человек уверила беклербега, что каторги ему не надобны:

— Мы приведём вам столько судов, сколько пожелаете, ещё больше, чем останется у вас на Дону!

Вняв этим обещаниям, Касим-паша щедро наградил делегатов и от имени султана принял астраханских жителей в подданство, суля им процветание и невиданные доселе награды. Опытные османские полководцы решили не томить удачу промедлением.

Оставив на Переволоке 5 тысяч янычар и 10 тысяч турецких конников в охрану к 3 тысячам рабочих-землекопов и гребцов, установив во временных укреплениях тяжёлую артиллерию, османско-крымское войско двинулось вниз по Волге на Астрахань, взяв только лёгкие пушки и 40-дневный запас продовольствия.

Семёна Мальцева, Колмака и многих русских пленных Касим-паша прихватил с собой. Лишенная руководителей, созданная дипломатами организация распалась, обнадеженные было люди пришли в отчаяние. Но Семён Елизарьевич стоически перенёс

удар. Отказываясь проникнуть умом в планы царских воевод, он влачил свои прикованные к турецкой пушке кандалы, полный уверенности в близкой победе над неприятелем, готовый по мере сил внести свой вклад в эту победу.

К счастью для него и для многих народов России, Мальцев не мог даже представить себе истинного положения дел…

* * *

В Мордовском лесу, через который пробирался некогда полк князя Курбского, на самом краю Дикого поля обустроен был летний лагерь знаменитого Мещёрского полка, искушенного в многочисленных стычках с крадущимися на Русь степными разбойниками.

Полк, насчитывавший в лучшие времена до 15 тысяч сабель, считался лёгким. Здесь служили бедные русские дворяне, не имевшие средств на основательное защитное вооружение, касимовские татары, представители знати мордвы и марийцев.

Среди «интернационала» своевольных пограничных воинов встречались и беглые люди с Руси, и казаки, и казанские татары, и ногайцы, и отбитые в схватках с крымчаками бывшие рабы из ведомых и неведомых народов Европы.

Ратники Мещёрского полка нередко гибли в схватках, часто не возвращались из далёкой разведки, но за всем тем предпочитали полную опасностей жизнь на границе любой другой, неизменно связанной с необходимостью гнуть спину перед вездесущим начальством. На границе жесткая военная дисциплина была естественна, но касалась лишь службы, а не личных взглядов и жизни полчан.

Взаимная выручка, всегдашняя готовность «положить жизнь за други своя» и уверенность, что товарищи не оставят в беде, составляли основу душевного равновесия, внешне нередко проявлявшегося в весёлости и бесшабашной удали.

Вот и сейчас, не заботясь о предстоящем сражении с турками, двигавшимися, согласно разведке, по Дону, и не обращая внимания на хмурый вид полкового воеводы князя Серебряного, ратники занимались своими делами и забавлялись играми, которые в иных местах были бы признаны небезопасными.

Одни, в основном молодые, играли в поле в салки на конях, используя для осаливания весьма основательные арапники с вшитыми на конце свинцовыми пульками; дурным поступком считалось в свалке упасть с коня или наступить конским копытом на упавшего. Другие прыгали в высоту через остриё воткнутого в

землю копья. Третьи с увлечением рубили друг друга боевыми саблями, останавливая их полет на волосок от тела: нанесший серьезную рану изгонялся из войска. Четвертые боролись на-поединок и свально.

У большого дуба, служившего местом общего сбора, одноглазый умелец стрелой сбивал с желающих шапки. Наконец, большая часть воинов окружала играющих, воплями и свистом поддерживая своих любимцев.

Не боясь быть услышанными в этом гвалте, начальники обсуждали положение, устроившись на пеньках невдалеке от кухонных котлов. Не слишком представительное собрание включало: главного воеводу Мещерского полка князя Петра Семёновича Серебряного-Оболенского; второго воеводу полка Замятию Ивановича Сабурова; неопределённого вида гонца Земщины, имени которого в документах не сыскано.

Лица присутствующих выражали крайнюю озабоченность. Если бы это не относилось к безусловно мужественным людям, можно было бы сказать, что на их лицах крупными буквами написана растерянность. Причиной сего были сообщения гонца, причем не столько о нашествии неприятеля, сколько о распоряжениях царя Ивана Васильевича.

Мещёрскому полку было приказано в одиночку выступить в далекий поход к Переволоке с целью остановить неприятеля. Никаких сведений о силах и намерениях противника в наказе воеводам не было. Сообщалось лишь, что полк под командованием князя Владимира Андреевича Старицкого и боярина Морозова должен был стоять в Нижнем Новгороде.

Основные войска Земщины были разделены между Рязанью и Коломной. Опричные полки стояли дальше на запад — в Калуге. Сам царь Иван Васильевич ещё весной отбыл далеко на север, в Кириллов монастырь, а к лету засел в Вологде.

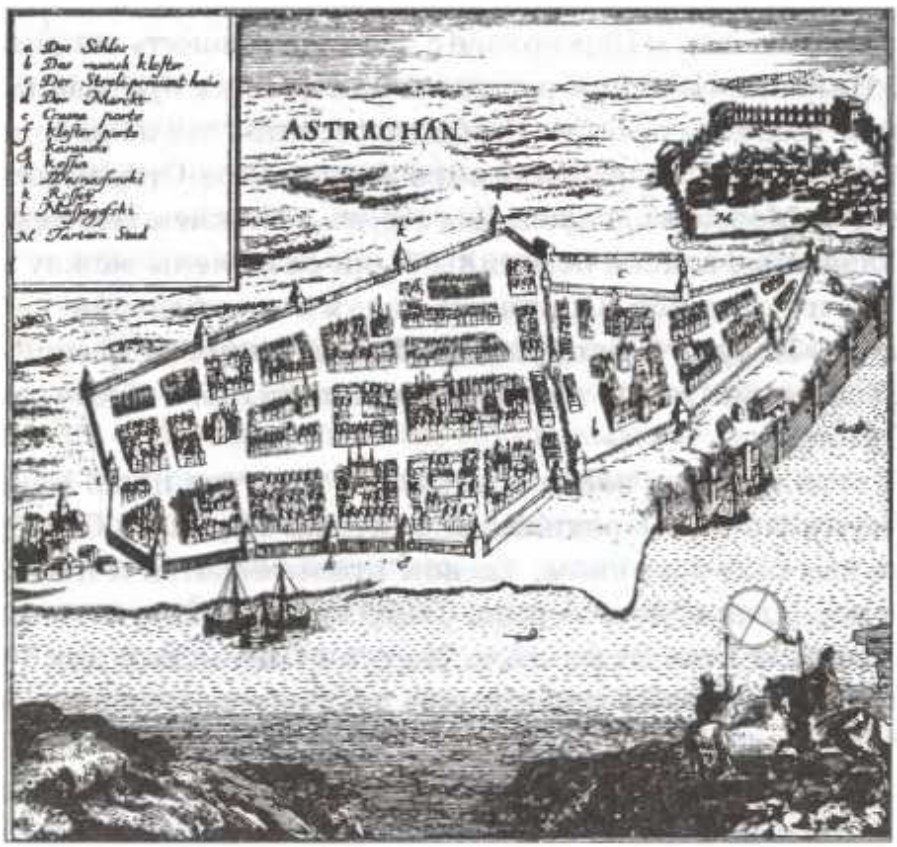
Расположение войск говорило о том, что царю ничего не известно о намерениях неприятеля. Но князь Серебряный сам был боярином, членом правительства и помнил, как изучался в Москве план Соколлу несколько лет назад. Неужели сейчас сплоховали Нагой и Писемский или Русь лишилась храбрых разведчиков и доброхотов, своевременно раскрывавших планы противника?

Несмотря на то что дальняя разведка Ивана Фустова не вернулась из похода, Серебряный знал от донских казаков о подходе неприятельской армады к Переволоке. На речке Северский Донец сорок казаков Ивана Мотякина почти все полегли в бою с крымским ханом, но сумели взять языка, подтвердившего намерения грозных завоевателей выйти на Волгу

для последующего удара на Астрахань.

На молчаливый вопрос Серебряного и Сабурова московский гонец вынул из-под подкладки куяка грамоту, которая могла стоить жизни многим. Посольский дьяк Иван Михайлович Висковатый извещал хорошо известных ему воевод о силах и планах Касим-паши и Девлет-Гирея, прибавляя о возможности восстания Казанского ханства, Больших Ногаев и черкесских княжеств. Князь Серебряный прочёл и бросил грамоту в огонь.

— Нам всё это уже ни к чему. Встретить басурман на Переволоке мы не успеем, да без крепостей с одним полком и не устояли бы.



План Астрахани.
Гравюра из «Путешествия» А. Олеария

Сейчас нет разницы, 80 тысяч идет на нас или 100! Все Казанские и Астраханские земли от русских больших полков свободны. Вольны татары казанские и ногаи объединиться с турками и идти на Русь. Московские же войска и соединиться не успеют, посылая гонцов в Вологду да ожидая указа царского. Может, и прав великий государь, думая отсидеться на Севере — до холодов не дойдут туда супротивные!

— Ты, — говорит князь Пётр Семёнович гонцу, — скачи в Москву, пусть там на Бога надеются. Их перед царём молчание нам недёшево станет. Первыми поляжем мы с Замятней Ивановичем и робятами. За нами астраханские стрельцы с воеводой Карповым. Даст Бог, не выдадут ногаи, не соединятся с лютым ворогом. И в Казанской земле у Руси друзей много. Там и ссыльных многие сотни живут с местными в приятельстве, люди храбрые и побить изменников способные. А без ногаев и казанцев, может, не сломят басурманы князя Владимира Андреевича, не пройдут дальше Нижнего Новгорода. Жаль только былой нашей славы, что взяли царства агарянские — да отдаём в руки главному аспиду, султану турскому. И то сказать — как за Волгу биться, забившись в Вологду!{30}

— Опасные речи говоришь, княже, — сказал гонец, собираясь. — Остался бы с тобой, да в Москве тоже люди нужны и опасности там не меньше здешних.

— Господь с тобой, скачи! — вымолвил Серебряный.

Князь хорошо знал, какие опасности имел в виду московский гонец. В 1553 году он с братом говорил свое слово в царской думе, не помышляя об этом. С тех пор не стало многих из славного рода князей Оболенских.

Из опалы бежал в Литву князь Юрий Иванович Оболенский-Горенский, а брат его Пётр замучен был в году 1565. Тогда же, вместе с прославленным полководцем Александром Борисовичем Горбатым, другом Петра Семёновича, сложили головы на плахе Никита и Андрей Фёдоровичи Оболенские-Чёрные: много жизней унесло «великое изменное дело», состряпанное против честнейших людей Отечества.

Но братья Серебряные тогда уцелели — сотни людей поручились за них перед государем. Перечисляя в уме невинно убиенных, Пётр Семёнович понимал, что он недолго будет ждать позорной казни. Только теперь всё это уже не имело значения.

Поход одного полка на турецкое и татарское воинство выглядел вполне безнадёжно. Но и отдавать без боя то, что взято большим трудом русских ратоборцев, было немыслимо. Князь Серебряный имел представление о превратностях военной судьбы: не раз он с небольшими силами громил врага и сам бывал крепко бит. Сознание нависшей над Московским государством угрозы не сломило мужественного воеводу, с юности привыкшего к самостоятельным действиям среди неприятеля.

* * *

Еще в мае 1551 года с охочим нижегородским войском князь Пётр Серебряный устремился вниз по Волге и к Троицыну дню стал на Круглой горе у устья реки Свияги. Здесь решено было заложить крепость, что и было выполнено. Отсюда 18 мая, в Духов день, когда по Волге шёл великий туман, дружина Серебряного подкралась к Казани. Немало ратников заблудилось в тумане, но Пётр Семёнович полагался более на неожиданность, чем на число воинов. Он ворвался в город и в жестоком бою побил более ста мурз и князей, освободил множество пленных. Потрясенная Казань через некоторое время выдала воеводе царицу Сеюнбеки с сыном Утемыш-Гиреем и согласилась принять от московского царя в правители себе Шах-Али.

В 1552 году, когда Свияжску стали угрожать восставшие князья марийцев, Сторожевой полк князя Серебряного стремительными действиями ликвидировал опасность, не дав главным силам противника соединиться и разбив их поодиночке. Много крови спас тогда Пётр Семёнович, заменив миром и союзом начавшуюся было истребительную войну.

Запомнился князю и бой под Казанью с Япанчёй. Серебряный был товарищем князя Горбатого-Шуйского: вместе воеводы обезопасили тыл русских войск от неприятеля. Дружба Серебряного с Александром Борисовичем Горбатым уже тогда не понравилась подозрительному царю Ивану. Пётр Семёнович был надолго отстранен от командования полками и дел правления.

Однако в 1556–1560 князь Серебряный почти непрерывно участвовал в военных действиях, командуя полком Левой руки то на крымском рубеже, то в Ливонии. После годичной передышки, в 1562 году воевода ходил с полком Правой руки от Дерпта к Тарвасту, а в 1563 — служил в новозавоеванном Полоцке. Не желая затягивать войну, в самом начале 1564 года русские воеводы предприняли смелый рейд в обход литовских войск гетмана Николая Радзивилла и Григория Ходкевича, находившихся в районе Луком ля.

Почти 18-тысячное войско Петра Ивановича Шуйского шло из Полоцка, а полк братьев Петра и Василия Серебряных — из Вязьмы. Они должны были соединиться на Друцких полях, в селе Боране под Оршей, чтобы затем ударить на Минск и Новогрудок. Серебряные пришли к месту в назначенный срок, но Шуйского не дождались. В сражении на реке Уле, недалеко от Полоцка, Пётр Иванович погиб. Его войско спаслось бегством, много знатных дворян и второй воевода Захарий Плещеев сдались в плен, который страшил их гораздо меньше, чем гнев царя. Узнав об этом, Серебряные не устрашились, но перешли в наступление, поразили шляхту под Мстиславлем, Кричевом и Могилевом. 9

февраля они с боями вышли к русской границе у Смоленска.

Осенью, когда гетман Радзивилл вознамерился взять Полоцк, Серебряные снова выступили в поход. Пока Радзивилл тщетно пытался договориться с полоцким воеводой Петром Михайловичем Щенятевым, который в ответ на предложения убежища от царского гнева палил по неприятелю из пушек, Серебряные обошли гетмана и отрезали его от тыла.

Неожиданное появление в тылу русских воевод заставило Радзивилла бежать, оставив неприкрытой крепость Озерище. Василий и Пётр Семёновичи немедленно воспользовались этим и захватили крепость, превратив её в важную базу наступления на запад.

Но развить успех не удалось. 1565 год стал годом опричной резни. Доносы уносили из рядов русских воинов больше жизней, чем могли взять все окрестные неприятели Московского государства. Занятый персональным «перебором людишек», Иван Грозный не мог отвлекаться на военные действия.

Для укрепления верности государю войска на западной границе получили татарских военачальников. В Большом полку Василий Серебряный был подчинен царевичу Ибаку, в полку Правой руки Пётр Серебряный — царевичу Кайбуле. Возможно, это спасло тогда жизнь князей: успокоившись принятыми мерами, Грозный обратился на других людей.

В 1566 году репрессии продолжались. В изменном деле был обвинён, как и предупреждал Радзивилл, замечательный русский полководец князь Пётр Михайлович Щенятев. Царь Иван лично наслаждался его мучениями, запытав насмерть.

В 1567 году наступила передышка. Земские и опричные войска собирались на ливонской границе. Предстоял большой поход. Но царь струсил. Созвав на совещание опричников и семерых земских бояр, он ждал оправдания желательного ему отступления. Князь Пётр Семёнович высказался за продолжение войны. Иван Грозный спешно отъехал в Москву, где начал новый тур зверских казней. Серебряный с небольшими силами был послан в Полоцкий уезд, оборонять строительство стратегически важной крепости Копьё.

Именно в этой крепости король Сигизмунд II Август видел особую опасность. Сюда были нацелены его лучшие войска, но русские не уступали. В кровопролитном сражении почти все воины Серебряного и его товарищ воевода князь Палецкий погибли.

Сам Пётр Семёнович с горсткой ратоборцев чудом пробился из окружения, оставив в руках навалившихся на него неприятелей лук и колчан со стрелами. Но и королевские войска, встретив

столь мужественное сопротивление, вскоре прекратили наступление. В 1568 и 1569 годах бои на западной границе имели местный характер.

Пётр Семёнович Серебряный был переброшен на самый опасный участок русского рубежа — туда, где ждали возможного наступления войск Османской империи. В обычное время его полк нёс охрану границы, в случае же начала крупномасштабных боевых действий становился авангардом основной армии, Сторожевым полком, за которым, испытывавшим на своей шкуре неприятеля, шли в бой Передовой и Большой полки, полки Правой и Левой руки.

Он был остриём копья, насаженным на прочное древко и направленным в сердце врага острым глазом разведки и опытом правительства. Теперь острие осталось без ратовища, а правительство ослепло, то ли не доверяя своим глазам, то ли… Об этом не хотелось думать.

В бою с регулярной армией полк Серебряного и Сабурова не имел сколько-нибудь заметных шансов. Турки были прославленными воинами, почти всегда побеждавшими в открытом сражении. Их тяжёлая, закованная в сталь кавалерия-сипахии, дополненная татарской конницей, могла смять в степных просторах и более многочисленного противника. Янычарская пехота была известна стойкостью, обученностью и хорошим оружием. Что касается оснащённого мощными пушками флота, то Пётр Семёнович не раздумывал о нём, считая более чем достаточными силы противника на суше.

Воеводы не были склонны к резонёрству. Посовещавшись на открытом воздухе, положили они так:

— Российских людей и басурман, что на Москву надёжны, султану турскому не выдавать; позора на себя не брать и бегунами не быть; над неприятелем промышлять, будто все большие полки вслед за Мещерским полком идут.

Собрав полк, кликнув также к себе окрестных чувашей, мордву, донских казаков и живших по Оке татар, скоро устремились воеводы к Переволоке, имея в заводе запасных коней. Скакали ратные люди день и ночь, останавливаясь не на долг час. Пришли они к Переволоке прежде, чем неприятелю о том стало ведомо.

О подробностях сечи наши источники сообщают крайне скупо и неохотно. Известно только, что воины князя Серебряного, напав безвестно, до конца победили как янычар, так и конных, «их же мало в живых осталось». Спасшиеся из боя турки бежали на Дон, на корабли Мир-Серлета, который, не дождавшись всех, спешно пошёл по реке вниз, но казаки в лодках преследовали его до

самого Азова, не давая покоя ни днем ни ночью, захватывая несчастливо севшие на мель или приткнувшиеся в берег галеры.

За десять верст до Азова вступили казаки с воинами капудан-паши в свальный бой, в котором турок хотя и много потерял, но все же большую часть флота в Азов привёл. Однако и в крепости не нашел Мир-серлет успокоения. Едва он большие пушки стенобитные с каторг сгрузил и заряды к ним, дабы уберечь от сырости, на берег свёз, как казаки, в Азов прокравшись, тот склад подорвали. От взрыва часть азовской стены рухнула, причём многих турок, и дома, и корабли их побило.

Очистив Переволоку, князь Пётр Семёнович Серебряный сразу к Астрахани идти на выручку не смог, потому что многих надо было похоронить и почти всем приходилось раны лечить. Став на берегу Волги, чтобы неприятель беспрепятственно вверх на казанские и нижегородские места не прошёл, полк стал себя в порядок приводить и людей, на подмогу плывущих из казачьих городков, в сотни принимать.

* * *

С начала сентября 1569 года стонало Дикое поле между Переволокой и Астраханью. На день пути слышно было в земле движение тяжёлого войска завоевателей. Бесконечной змеей растянулись по степному шляху отряды турецких всадников и пёстро одетых янычар, сложивших латы и пищали на арбы. Истошно скрипели большие колеса повозок, ревели волы и верблюды. Все живое уносило ноги, пробегая мимо Астрахани, ибо нельзя было обежать фронт огромного воинства, окружённого со всех сторон татарскими и ногайскими отрядами. Даже взобравшись на самый высокий курган, человек не в силах был обозреть покрывшие Дикое поле полчища.

Восточнее, по широкой груди Волги-реки, скользили под байраками — знаменами султана — ладьи, везущие войску продовольствие и припасы. Неспокоен был и противоположный берег. Заволжские степи шевелились. Медленно стягивались к Урус-мирзе и откочевывали на юг к Астрахани улусы Больших Ногаев.

Волна движения докатилась и до Яика. Не торопясь, как бы нехотя, снимались с насиженных мест люди хана Дин-Ахмета, устремляясь вслед за кочевьями Урус-мирзы. Массы людей бессознательно, ещё не определив, на чьей стороне выступить, продвигались ближе к месту исторических событий.

Как бы с огромной высоты следил за этими движениями,

понимая их взаимосвязь и смысл, человек в убогом рубище раба, прикованный к пушке в самой середине османской армии. Волоча тяжкие цепи, страдая от жажды и питаясь из милости проезжих, прошёл Семён Елизарьевич Мальцев двухнедельный путь до Астрахани.

Турецких пушкарей удивляло, что к столь жалкому пленнику подъезжали и беседовали с ним многие знатные по виду люди. Поистине поразительно и нам выяснять, как от слова раба заклинивало шестерни могучей, всесокрушающей машины завоеваний.

Один из многих безвестных читателю русских дипломатов был человеком железной воли и острого разума. Несмотря на цепи, он знал и понимал больше, чем многие высшие военачальники Османской Порты и Крыма.

Весьма поучительным, отмеченным потом в донесении Москве был разговор Семёна Елизарьевича с ногайскими мирзами, требовавшими от Касим-паши его смерти. Бежавший из Москвы Саин-мирза Китай и выступавший от имени «всех астраханских людей» Теней-мирза Теребердеев были, по сведениям Мальцева, креатурами крымского хана.

Вид Астрахани. Гравюра из «Путешествия» А. Олеария

Стремясь к власти над ногаями, они ненавидели хана Дин-Ахмета и его объявленного наследника Урус-мирзу. В их личных, чрезвычайно полезных Мальцеву интересах было расстроить наметившийся союз турок с ногайским ханом, чтобы самим представлять Больших Ногаев при поддержке властителя Крыма.

Вдоволь наиздевавшись над пленником, Саин-мирза и Теней-мирза отъехали прочь со счастливой, по их мнению, мыслью. Мальцеву удалось узнать от благожелательных к нему людей, что мирзы наперебой убеждали Касим-пашу не верить обещаниям

властителей Больших Ногаев, ибо те направили посольство в Москву. Пусть, говорили мирзы, Дин-Ахмет и Урус-мирза выдадут туркам это посольство и собственноручно зарежут Мальцева — только тогда можно будет им поверить!

Речи Саина и Тенея производили впечатление на Касим-пашу, но ещё сильнее влияли на крымского хана. Впоследствии русские дипломаты выяснили, что во время похода ненависть Девлет-Гирея к непокорной Ногайской орде под влиянием изменивших ей ногайских княжат быстро возрастала.

От ненависти был один шаг до страха, тем более что Саин-мирза и Теней-мирза не раз напоминали хану о судьбе его предков Магмет-Гирея и Богатур-салтана, убитых ногайцами под Астраханью.

Движение призванных турками Больших Ногаев к Астрахани на совете у Девлет-Гирея было признано угрозой крымскому воинству. Стрела Семёна Елизарьевича глубоко ранила самое больное место неприятеля.

Пока развивались эти события, мимо бредущего на цепи Мальцева проехало другое посольство, которому суждено было внести свою лепту в развал тщательно создававшейся Соколлу системы союзов. Это были люди Дин-Ахмета и Урус-мирзы, многие из которых сочли долгом посетить и поддержать в трудную минуту своего старого знакомого, облюбовавшего в качестве резиденции турецкую пушку.

Семён Елизарьевич с удовлетворением узнал, что в грамотах Больших Ногаев к Касим-паше изъявляется желание быть в союзе с Османской империей, но отнюдь не с Крымом. Дин-Ахмет и Урус-мирза писали турецкому военачальнику, что между ногаями и крымчаками есть старая родовая вражда. В грамотах перечислялись знатные ногаи, убитые крымскими людьми, прославлялись победы ногаев над крымским ханом и его союзниками. Побеседовав с Мальцевым, послы надумали также просить возмещения убытков за ущерб, нанесённый на Волге их посольству в Москву, и потребовали освободить Семёна Елизарьевича, — тем более рьяно, что враги Дин-Ахмета и Урус-мирзы хотели его смерти.

С этого момента повозку с орудием, к которому был прикован русский посол, можно было считать триумфальной колесницей. Дипломатическое сражение было выиграно по всем направлениям. Мальцев лишь слегка направлял обмен информацией, благодаря которому мусульманский союз на юго-востоке Европы стал невозможен. Сведений, что по фирману султана Селима II главой нашествия является хан Девлет-Гирей, а Касим-паше приказано «во всём быть в его воле» было более чем

достаточно для того, чтобы Большие Ногаи и их союзники остались верными России. Даже те из них, кто первоначально примкнул к армии завоевателей, со временем стали обращаться к Мальцеву с просьбами подтвердить их желание служить московскому государю.

Но военная машина, получив разгон, неуклонно продолжала катиться к Астрахани. Даже взятые по отдельности, проникнутые взаимными подозрениями турецкие и крымские войска представляли собой грозную силу, не встречавшую пока никакого сопротивления.

Сумеет ли устоять Астрахань, сбежавшие из которой изменники на глазах Семёна Елизарьевича обещали завоевателям открыть ворота и клялись, что все население с радостью встретит победителей?! Мальцев с беспокойством ждал ответа на этот вопрос.

* * *

16 сентября турецко-татарские полчища подошли к вожделенной Астрахани. Встреченные у города изменниками и небольшой группой ногаев, пришельцы разбили стан прямо у городских стен. Ворота Астрахани раскрылись, выпустив несколько отрядов воинов, смело ударивших на расседлавшую коней османскую конницу. В жестокой сече Касим-паша потерял немало опытных, прославленных во многих походах ратников. Нападавшие же сумели уйти, наглухо закрыв за собой ворота. Разноплеменные астраханские жители порешили стоять против турецкого султана и крымского хана насмерть.

Неожиданное сопротивление вызвало замешательство среди турок. Готовясь к осаде, Касим-паша приказал возводить укреплённый лагерь на месте старого астраханского городища. Его войска волновались. Янычары, которым пришлось в походе тяжелее всего, пошли к паше.

— Нам зимовать нельзя! — кричали они. — Помереть нам всем с голода! Султан дал нам всякий запас на три года, а ты велел взять с собой только на 40 дней: как нам теперь прокормиться?!

Касим-паша и сам видел, что дело неладно. По фирману султана Селима II хан Девлет-Гирей должен был вернуться на зиму в Крым. Продовольствие турки надеялись получать от местных жителей, с Кавказа и от ногаев. Но в турецкий лагерь стекались лишь кучки недовольных чем-то воинов, а всеобщего восторга по поводу освобождения от власти Москвы не

замечалось. Без татар добывать продовольствие и даже конские корма в выжженной солнцем дикой степи, в окружении кочевников было невозможно.

Недовольны были и люди Девлет-Гирея. Добыча, которую они брали в Диком поле и под Астраханью, была ничтожна, а жалованье, получаемое от Касим-паши, крымчаки воспринимали как должное. Степным ратникам казалось, что турки заманили их в ловушку: недаром Касим-паша всё время призывает к Астрахани ногайцев! Простые ордынцы и даже отдельные мурзы кричали Девлет-Гирею, чтобы он отпустил их по домам или направил в настоящий набег.

В такой сумятице всё воинство как громом поразила весть о разгроме на Переволоке. Мальцев с удовлетворением отмечал, что победа князя Серебряного внушила туркам и татарам настоящий страх. Из уст в уста передавались сведения о невероятной численности русских и их сверхъестественной свирепости в бою. Крымчаки, не раз сражавшиеся с россиянами, намеренно пугали турок сказками о северных великанах, поедавших врагов живьём.

Но то, что вносило панику в ряды войска, породило и большую собранность в действиях мусульманских военачальников. На время распри были забыты. Янычары во главе с опытными «городоёмцами» из Европы спешно вели земляные работы вокруг Астрахани: обносили город окопами и валами, устраивали батареи, вели траншеи и секретные подкопы под стены.

Выделенные Девлет-Гиреем отряды в несколько тысяч всадников устремились через Дикое поле к российским рубежам; ещё один отряд пошел на русские места Волгой на судах. Их целью было дезориентировать неприятеля и награбить достаточное количество продовольствия для зимовки Касим-паши. Часть продуктов решено было доставить из Азова степными шляхами.

День за днём все новые крымские отряды уходили от Астрахани к русским пределам. Ни об одном из них не было вестей. Некоторые, не проломив русского рубежа, ушли в Крым, другие сгинули безвестно в Волго-Донском междуречье. Лодка с несколькими татарами вернулась по Волге, принеся весть о страшном разгроме крымского отряда на воде. Казаки, заманившие его в засаду, служили у Серебряного.

Неопределённые слухи и предсказания, бродившие по рядам турецкого и татарского воинства, стали приобретать более отчётливые очертания. Мальцев видел, что наступает время решительных действий. Тут ему помог счастливый случай.

* * *

В один из вечеров к пушке, где был прикован Мальцев, привели нового пленника, посадив его с дипломатом на одной цепи. Невольники разговорились. Новичок оказался служкой игумена астраханского Никольского монастыря Кирилла. Звали его Инка. Парня повязали янычары во время неудачной вылазки астраханцев и сочли знающим человеком, способным много сказать на допросе.

Семён Елизарьевич говорил с Инкой всю ночь и научил, что рассказать басурманам:

— Слышал-де он, Инка, у своего хозяина игумена Кирилла тайные речи, что сего часа идёт Астрахани в помощь князь Пётр Серебряный, с ним на судах ратников 30 тысяч. А за ним идет к Астрахани полем сам большой московский воевода князь Иван Дмитриевич Бельский, с ним храбрых воинов 100 тысяч и Большие Ногаи с ним же под Астрахань будут. Станет российское воинство всех турецких и крымских людей рубить без остатка.

Ещё наказал Мальцев Инке говорить басурманам о тайных вестях:

— Присылал-де кызылбашский (персидский. — *Авт.*) шах к великому государю московскому послов, что турецкого султана люди через Астрахань дороги на государства их ищут; и им бы, владыкам московскому и кызылбашскому, вместе на турок наступать. А в помощь себе просил шах 100 пушек и 500 пищалей да просил прислать к нему посла Алексея Хозникова для договора.

Наутро повели Инку на допрос и поставили перед турецкими и крымскими начальниками. Стали его Девлет-Гирей и Касим-паша спрашивать, а служка отвечал, что в Астрахани воинов видимо-невидимо и запасов в достатке. Тогда велели его пытать: огнём жечь, и водой поить, и ножами резать. С пытки говорил Инка басурманам те речи, что наказал ему Семён Мальцев.

Хан и паша с агами и мурзами велели Инку пуще пытать, потому что надеялись, что он их обманывает. Мучали его лютыми муками весь день. Он же говорил одно:

— Идёт на выручку Иван Дмитриевич Бельский с великими полками, а впереди у него князь Пётр Серебряный — будет всем вам, поганым, без пощады смерть!

И к вечеру тот Инка умер. Палачи пошли начальству донести, что, видно, правду язык сказывал, а начальники басурманские начали вновь совещаться в беспокойстве.

Тем временем упала на Астрахань тёмная ночь. Подошли к волжскому берегу суда, и выпрыгнули из них храбрые казаки,

ударили безвестно на крымские и ногайские становища. А на других судах переправился к городу Мещёрский полк: стал янычар в шатрах и в шанцах саблями рубить и ножами резать. Славно погуляли ратники — обошли они весь город Астрахань, усыпали валы и окопы буйными янычарскими головушками.

Вскоре опомнились турки, начали Мещёрскому полку и казакам крепко противиться. Не выпускал Касим-паша из укрепленного лагеря тяжёлую конницу, боялся в ночном сражении до конца поражённым быть. Посылал он к стенам Астрахани своих воевод и новые янычарские полки. А из города воевода Карпов выводил Серебряному в помощь стрельцов и городовых казаков. Теперь осаждавшие и осажденные поменялись местами. Мусульманское воинство уже не нападало на город, но лишь защищало свой стан.

Схватились во тьме супротивники так люто, что трупы в великой тесноте на землю не падали. На второй час сражения поднапёрли русские, и дрогнули ряды турецкие. Князь Пётр Семёнович все время был в первом ряду, кольчуга его насквозь пропиталась кровью вражеской.

Как пошли турки в отход, попытался задержать русских богатырь — франк с Родоса, да не сдюжил: пополам разрубил его Серебряный. Встал на пути русского полка храбрый санджак-бей анатолийский, только людей потерял и сам голову сложил на казачью саблю. Три аги янычарских тут погибли и иных командиров множество. Крымские татары на помощь туркам не пришли.

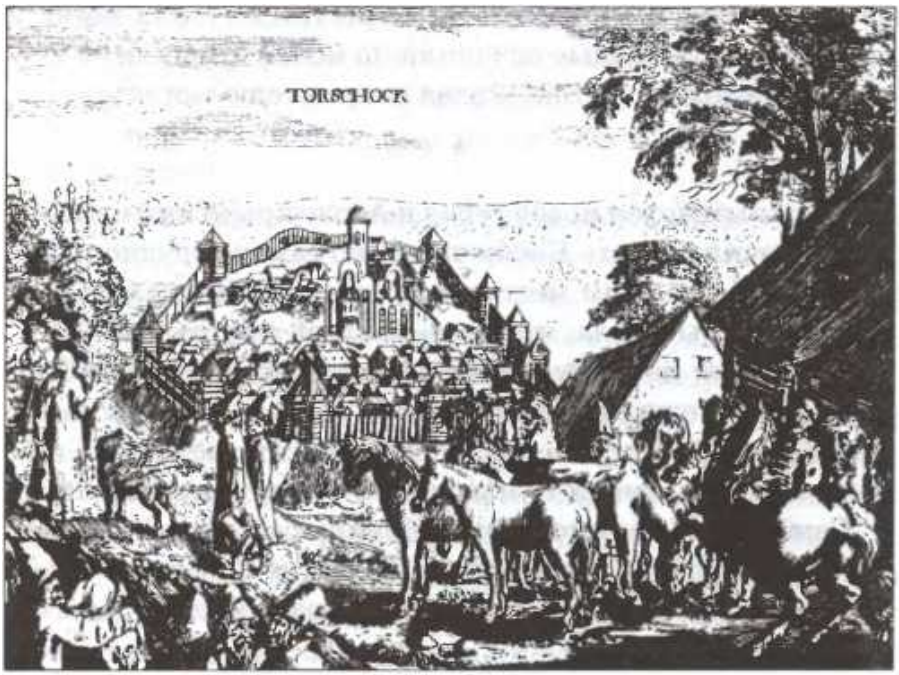
Гнали храбрые российские ратоборцы турок чуть не до самого их лагеря. Здесь неприятель вновь усилился и начал людей князя Петра Семёновича одолевать. На каждого россиянина послал Касим-паша турок по двое и по трое. Зело искусны были турки в пешем бою и оружие имели лучшее.

Уступали ратоборцы шаг за шагом до самых городских стен, стали думать, что здесь им головы сложить. Но вышли из города в помощь жители, кто мог оружие в руках держать, так что на стенах и башнях Астрахани никого не осталось. Вновь нажали на турок мужественные воины, янычар и прочих султанских людей от стен отбили, раненых в город внесли и своих павших подобрали.

* * *

Наутро затворился князь Пётр Семёнович с товарищами в городе Астрахани, а басурмане принялись убитых хоронить по

своему мусульманскому обыкновению. И похоронив, на другой день рано поутру зажгли свои понастроенные окрест Астрахани крепости и пошли скорым шагом прочь дикими безводными местами на Азов.



Торжок.
Гравюра из «Путешествия» А. Олеария

Дивно было астраханским защитникам и людям Серебряного видеть, как уходит от города тьмочисленное воинство, покрывая степь сверканием лат и потрясая землю скоком ещё свежих конных полков. Хоть и положили российские ратоборцы в приволжскую землю врагов многие тысячи, могучее войско всё ещё оставалось у Касим-паши; сами же они из своих малых сил потеряли половину, да и оставшиеся были переранены. Молча глядели воины вслед уходящему неприятелю, не чая себе столь скорого спасения, пока князь Серебряный не приказал благовестить.

Когда поплыл над Астраханью благовестный звон, возрадовались все великому над неприятелем одолению и славы Русского государства своими слабыми силами утверждению. А бывшие в городе и в окрестных степях ногаи и черкесы изобиженные вскочили на коней и пошли за турками и татарами в угон, желая неприятелю мстить.

* * *

Сложным путём повёл турок к Азову крымский хан. Месяц волочил он рать Касим-паши по самым труднопроходимым и безводным местам в предгорьях Кавказа. Степь за лето так выгорела, что превратилась в пустыню.

На третий день отступления пришлось бросить повозки. Волы и лошади дохли массами. Вскоре начался падёж боевых коней. Спешенные сипахии брели, волоча на себе тяжёлые латы, вместе с янычарами. Стали умирать и люди.

Семён Мальцев спокойно готовился к смерти, радуясь погибели турецкого воинства. Но его не бросили в степи вместе с ненавистной пушкой. Посла расковали и даже посадили на татарского коня, лучше переносившего бескормицу и ударившие морозы.

Пользуясь тем, что Касим-паше было не до пленника и турки думали лишь о спасении, крымские военачальники принимали Мальцева в своих шатрах и вели с ним тайные разговоры. Сам Девлет-Гирей хотел через него уверить Москву, что в турецком походе он русскому царю служил и дружил.

Из Казыевых ногайских улусов с гор неоднократно приезжал к Семёну Елизарьевичу сын Девлет-Гирея царевич Мухаммед-Гирей, просил посла:

— Когда на Руси будешь, скажи про меня царю и великому князю, чтоб меня находил своим жалованьем, как и моих братьев.

Мальцев отвечал на это:

— Много вас, царевичей, у отца, вот и роздал он вас по людям. Живёшь ты здесь волочась, не сыт, не голоден. Поедь к государю нашему — и государь тебя пожалует великим своим жалованьем, так что не только братья, но и отец твой станут тебе завидовать!

Вновь говорил царевич Мухаммед-Гирей:

— Пусть московский государь ко мне посла пришлёт с тайной грамотой про своё жалованье. И как узнаю я о его милости — с радостью поеду на Русь служить со всеми своими людьми!

И многие люди с Семёном Елизарьевичем так разговаривали, страшась гнева султана турецкого и царя московского, злобясь, что на турецкой службе добычи не взяли. Мальцев всем разумно советовал усердие великому государю показать.

Османское войско брело по пустыне отдельными отрядами, ибо источников и колодцев было мало и воды в них на большие полки взять было нельзя. Крымские провожатые заводили отряды в тесные места, в засады, и там турок, едва способных саблю поднять, убивали и грабили.

Спускались с гор черкесы — людей уводили в рабство и последних коней у турок отнимали. Налетали со всех сторон

ногаи — турок истребляли и с крымскими людьми бились крепко.

Но не все татары были султанским людям неприятели. Были и такие, что подвозили истощенных и на людей не похожих турок на своих конях, давали воду и заставляли мясо павших лошадей есть.

Были среди турок, особенно среди янычар, такие сильные люди, что весь путь — без еды и незнамо как воду добывая — преодолели. Две трети войска, что вышло из-под Астрахани, положило свои кости в степи, не более пяти тысяч знатных добралось в конце концов до Азова.

Надеяться удержаться в Азове турки не могли. После взрыва пороховых складов в стене зиял огромный пролом, большая часть города сгорела, основательно пострадала артиллерия. Оставшиеся в живых воины Касим-паши, с часу на час ожидая появления русских ратных людей, требовали срочно отправить их в Стамбул.

— А турские люди меж себя говорили, — записал московский дипломат, — однолично-де московские люди пришед, Азов и Кафу возьмут!

Касим-паша продолжал храбриться, даже послал великому визирю проект нового похода и план Астрахани. Ему и хану Девлет-Гирею приказано было принять яд. Однако заручившись ходатайством сестры султана Селима II и употребив для подмазывания нужных людей по 100 тысяч золотых, хан и паша спасли свои жизни.

Прочтя грамоту Касим-паши в присутствии русского агента, великий визирь Соколлу выругал своего ставленника и воскликнул в сердцах:

— И так Касим ходит в опале! Чего он лезет не в своё дело? Или ему не жаль своей головы? Ведь у него не две головы!

Что касается плана Астрахани, то он благополучно очутился в руках московских людей{31}.

* * *

Семён Елизарьевич наблюдал, как остатки турецкого войска грузились в Азове на корабли Мир-Серлета. Принятая Мальцевым на себя миссия была выполнена. Сам он оставался в плену, но покровительство крымской знати создавало достаточные условия для развертывания нового этапа дипломатической работы. Семён Елизарьевич знал, что, провожая глазами турецкие корабли, он передаёт наблюдение за ними в надежные руки людей, которые встретят флот по ту сторону моря. Не подозревал Мальцев лишь о

том, что злоключения османского войска ещё не окончены. Жестокий осенний шторм обрушился на флот Мир-Серлета вблизи береговых скал. Потеряв множество кораблей, капудан-паша пришёл в Стамбул только для того, чтобы навеки исчезнуть со страниц истории.

Меньше четверти отборных воинов, начавших первую большую войну в правление султана Селима, вернулось домой. Из янычар спаслось около 700 человек, да и те взбунтовались.

Тверь.
Гравюра из «Путешествия» А. Олеария

— Больше мы на Русь не пойдём! — заявили они султану. — Лучше всех нас казнить на родине, чем посылать в такой поход.

Высокая Порта была ещё очень сильна. Но зловещее предзнаменование уже бросило свой отсвет на правление султана Селима II.

Воспоминание о страшном поражении в войне с Русью жило долго. Более столетия Османская империя не осмеливалась открыто выступить против северного соседа. При одних слухах об объявлении русскими войны в Стамбуле начиналась паника. После поражения турок под Астраханью заметно вырос авторитет Руси в Западной Европе. Особенно ликовали Италия и другие земли Средиземноморья. Облегченно вздохнули многие государства Кавказа и Закавказья, искренние поздравления прислал в Москву персидский шах. Даже польский король, продолжавший войну с Московским царством, наотрез отказался

объединять силы с султаном или пропустить турецкие войска на Русь через свою территорию.

Султан Селим II трепетал. Уступка Азова и городов Северного Причерноморья, которые казались уже завоеванными московским царем (настолько очевидна была возможность их сдачи), представлялась Стамбулу не самой большой из ожидающих его потерь. Нарушая традицию, султан даже не выступил в поход с войсками, направленными для сокрушения ненавистной Венеции: он терпеливо ждал очередного шага Москвы. И вскоре дождался.

Зимой в Стамбул прибыл Иван Петрович Новосильцев с царской грамотой, датированной 13 ноября 1569 года. Иван Грозный вежливо упрекал султана, что тот не известил его о своем вступлении на престол, с чем московский царь любезно поздравил османского владыку, предлагал иметь между двумя высокими престолами дружбу, братство и крепкую любовь. Далее царь мелочно жаловался на интриги польского короля.

Самое важное содержалось в конце грамоты. Отметая всё, что было известно Посольскому приказу о длительной подготовке Османской империи к войне с Русью, Иван Грозный счел события 1569 года результатом «злодейского заговора».

— Что за лихие люди меж нас с тобою ссору чинили? — вопрошал тиран, и в этих словах читался приговор многим.

* * *

Главный виновник того, что российские пределы избегли опустошения и карта Восточной Европы не была перекроена, князь Пётр Семёнович Серебряный-Оболенский был обречён. Но исторические события редко выстраиваются в прямую линию, и судьба на некоторое время уберегла победителя турок, находившегося в далекой Астрахани. Иван Грозный не стал приносить свои грандиозные замыслы в жертву хронологической последовательности и начал пока без Серебряного, благо «заговорщиков» хватало.

Князь Владимир Андреевич Старицкий стоял под ударом турецкого наступления по Волге. Наступление не удалось, и он был жив. Немедленно по получении известия о крушении османских планов Иван Грозный приказал схватить своего двоюродного брата и доставить в Александрову слободу. Отступающие турки ещё не достигли Азова, а Владимир Андреевич с женой и младшей дочерью был уже отравлен на последней ямской станции перед Слободой. Через несколько дней повелением Грозного была взята из монастыря и задушена мать

Владимира Андреевича, старица Евдокия, убит один из виднейших русских военачальников боярин Иван Турунтай-Пронский.

Тем временем царь Иван строго секретно вел подготовку опричной армии к военному походу. Войска выступили в декабре. Государь сам руководил военными действиями. Для обеспечения секретности на много верст впереди, позади и по сторонам войска шли облавы, убивавшие всех встречных от мала до велика. Неожиданным ударом был начисто уничтожен Клин. За ним последовали Торжок, Тверь и Вышний Волочёк. Население удалось вырезать практически без потерь со стороны наступающих.

Это вселяло в царя и его армию бодрость и уверенность в своих силах. 2 января 1570 года полки Грозного достигли Великого Новгорода. Им предстояло нелёгкое дело. Вокруг города следовало сомкнуть сплошное кольцо стражи и крепких застав, чтобы ни один «неприятель» не убежал.

Необычайно сложна была задача уничтожения многочисленного населения. Даже способ глушения (когда оглушенных сбрасывали с моста в Волхов, а воины на лодках добивали случайно всплывших) оказался недостаточно производительным. На то, чтобы очистить город от людей (в дальнейшем в Новгород были поселены жители из других мест), потребовались недели.

Ещё сложнее была борьба с сельскими новгородцами. Отлично организованные карательные рейды позволили прочесать местность на 200–300 км вокруг Новгорода. Тем не менее кое-кто из жителей успел бежать или спрятаться «в похоронках». Грозному приходилось возлагать надежду на то, что после сожжения хлеба и убоя всего скота и птицы, даже домашних кошек и собак, спасшиеся от опричных ножей погибнут от голода и эпидемий.

Вражеское нашествие и военное разорение обычно начиналось с границы — следовало поэтому вырезать гарнизоны и население пограничных крепостей. Но войска устали. После разгрома Нарвы и Ивангорода во Пскове поход пришлось прекратить.

Несмотря на некоторую незавершенность резни, Иван Грозный одержал грандиозную победу над своим народом. Никогда ещё Великий Новгород не подвергался такому полному опустошению, никогда со времен нашествия Батыя русские города не стирались с лица земли столь основательно и безжалостно. Никакому султану не удалось бы совершить то, что в столь короткий срок и почти без потерь в войске осуществил

московский царь.

Гордость полководческими успехами, по-видимому, на время притупила память Ивана Грозного. 22 мая 1570 года князь Пётр Серебряный был даже назначен Земщиной на охрану берега Оки от крымского хана. Впрочем, уже 25 числа это назначение было отменено. Серебряный оставался на Москве в опале.

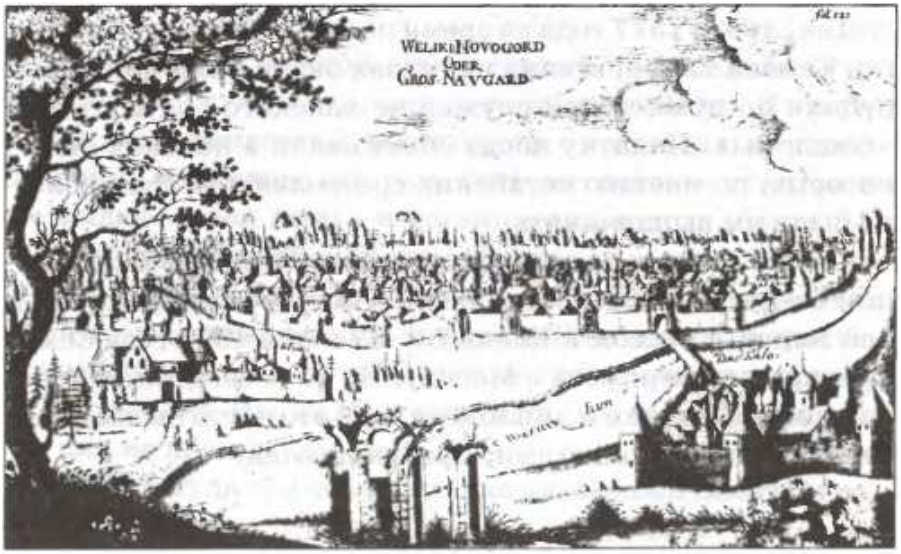
Грозный вновь был занят, готовя грандиозное зрелище уничтожения большого количества «московских изменников» 116 разными способами казни. Репрессии продолжались, но не выходили за пределы обычного судебного произвола и внесудебной расправы, доносов с целью устранения соперников и вымогательства имущества.

На Ильин день, 20 июля 1570 года, царь Иван Васильевич обедал с опричниками в Александровой слободе. Он скушал первое и задумчиво ковырнул ножом вторую перемену блюд. Вдруг царь вздрогнул. Казалось, кусок остановился у него в горле. Вскочив из-за стола и закричав: «Идите все за мною!», — Грозный бросился во двор и велел немедленно подавать коней.

Вскоре корпус опричников летел за царем к Москве. Не останавливаясь, ворвались они в столицу, где царь потребовал к себе всех наличных стрельцов. Их собралось полторы тысячи. Велев опричникам и стрельцам стать в боевой строй, Грозный как воевода повёл их к дому князя Серебряного. Вскоре дом был надежно окружён и войско приготовлено к штурму.

Пётр Семёнович, накинув парадный кафтан, сошёл с крыльца и стал против царя, смело глядя ему в глаза. Не говоря ни слова, Грозный дал знак. Выскочивший из царской свиты сотник подбежал к князю и саблей срубил ему голову. Несколько успокоившись, Иван Васильевич прошёл в дом. Он походил по комнатам, отбирая для себя самые лучшие и ценные вещи князя Серебряного, а остатки отдал на разграбление толпе.

Выйдя на улицу, царь ещё постоял немного, слушая крики убиваемых и насилуемых, потом велел поджигать, дабы ничего от Серебряного-Оболенского не осталось и память о нём погибла. В летописи следовало внести соответствующие исправления.



Великий Новгород.
Старинная гравюра

И сие содеяв, обратился царь на иную сторону града Москвы. Он убил дьяка Мясоеда Семёновича Вислого, оплакивавшего повешенную ранее жену, приказал перерезать полтораста польских пленных и совершил иные «государственные» дела.

Руководитель Семёна Мальцева, Афанасия Нагого, Фёдора Писемского и других русских дипломатов дьяк Иван Михайлович Висковатый вместе с сотрудниками Посольского приказа, которые слишком много знали, удостоился особой чести уже через пять дней, 25 июля. Он был казнён путем отрезания небольших кусочков тела ножами, по суставам, чтобы в казни могли принять участие все желающие из придворных. Прочие, с женами и детьми, были замучены другими способами.

Мальцев избежал этой участи: он пережил в плену козни, войну и сожжение Москвы ханом Девлет-Гиреем. После победы Воротынского при Молодях он был отпущен на Русь и продолжал службу в Посольском приказе. Великое разорение страны зверствами Ивана Грозного не прошло незамеченным соседями. Некогда высокий авторитет русского посла был утрачен.

Так, летом 1577 года во время посольства в Большие Ногаи Семёна Елизарьевича на глазах знати били плетьми и рубили по руке саблей служащие ханского брата, требуя «пошлины». Палатку посла обыскивали в поисках денег, которые, по мнению ногайских сребролюбцев, Русь обязана была им выплачивать.

Тем не менее и из этой поездки Мальцев привёз ценнейшие сведения о взаимоотношениях ногаев с Сибирью, Средней Азией, Крымом и Кавказом. 27 июля 1577 года Семён Елизарьевич

вернулся в Москву. На этом сведения о гениальном разведчике и дипломате, как это часто бывает с его современными коллегами, прекращаются.

Часть третья
Разлом

Глава 1
Бешеный зверь — ничтожный гад

Царь Иван против своей страны

Кровавые татарские походы на Русь 1571 и 1572 годов показали, сколь дорогой ценой заплатило население Русского государства за укрепление самодержавия. Политика массовых репрессий, переходящих в геноцид, внутренняя война опричного корпуса, систематическое уничтожение выдающихся людей и организация голода, безумные затраты сил и средств на отвоевание в Ливонии королевства для герцога Магнуса (которому Грозный щедро отдал в жёны дочь отравленного им брата Владимира) и фактическое попустительство мусульманской агрессии на юге — все эти усилия Ивана IV и выпущенных им на волю чёрных сил не прошли даром.

Страна вступала в период, метко названный Великим разорением. Хлеб не родился, земля лежала «впусте». По пепелищам некогда многолюдных деревень и сёл ходили волки и медведи. Торговля упала. Свирепствовали эпидемии. Обнищавшее дворянство, оставшееся, как в сказке «Дикий помещик», без рабочих рук, массами бежало из армии. «Нетство» — отказ от военной службы — приобрело грандиозные масштабы. Для ежегодного сбора полков по израненной Руси шныряли карательные отряды, под конвоем волочившие ратников на сборные пункты. Угрозы мало помогали — служить было «не с чего».

Торжество кровавой тирании и опричного произвола власть принимала за укрепление государства. Чем меньше сил оставалось у униженной и оскорбленной Руси, тем наглее и авантюристичнее вело себя самодержавие на международной арене. Окруженный холопами и опьяненный успехами по обращению в рабство своей страны, Иван Грозный всё более и более утрачивал чувство политической реальности. После катастрофы на юге он вёл страну к поражению на севере.

Казалось, до этого ещё далеко. Значительная часть Ливонии была занята русскими войсками, отняты древнерусские земли у шведского и польского королей. С Речью Посполитой, образовавшейся в 1569 году из королевства Польского и великого княжества Литовского, было заключено перемирие. Более того, после смерти Сигизмунда II Августа Речь Посполитая в 1572 году прислала в Москву послов, объявляя о своём желании видеть королем польским и великим князем литовским царевича Фёдора

Ивановича (будущего московского царя). Этим шагом, передавал волю польской и литовской Рады гонец Воропай, соседние славянские государства укрепят дружбу и смогут объединить силы для защиты своих пределов от общих неприятелей.

Удивительные речи услышал в ответ посланец Речи Посполитой! Иван Грозный изволил не уразуметь, что речь идёт о его сыне.

«Если паны захотят меня взять в государи, — говорил царь, — то увидят, какого получат во мне защитника и доброго государя. Не будет тогда выситься сила поганская, и ни одно королевство против нас не устоит, не устоит и сам Рим.

В вашей земле многие говорят, что я зол (ничего подобного гонец не говорил. — *Авт.*). Правда, я зол и гневлив. Однако пусть меня спросят: на кого я зол? Неудивительно, что ваши паны людей своих любят{32}; а мои люди подвели меня к крымским татарам, которых было 40 000, а со мною только 6000: равно ли это? При том я ничего не знал о татарах. Хотя бы моим воеводам и трудно было одолеть такого многочисленного неприятеля, однако пусть бы, потеряв несколько тысяч своих людей, принесли ко мне хотя бы плеть татарскую — я и то с благодарностью бы принял{33}.

Я не силы татарской боялся, но видел измену своих людей и потому своротил немного в сторону от татар. В это время татары вторглись в Москву, которую можно было бы оборонить и с тысячью человек. Но если большие люди оборонять не хотели, то меньшим как это было сделать? Москву уже сожгли, а я ничего об этом не знал. Так разумей, какова была измена этих людей против меня! Если кто и был после этого казнён, то казнён за свою вину. Спрашиваю у тебя: у вас изменника казнят или милуют? Думаю, что казнят{34}.

А если Богу будет угодно, чтоб я был у вас государем, то наперед обещаю сохранить все шляхетские права и вольности и, смотря по надобности, дам большие.

Изменники мои, которые уехали из моей земли в вашу, могут убежать в орду или в Турцию. Пусть паны ваши постараются задержать их, а я, клянусь Богом, не буду им мстить. Курбский отнял у меня жену (?!), а я свидетельствую Богом, что не думал его казнить. Пусть ваши паны отнимут у него владения и смотрят, чтобы он куда-нибудь не ушёл.

Я за Полоцк не стою со всеми его землями, уступлю и своё московское, пусть только уступят мне Ливонию по Двину, и заключим мы вечный мир с Литвою.

У меня только два сына, как два глаза. Отдать на королевство кого-нибудь из них всё равно, что из человека сердце вырвать».

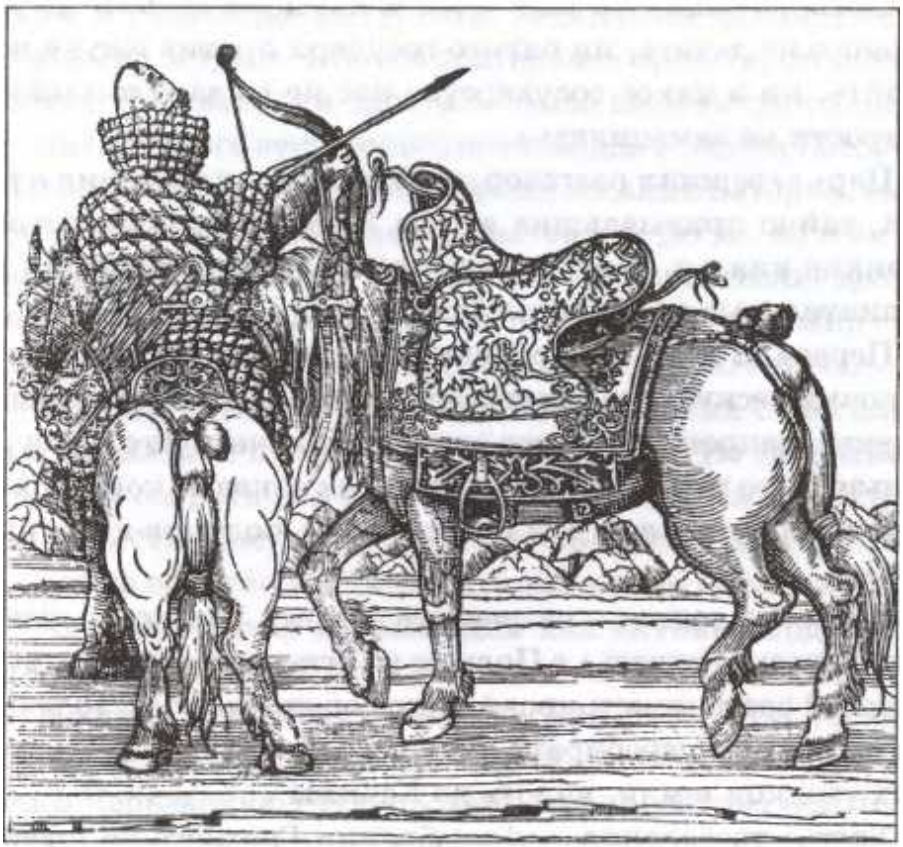
В заключение Грозный высказал недвусмысленную угрозу протестантам, которых в Польше и Литве было довольно много, и предложил панам немедленно отправить к нему большое посольство.

* * *

Через год в Москву приехал литовский посол Михаил Гарабурда с конкретными условиями избрания на королевский престол или царевича Фёдора, или, согласно желанию Грозного, самого царя. Но напрасно было бы думать, что московский государь станет вдаваться в обсуждение условий. Посвятив им несколько слов, он повёл пространную речь в оскорбительном тоне.

«Зачем я вам дам сына своего, князя Фёдора, к убытку для своего государства? Гораздо лучше, если б я сам был вашим государем! И то не годится, что по смерти государя государство не принадлежит потомкам его, — так нельзя, так мы сына своего не дадим.

Что с того, что немецкий император и французский король прислали к вам, выдвигая своих царевичей? Нам это не в пример. Кроме нас да турецкого султана нет государей, чей род царствовал бы непрерывно двести лет, потому другие и выпрашивают у вас почести!



Русский всадник и конь.
Гравюра XVI в.

Русский государь будет у вас с условием, что Польша и Литва вечно будут владением нашего рода, соединятся с нашим государством и Киев вы уступите нашему государству. Писаться же будете в моём титуле после других земель так: «Божиею милостию господарь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, киевский, владимирский, московский, король польский и великий князь литовский и великий князь русский, Великого Новгорода, царь казанский, царь астраханский» и т. д.

А если бы великое княжество Литовское захотело нашего государствования одно, без Польши, то это нам ещё приятнее. Я бы ездил к вам время от времени с опричниками и с детьми, потому что дети не могут без нас оставаться.

Ездить в ваши государства трудно, так что лучше выберите на королевство императорского сына, а с нами заключите мир — и нам это спокойнее, да и землям также. Но если Польша и Литва не хотят императорского сына, а хотят нас, то мы согласны быть их государем. Только паны должны поклясться над нами и

нашими детьми ничего дурного не делать, ни одного государя против нас не подводить, ни в какое государство нас не выдать и никакой хитрости не замышлять».

Царь завершил разговор, сообщив послу сведения о людях, тайно призывавших его на Литовское государство в великие князья. А вдогонку Гарабурде посланы были дополнительные требования Грозного.

Первое из них — короноваться на корону польскую и великокняжескую «по христианскому обычаю» православной Церкви, запретив в это же время католическую службу, — нельзя было рассматривать иначе как отказ от короны в самой оскорбительной для большинства поляков-католиков форме.

Второе условие — разрешить самому Грозному «выбирать и высматривать» в Польше и Литве жён себе и сыну — лишний раз демонстрировало его горячечное сластолюбие, заставлявшее перебирать жён (своих и сыновних) из разных уголков земли, вплоть до Кавказа{35}.

Третье требование — по избрании Грозного на престол дать ему свободный выезд из Речи Посполитой, когда между «государем» и «землёю» «учинится мятеж», — напоминало о склонности царя к войне со своими подданными и трусости Грозного, чуть было не убежавшего и из России.

Снабдив таким «капиталом» сторонников союза с Россией, Грозный не послал своих людей на сейм, чтобы хотя бы помочь избранию имперского принца, за которого на словах выступал. Королем избран был французский принц Генрих Анжуйский, вскоре покинувший Польшу ради борьбы за власть во Франции (1574).

На новый избирательный сейм из Москвы поехал лишь «легкий» гонец, который, в отличие от послов других государств, не мог даже выступить. Между тем положение на сейме было острым. Против эрцгерцога Эрнеста, сторонника мира с Московским царством, была выдвинута кандидатура знаменитого венгерского полководца Стефана Батория.

Программа, оглашенная на сейме послами Батория, была проста: сохранить все права магнатов и шляхты, во всём сообразоваться с их волей и заплатить все королевские долги; лично предводительствовать войсками; сохранять мир с татарами и турками, выкупив у них польских пленных.

Ударным пунктом программы была война с Москвой. Баторий обещал привести в Речь Посполитую закалённое воинство, собрать под свои знамёна многоплеменные полки и нанести Московской Руси сокрушительное поражение, отбив обратно всё, что было завоевано русскими!

Турецкий султан и крымский хан активно поддерживали эти намерения. Они не только оказывали финансовую и дипломатическую помощь Баторию, но и послали свои войска в страшный набег, разоривший Подолие, Волынь и Червенскую Русь, продемонстрировав актуальность его программы примирения с басурманами.

Против немецкой кандидатуры и за полководца Стефана Батория выступила и сильная в Речи Посполитой профранцузская партия. Сторонники Московской Руси, связанные заносчивым поведением царя, мало что могли противопоставить своим противникам.

А тут ещё на сейме громогласно выступила шведская делегация, призывая к войне с Москвой. Надо сказать, что шведы имели все основания вкладывать максимум энергии в этот призыв, упустив Нарву и расходуя немало средств на оборону Ревеля, перешедшего к ним после распада Ливонского ордена. Тем более что Иван Грозный отвергал мысль о разумном решении споров путем переговоров, несмотря на то что дела Руси в Прибалтике шли далеко не благополучно.

13-недельная осада Ревеля русскими войсками под бездарным командованием герцога Магнуса в 1570 году окончилась неудачно. Дания отказалась от союза с Грозным и заключила мир с новым шведским королем Иоанном (Юханом) III; бесноватый король Эрик IV был свергнут. С ним канул в лету «договор» о полюбовном разделе Ливонии и предоставлении Грозному в постель жены Иоанна III Катерины Ягеллон. Даже сожжение Москвы не образумило Грозного, и в конце 1571 года он предложил шведским послам: уступить без войны Эстонию; выдать денежную контрибуцию и 200 конных воинов в полном вооружении; свободно пропускать на Русь товары и людей из Западной Европы. Послы согласились на перемирие, столь необходимое Москве, принимая все условия, кроме первого.

Как бы испугавшись возможного мира, царь выдвинул уже совершенно сумасбродные требования: король должен был заключить с Русью союз против Речи Посполитой и Дании и поставлять ратников в русскую армию, наконец, прислать в Москву свой герб для включения Швеции в число владений царя московского, перечисленных в его пространном титуле[29].

В послании королю от 11 августа 1572 года Иван Грозный перешёл к прямым оскорблениям, говоря о «недоуметельстве», «глупостех», «безумии» и «воровстве» Иоанна III, сравнивая его с «гадом» (змеей). Царь посылал суверенному монарху «повеление, как тебе нашей степени величество умолить» (упросить), обещал, как холопа, «смотря по твоему покоренью, пожаловать».

Как бы ни опасался Иоанн III продолжения войны, он вынужден был отказаться от подобных переговоров. В конце 1572 года русские войска с большими потерями взяли крепость Вейсенштейн и сожгли захваченных в ней пленных. 6 января 1573 года Грозный отправил в Швецию ещё более жесткое послание, не преследуя никаких конкретных целей, кроме оскорбления соседа. То, что Иоанн III желал иметь переговоры с самим московским царём, а не с пограничными воеводами, Грозный называл «безлепицей» и даже более оскорбительно: «и то смеху подобно».

— А то ты крови желаешь да безделье говоришь и пишешь, — диктовал царь своим писцам. — Ты неразумен; ты не розсудя писал, а мы тебя жалуючи пишем.

«Шведская земля честью ниже иных государств», — утверждал Грозный, повторяя королю на разные лады: «Ты мужичий род!»

Многократно оскорбив королевских предков, царь указывал, что «тебе потому нельзя ровнятися с великими государи», что суверенам стыдно общаться с таким низким человеком, как король, который на деле суть «страдник» — землепашец.

— И ты нам покорися и поддайся, — требовал царь, — и что будет пригоже, тем нас почти, и мы тебя пожалуем… А ты, взяв собачий рот, да хошь за посмех лаяти — ино то твоё страдничье пригожество; тебе то честь, а нам, великим государем, с тобою и ссылатися безщестно, а лая от себя писати и тово хуже, а с тобою перелаиватися — и нам на сём свете тово горее и нет.

— И будет похошь перелаиватися, и ты себе найди таковаго же страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся!.. Отныне, сколько ты не напишешь лая (посланий самому царю, а не пограничным воеводам. — *Авт.*), мы тебе никакого ответа давать не будем, — закончил Грозный[30].

Шведам пришлось заключить, что с Грозным можно разговаривать только силой оружия. И действительно, как только генерал Клаус Тотт одержал победу над русскими воеводами в сражении близ Лоде (Колувере), царь сменил гнев на милость и прислал вполне вежливую по тону грамоту.

Между Финляндией и Новгородскими землями удалось заключить двухлетнее перемирие (1575–1577), но в Эстонии война продолжалась; там русские взяли Пярну и готовились к решающим боям. Швеция спешно искала союзников, не видя иного выхода из войны, кроме победы или гибели государства.

На сейме в Речи Посполитой посол Иоанна III произнес пламенную речь об оскорблениях, наносимых московским царём всем соседям. От имени короля он объявил, что Швеция дает треть всех собираемых податей для войны с Москвой и простит

все польские долги ради объединения сил против общего врага.

Среди предложенных шведами вариантов политического решения проблемы выбора короля и союза против России хитрейшим ходом стала кандидатура Анны, сестры последнего Ягеллона — Сигизмунда III Августа — и одновременно сестры шведской королевы, что позволило сторонникам войны с Россией объединиться. 14 декабря 1577 года шляхта провозгласила королевой Анну с условием, что она выйдет замуж за Стефана Батория. Скороустремительный полководец тут же поспешил в Польшу к свадебному и королевскому венцу, а затем и на войну с Россией.

История ещё могла сложиться иначе: ведь 12 декабря другой частью сейма на престол был избран император Максимилиан, а могущественнейшие литовские магнаты, забыв на время междоусобную вражду, ещё раз решили оказать поддержку Ивану Грозному против Батория. И тот и другой монархи обманули надежды своих сторонников, противников войны с Московским царством, и не предприняли ровным счетом ничего, чтобы помешать будущему разорителю Руси утвердиться на престоле.

* * *

Это было крупное внешнеполитическое поражение, но ещё не катастрофа. Стефан Баторий умел учитывать реальную расстановку политических сил, а потому не спешил развязать обещанную войну на востоке. Прежде всего он стремился объединить вокруг себя Речь Посполитую, учитывая, сколь сильны были ещё позиции сторонников мира с Москвой, а также влиятельную австрийскую партию.

Кроме того, против короля поднялся город Данциг (Гданьск), Баторий вынужден был его осадить. С Русью он желал сейчас мирных отношений и послал в Москву посольство, которое было принято с обычными для Грозного выпадами по поводу родства соседнего короля.

За политической ошибкой вскоре последовало преступление. Отправив 50-тысячную армию на осаду Ревеля, Иван Грозный в 1577 году кровавой метлой прошел по Ливонии. Под его личным руководством войска творили ужасающие злодеяния, повторяя то, что уже проделывали в своём Отечестве. Города и сёла стирались с лица земли, жители поголовно вырезались или угонялись в плен.

Не только ливонские анналы, но и русские источники свидетельствуют о зверствах царских карателей. Даже

прославлявший Грозного автор «Повести о прихождении литовского короля Стефана… на великий и славный богоспасаемый град Псков» признавал, что именно поход 1577 года заставил неприятелей объединиться против Руси.

«Которые города силою брали — тех жители никакой пощады и милости не получили, — писал автор „Повести“. — Города, жители которых, надеясь на многолюдие и крепость стен, крепко вооружались на осаду, повелел государь до основания разрушить, а всех жителей с женами и детьми умёртвить разными мучительными способами, чтобы и другим страшно было… Лифляндскую землю царь всю повоевал, многие города взял, их жителей в плен отвел, богатство же их, и бесчисленное золото, и серебро, и ткани всякие в царствующий град Москву прикати».

Устрашить эстонцев, латышей и немцев Грозному удалось. Но если ещё в прошлом 1576 году многие города сдавались русским без боя и затевали в честь победителей пиры и танцы, то теперь, когда почти вся Прибалтика, за исключением Риги и Ревеля, оказалась в руках царя, а освободители превратились в кровавых завоевателей, народы Ливонии стали подниматься на борьбу. С вольного отряда Иво Шенкенберга из 400 человек стало разрастаться широкое движение прибалтов против захватчиков.

Огромная русская армия была после двухмесячной осады отброшена от стен Ревеля. Гарнизон Вендена даже после падения города три дня защищал цитадель и решил взорвать себя, «чтобы, — по словам С. М. Соловьева, — не ждать мучительной смерти и не видать, как татары будут бесчестить их жен и дочерей. Духовенство одобрило это решение, и 300 человек… взлетели на воздух. Жители города испытали то, от чего осажденные в крепости избавились добровольною смертию»[31].

Значительная часть жителей бежала на территории, ещё остававшиеся у шведов и литовцев, чтобы продолжать борьбу. Они умоляли короля Стефана прийти им на помощь, избрав ходатаем известного своей справедливостью князя Курбского; аналогичные просьбы обращены были и к королю Иоанну III. Баторий, между тем, в конце 1577 года покончил с данцигской проблемой и с интересом наблюдал, какое впечатление производят лифляндские зверства Ивана Грозного на группировку сторонников мира с Москвой в его королевстве.

Тем не менее и тогда он ещё не был уверен в своих силах и отправил на Русь посольство с целью умиротворения в Ливонии и заключения вечного мира. Оно было принято в Москве в январе 1578 года грубее прежнего. Условием мира Иван Грозный назвал уступку королем Ливонии, Курляндии и Полоцка, Киева, Канева и Витебска, потому что, по его словам, «корона Польская и великое

княжество Литовское — наши вотчины»!

— Тебе, — отвечал царь королю, — было в Лифляндскую землю вступаться непригоже, потому что тебя взяли с Седмиградского княжества на корону Польскую и на великое княжество Литовское, а не на Лифляндскую землю… Князья и короли польские были в равенстве, в дружбе и любви с князьями галицкими и другими в той украйне, о Седмиградском же государстве нигде не слыхали. А государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть непригоже, а захочет с нами братства и любви — так он бы нам почёт оказал.

В отличие от «басурманских владык», король для Грозного был только «соседом», но не «братом», причём соседом, недостойным, по словам царя, того государства, на правление которым он был избран.

Новое неспровоцированное оскорбление короля и всего государства было немедленно использовано Баторием на сейме, который уже в феврале собрался в Варшаве. Острейший вопрос о том, следует ли начать войну с Крымом или Москвой, был подавляющим большинством решён против Москвы. В едином порыве шляхта и магнаты даже назначили большие военные поборы на снаряжение сильной армии.

Но и это не означало неизбежности большой войны. Король чувствовал шаткость своего положения, и шляхта, особенно пограничная литовская, по размышлении не очень-то стремилась становиться под его знамена. Чашу весов был способен поколебать успех той или иной стороны. Играя на руку Баторию, Иван Грозный чем круче распалялся на словах, тем более кроток был на деле; посылку больших полков в Ливонию в 1578 году он отменил вовсе!

Слабые и ещё плохо организованные литовские войска в Ливонии получили возможность перейти в наступление. Они брали город за городом и наконец захватили многострадальный Венден. Российские войска были не только оставлены без подкреплений, но и деморализованы. Герцог Магнус перешел на сторону Батория.

Шведы напали на Нарву и даже, без соглашения «высоких персон», объединились на поле битвы под Венденом с литовскими полками. Совместными усилиями русская армия была разгромлена, причём четверо воевод с конницей бежали с поля боя, бросив своих, четверо попали в плен; пушкари, сражавшиеся до конца, покончили с собой[32].

Эту победу Стефан Баторий смог максимально использовать для воодушевления рыцарства. Армия его быстро пополнялась польской и литовской шляхтой, венгерскими и немецкими

наемниками. К лету 1579 года отборные полки короля насчитывали около 15 тысяч человек. Энергичная дипломатическая работа позволила королю урегулировать отношения с Крымом, получить обещание помощи от Османской Порты, заключить союзы с курфюрстами Августом Саксонским и Иоанном-Георгом Бранденбургским.

Настало время проявиться полководческому искусству польского короля. Подчеркивая свою приверженность рыцарским традициям, Баторий в июне 1579 года отправил в Москву гонца с официальным объявлением войны.

* * *

Готовясь к походу в Ливонию, Иван Грозный концентрировал войска в Пскове. Как стратег он значительно уступал Баторию и давно уже не слушал советов, которые, рискуя головой, осмеливались давать ему немногие спасшиеся от репрессий талантливые полководцы.

Отклонил совет польских панов и Баторий, отказавшись с 15 тысячами наступать на Псков через разорённую, усыпанную замками и городами Ливонию, оставляя Литву без прикрытия. Именно тогда, в июле 1579 года, на военном совете под Свирем Баторий сформулировал план военных действий в обход Ливонии по русским землям, чтобы со взятием Пскова отрезать всю эту территорию от Московского царства, не затрудняясь многолетней войной.

— Полоцк, лежащий над Двиной, есть ключ к Литве и Ливонии! — объявил король совету. — Через него обеспечивается судоходство, важное для обеих стран, особенно для города Риги. Это важнейший пункт и для дальнейшего наступления на Русь.

Убедившись, что Грозный угнал основные силы армии в Курляндию, Баторий в августе появился под Полоцком. Король не имел подавляющего перевеса в численности. Против 15 тысяч наступающих гарнизон Полоцка имел 6 тысяч воинов, не считая других русских отрядов, располагавшихся относительно недалеко. Но русская армия была уже не та, что прежде. Годы террора, Великое разорение, исчезновение с командных постов решительных полководцев сделали своё дело.

Российские войска с самого начала напрочь утратили инициативу. Осаждённые в Полоцке воеводы, лишь четвёртым среди которых был известный полководец Дьяк Ржевский, сумели организовать оборону и три недели сражались, ожидая помощи. Величайшее мужество проявляли жители. Женщины и старики

тушили пожары, спускаясь на веревках со стен за водой под жестоким неприятельским огнем.

Но подмога не приходила. Окольничие Борис Шеин и Фёдор Шереметев, посланные Грозным к Полоцку, испугались идти на прорыв и засели в крепости Сокол, пошаливая на королевских коммуникациях, но не вступая в бой с посланными против них отрядами Христофа Радзивилла и Яна Глебовича.

В безлюдной местности, при размытых сильными дождями дорогах воины Батория голодали и холодали. На совете большинство предлагало решительный штурм; король противился, не желая ставить всё на одну лишь карту.

— Буде приступ не удастся, — говорил Стефан, — что тогда будем делать? Не пришлось бы отступить со стыдом!

Однако осада затягивалась, и королю пришлось бросить под стены своих испытанных венгерских воинов. Деревянные укрепления были подожжены во многих местах и горели весь день. Наступления русских из Сокола, которого опасался король, когда столбы дыма поднялись в самое небо, не последовало.

Осмелев, венгерские латники и польская пехота без приказа устремились сквозь горящие укрепления в Полоцк, но были отброшены орудийным огнем из-за спешно выкопанного осажденными рва.

На следующий день новые пожары и атаки поколебали московских ратников; во главе с воеводой Петром Волынским гарнизон сдался на милость победителей. Только Дьяк Ржевский и владыка Киприан с немногими воеводами и ратными людьми отказались капитулировать и до последней возможности оборонялись в храме святой Софии.

Разграбив 30 августа Полоцк и спалив богатую местную библиотеку, Стефан Баторий обрушился на гарнизон Сокола, бросивший братьев в беде. После ожесточённых боев 11 сентября крепость пала. Русские были полностью вырезаны, велики были и потери королевских войск. Даже бывалые наёмники поражались завалам трупов вокруг стен и на улицах Сокола. Предприимчивые немцы «собацким обычаем» добывали из «лутчих» мёртвецов сало и желчь.

В это же время королевские войска взяли несколько окрестных крепостей. Знаменитый меценат князь Константин Острожский прошел войной по Северской земле до Стародуба и Почепа, Филон Кмита из Орши разорил Смоленщину. На шведском фронте московские войска поразили неприятеля в Ливонии, где имели подавляющий перевес, но не смогли воспрепятствовать разорению Новгородской земли.

«Слышав же сие царь государь, — по словам очевидца, —

кручиною объят быв, но токмо глаголаше: Воля Господня да будет, яко же Господу годе, тако и бысть». Вместо того чтобы принимать решительные меры для обороны своей страны, Иван Грозный, этот «бегун пред врагом и храня — ка», оправдывался перед королём, как холоп, утверждал, что «гордым обычаем грамоты мы к тебе не писывали и не делывали нечего».

Умоляя «позабыть те слова, которые прошли между нами в кручине и гневе», Грозный льстиво предлагал мир, соглашаясь отдать королю Полоцк, Курляндию и 24 города в Ливонии.

Опасность ещё только замаячила на западе, а царь уже позабыл свои донельзя преувеличенные заботы об авторитете самодержавия и строго наказывал послам терпеть любую нужду и неуважение, а «если станут бесчестить, теснить, досаждать, бранить — то жаловаться на это приставу слегка, а прытко об этом не говорить, терпеть!»

Король максимально использовал славу своих побед при подготовке к новым боям. Он нанимал профессиональных вояк из разных стран, жертвуя на это собственные деньги и занимая у частных лиц. Испытывая трудности с набором регулярной пехоты, Стефан осуществил смелую в его государстве реформу, привлекая в армию крестьян из королевских имений, которые по выслуге срока освобождались от крепостной зависимости. К началу кампании 1580 года армия Батория возросла до 50 тысяч, в том числе имела 21 тысячу европейски обученных пехотинцев, а также современную и сильнейшую, как казалось западным специалистам, артиллерию.

Трудно сказать о численности и боевых качествах армии, которую могла в это время выставить в поле Россия. В кампаниях 1580–1581 годов наличие такой армии просто не просматривается. Нельзя определить точно, не хотел или не мог Иван Грозный собрать по обычаю «большие полки». Обстоятельно известно одно: где бы ни появлялся неприятель, городовые русские воеводы оказывались брошены на произвол судьбы, не имея не только военной поддержки, но и сколько-нибудь ясных распоряжений, кроме одного — умирать. Это распоряжение особенно любопытно тем, что, отдавая его, Грозный с воодушевлением тянул свою любимую песню об измене, объясняя все поражения предательством воевод!

Столь опытный полководец, как Стефан Баторий, не мог не воспользоваться щедро предоставленными ему возможностями. Концентрируя силы и создавая в каждый момент подавляющий перевес, он бил русских воевод одного за другим. Первым пал, зажженный огненными ядрами, Велиж. За ним последовал Усвят.

Королевские войска обложили Великие Луки. Против 6–7-

тысячного гарнизона Баторий сосредоточил 35-тысячную армию. Русские ожесточенно оборонялись в горящем городе и были почти все уничтожены: спаслись лишь те, кто попал в плен к знаменитому канцлеру Яну Замойскому.

Взятием важной базы русских войск на западной границе успехи короля в кампании 1580 года не ограничились. Королевские отряды захватили пограничные крепости Себеж, Невель, Озерище и Заволочье. Не доходя до Торопца, корпус венгерской, польской и немецкой конницы князя Збаражского столкнулся с войском местного воеводы князя Хилкова. Русские потерпели поражение, но и неприятель понёс серьезные потери, заставившие его повернуть назад.

События под Смоленском показали, что Россия имела боеспособные войска, преступной волей царя рассредоточенные по множеству городов и лишенные возможности помочь друг другу.

Известный воевода Иван Михайлович Бутурлин, каким-то образом ускользнувший из-под опеки распоряжавшихся в Смоленске царя Симеона Бекбулатовича и Ивана Фёдоровича Мстиславского, с небольшим воинством напал на вторгшихся в Смоленский уезд поляков.

Оршанский воевода Филон Кмита с девятитысячным конным корпусом был разбит в сече у деревни Настасьино и хитроумным маневром пошёл в отход. Бутурлин не дал себя обмануть и на следующий день настиг Кмиту на Спасских лугах. Враг был разбит наголову, потерял шатры, 10 пушек и 50 больших пищалей, 370 пленных и большую часть войска убитыми.

Однако смелые действия Хилкова и Бутурлина были исключениями, лишь подчеркивающими картину общего развала военных сил Московского государства. Искалеченная опричным террором и стеснённая бездарным командованием армия в ходе зимней кампании оказалась способной лишь на разбойный набег. Обходя города, московские полки разорили земли вокруг Дубровны, Орши, Могилева и Шклова, возвратившись с добычей в Смоленск.

Тем временем королевская конница беспрепятственно прошла по течению Ловати почти до самого Ильменя, захватив и уничтожив города Холм и Старая Русса. Падение этих крепостей открывало путь к Новгороду и позволяло обойти Псковский пограничный район с востока.

Не дремали и шведы, 13 недель осаждавшие крепость Падис, которая давала русским берег Балтики близ Ревеля. Гарнизон крепости держался, несмотря на страшный голод. Защитники Падиса питались собаками и кошками, соломой и кожами, пока,

обессилев и не дождавшись помощи, не были перебиты. Понтус Делагарди взял Кексгольм, беспрепятственно перебросил войска в Ливонию и захватил Везенберг. Об активном сопротивлении московской армии не было и речи.

* * *

В результате военных успехов и захвата богатой добычи слава Стефана Батория возросла необычайно. Ещё не кончились бои 1580 года, а уж король заявлял:

— Не только Луки Великие восприму с окрестными градами, но и славный великий Псков поворочу, подобно жернову каменному, на свою сторону и буду в нём государем именоваться! Не может ни один город укрепиться или отсидеться от великого польского короля и множества храбрых литовских воинов. О мире даже и думать не хочу!

В феврале 1581 года на сейме король, при поддержке Яна Замойского, сумел настолько зажечь панов планами победоносной войны с Московией, что они приняли решение провести сбор налогов сразу за два года! Крестьяне были разорены, в стране царил голод, но шляхту это не смущало: впереди маячили богатая русская добыча, захват земель и рабов, рыцарские подвиги под знаменами непобедимого полководца.

— Нынешнее устремление моё на Русскую землю, — говорил Стефан Баторий, распуская панов с сейма, — должно быть ещё славнее и похвальнее прежнего, занеже пойду на славный град Псков. Вы же, любимые мои и храбрые воины, всего Польского королевства, великого княжества Литовского и моих подручных земель ярые и непобедимые витязи, разъезжайтесь по вотчинам и панствам, тела свои и крепкие мышцы упражняйте, могучим коням отдых давайте, ратные доспехи соделывайте и укрепляйте, на славный град Псков ратью всячески со мной уготовляйтесь! Имущие жён и желающие с ними во Пскове панствовать — пусть со своими пани и с детьми в путь готовятся!

Баторий не был бы Баторием, если бы ограничился призывом к магнатам и шляхетству. Его ставка была прежде всего на профессиональные наёмные войска. Хорошие солдаты стоили денег, и король денег не жалел. Помимо экстренного налога и многочисленных пожертвований, Стефан занимал деньги в Венгрии, у властителей Саксонии, Бранденбурга и Пруссии, заставлял платить ливонцев.

Ни один грош не залеживался в сундуках. Как кровожаждущие клопы, расползались по Европе вербовщики

польского короля, из многих стран текли к нему оружие и снаряжение. Королевское золото раздувало огонь в горнах и звенело молотами кузнецов от Вильно до Амстердама, от Стокгольма и Копенгагена до Вены и Белграда. В иные страны, писал летописец трагических событий, и во многие языки король слал грамоты правителям и военачальникам, а писал так:

«Король польский, князь великий литовский, русский, прусский, жемойтский, мазовецкий, князь семиградский и иных земель Стефан ближним моим друзьям и соседям (по имени называя каждого) на своем державстве радоваться!

Ведайте, о чем уже слышали, сколько пакостей сотворил я за два прошлых года русскому царю и сколько городов от его власти отнял, к своему высокому присовокупив державству; сколько в сразительном бою над его войском одоления показал; каким русским богатством обогатился и воинов обогатил, сколь землю свою наполнил несметными земли Русской сокровищами; какое унижение и страх Русской земле принёс и какую славу высокому своему королевству Польскому, и великому княжеству Литовскому, и всем моим подручным великим панам, гетманам и бесчисленным воинам преобрёл! То — было, и ныне о том же помышляю.

На высокой степени стою — к высшему и величайшему стремлюсь, как учат и пишут мудрецы: „Стоя на высоком холме, высочайшую и преизобильнейшую гору ищи и владеть ею начинай. Как лев, если держит зайца и видит верблюда, оставляет зайца и гонится за верблюдом“. Таким образом мудро и рассудительно все рассмотрев, в нынешнее лето больше прежних многосильным подъёмом подымаюсь на Русскую землю. Сам же дружеский совет даю своим друзьям и соседям ближним: если хотите — присоединяйтесь и подымайтесь со мной каждый со своим войском, да все вместе устремимся на Русскую землю, прежде всего — на славный великий град, именуемый Псков!

Именно о граде Пскове советуюсь с вами и сообщаю, что о нём слышал. Прежде всего говорят, что он очень велик, более того, укреплен четырьмя сплошными каменными стенами, прославлен в земле той и многолюден. Говорят, что прямо сквозь каменные стены течёт через Псков река, а по берегам её лежат бесценные и неисчислимые богатства. Ради великого града Пскова всех вас я сзываю в поход!

Захвачу этот великий град с окрестными городами, покрою себя величайшей многославной славой и вас с собою возвеличу, как советников моих и другов. Богатством многим в граде Пскове обогащусь безмерно, и вы, мои друзья, и все наши храбрые войска обогатятся. Всех пленных, знать псковскую и народ по

справедливости разделим, непокорных же многолюдных людей тамошних мечу предадим.

Назначив великих гетманов Пскову, здоровыми и славными победителями в Литовскую землю возвратимся и пойдём с великим богатством и множеством пленных по своим владениям. Русскому же великому князю конечное бесчестие и срам сотворим, великую кручину и вред вложим в сердце его сожалением о столь великом граде. Мы же во всю вселенную прославимся, что победили великого князя и славный его град Псков взяли!»

Пошли грамоты Батория по многим странам и землям, куда доносилась слава великого Пскова. Всюду знали о богатстве града и крепости его стен, но жадность была много сильнее страха и заглушала все опасения.

— Если и десять стен каменных окружают такое богатство, — говорили наемники, — не устоят они пред славным именем полководца, сможем своими хитростями и мудрым военным умышлением город взять.

Собирались наёмники к Баторию полками и эскадронами из многих земель. Предвкушая изрядную добычу, становились в ряды королевской рати воины литовские, польские, венгерские, мазовецкие, немцы имперские и ганзейские, датчане и шведы, французы, итальянцы и испанцы, знаменитые среди наёмников швейцарцы и шотландцы. Собрал король наёмных умелых воинов 60 тысяч, а шляхетских ратей 40 тысяч. Всего у него войска стало 100 тысяч человек, не считая торговцев и обозных.

С бешеной энергией и разумной распорядительностью Стефан Баторий формировал из этого контингента целостную боеспособную армию, обученную самым современным методам боя. Надо признать, что, хотя королю не случалось вступать на Руси в большое сражение, он вполне заслужил славу выдающегося полководца, создав Речи Посполитой одну из сильнейших армий Европы.

* * *

Что мог противопоставить Иван Грозный со своей холопской сворой этим мощным приготовлениям? Царь разрывался между яростью и страхом. Отправляя к королю посольство с просьбой о мире, Грозный требовал от русских дворян: «Если станут их укорять, или бесчестить, или бранить, или бить, то на укоризну, бесчестье и брань отвечать смотря по делу, что будет пригоже и как их Бог вразумит, слегка, а не браниться, против побоев

терпеть… если будут их на посольстве бранить или бить — говорить одно, чтоб дали посольство исправить, и ни за чем не останавливаться, самим не задирать и невежливых слов королю не говорить!»

Умоляя о мире, царь не мог сдержать свой подлый нрав и приказал замаскированно оскорбить короля, что-де тот «со вчерашнего дня государь». А московский царь, должны были говорить послы, — извечный государь: «Государю нашему братья турецкий цезарь и другие великие государи, и то нашему государю не важно, что с вашим государем писаться братом».

Должен разочаровать тех, кто в подобных выпадах склонен видеть гордость Ивана Грозного: празднуя труса, он готов был отказаться на переговорах даже от царского титула. «А если государь ваш не велел нашего государя царём писать, — должны были сказать послы, — то государь наш для покоя христианского не велел себя царём писать!»

Особенно ярко эти противоречия отразились в личном послании Грозного Баторию от 29 июня 1581 года. Грамота начинается с неумной шпильки, что-де он царь всея Руси «по Божию изволению, а не по многомятежному человечества хотению» (в отличие от адресата). Перечислив требования короля, Грозный довольно смело их отвергает, говоря: «Мы такого превозношения не слыхали нигде и тому удивляемся: то ныне мириться хочешь, а такое безмерье паны твои говорят, — а коли будет размириться, чего они потребуют?»

Но далее на многих страницах следуют мелочные оправдания царя перед королем. Царь скулит, как побитый пес, сетует на «изменников», благодаря которым якобы побеждает король (это особенно возмутило Батория), и даже апеллирует к справедливости! Это послание показывает, насколько Иван Грозный в парах пролитой крови и фимиаме восхвалений утратил политическую ориентацию, называя непозволительным для короля в международных отношениях именно то, что составляло основу его собственного поведения.

«А твои паны Рада (Сенат. — *Авт.*) говорили послам нашим, — сетует царь, — что ты на том присягал, что тебе Ливонскую землю добывать. И то христианское ли дело, для того присягать, чтоб за посмех, напрасно, хотя гордости, и корысти, и расширения государства, лить неповинную христианскую кровь?»

Местами в грамоте звучит такая благоглупость, что невольно возникают сомнения в способности Грозного контролировать свою речь. Ведь мог же он в письме 1569 года умолять английскую королеву Елизавету I о предоставлении ему политического убежища, когда царь сбежит от своих подданных, а

в следующем послании (1570) называть её «пошлой девицей», которой «владеют… мужики торговые». Вот и в грамоте 1581 года читается рассуждение, абсолютно не адекватное сложившейся на фронтах ситуации:

— А что ты присягал в том, что будешь добывать отнятые (у прежних королей. — *Авт.*) области и очищать Ливонскую землю, так же и паны твои между собой о том присягали, что им за то стоять, — ино то для неповинного кровопролитства христианского сделано по басурманскому обычаю. И тот твой мир знатен: ничего иного не хочешь, только бы христианство истребить, — мириться ли тебе и твоим панам с нами, воевать ли, только бы тебе желания свои исполнить на пагубу христианам. Ино то что за мир? То прелесть! А если нам тебе всю Ливонскую землю уступить, и нам в том убыток великий будет. Ино то что за мир, коли убыток? А ты ничего иного не хочешь, только бы тебе впредь быть сильнее нас. И зачем нам тебе самим против себя силу давать? А если ты силён и жаждешь крови христианской — то приди, пролей неповинную христианскую кровь и возьми.

Последнее предложение хотелось бы рассматривать как риторический оборот, если бы за ним стояла армия, собранная для защиты страны. Но в том-то и дело, что не формированием армии был озабочен Иван Грозный, и некому оказалось остановить победное шествие королевских полков по Русской земле. Это один вампир приглашал другого приложиться к чаше с кровью русского народа. Не армией грозил царь Стефану Баторию, а тем, что если тот начнёт на Руси кровопролитие, то царь с ним лет на 40–50 прервет переговоры! С нами, дескать, крёстная сила…

И у Батория хватало крёстных сил: и православных, и католических, и протестантских — на любой вкус. Не смущали его и жалобы царя, с удовольствием натравливавшего в свое время мусульман на Польшу и Литву, что война обессилит обе страны христианские на пользу нехристей.

Если Грозный и хотел умилостивить Батория, то добился прямо противоположного результата. Король был довольно грубый человек, закосневший в войнах и любивший пограбить, но имевший твёрдое представление об обязанностях правителя и полководца. Послание царя привело его в ярость. Более всего Стефан был взбешен циничным отношением Грозного к своим собственным подданным.

Король настолько вышел из себя, что нарушил дипломатический этикет. Королевская грамота называла царя московским фараоном, волком среди овец-подданных, ядовитым и ничтожным гадом.

— Для чего ты не выступил против нас с войском, — спрашивал Стефан, — для чего своих подданных не оборонял? И слабая курица перед ястребом и орлом птенцов своих крыльями покрывает, а ты, орёл двуглавый [ибо такова твоя печать], сам хоронишься!

Бросив Грозному это обвинение, король вызвал его на поединок, если тот действительно не хочет проливать крови христианской. Царь, разумеется, струсил. За гнусности власти должен был расплачиваться народ[33].

Испуг царя имел, однако, и одно благотворное последствие. Нет, царь не бросился собирать «большие полки». Но прежде верный методе топить инициативу талантливых полководцев в куче вышестоящих товарищей, Иван Грозный послал во Псков для обороны города ни много ни мало шестерых воевод: Василия Фёдоровича Скопина-Шуйского за главного, при нем в товарищах Ивана Петровича Шуйского, Никиту Ивановича Плещеева-Очина, Андрея Ивановича Хворостинина, Владимира Ивановича Бахтеярова-Ростовского и Василия Михайловича Лобанова-Ростовского.

Получив указ «биться… до смерти», сии многочисленные воеводы «яко истиннии раби обещаваютца своему владыце творити по его наказанью» и отбывают. Спустя некоторое время царя охватило спасительное сомнение, и он вызвал в Москву одного воеводу — Ивана Петровича Шуйского, чтобы передать ему единоличную власть над гарнизоном и жителями Пскова. Это решение оказалось историческим[34].

Глава 2
Псков

Народ с Иваном Шуйским

Главный воевода Пскова был сравнительно молод. Ещё юношей он участвовал в Полоцком походе (1563) в числе рядовых детей боярских. Хорошо проявив себя, князь Шуйский получил воеводскую должность в Кашире, где в 1565 году храбро действовал против татар.

На следующий год он командовал полком в Серпухове, затем надолго утвердился на Дону, в крепости Данькове, без устали сражаясь с бандами кравшихся на Русь татар. Там, в степном приграничье, Иван Петрович познал все тяготы защиты разоренной опричниками страны, с вечной нехваткой людей, плохим оружием и недостаточным продовольствием, против всё более усиливающегося неприятеля.

В 1571 году лазутчики даньковского воеводы первыми принесли весть о походе 120-тысячной орды Девлет-Гирея к границам Руси. Москва была извещена вовремя, но главные воеводы не спешили строить оборону. Маленькое войско Шуйского, получив приказ соединиться с полками князя Бельского, не было оповещено о перемене планов и поспешном отступлении больших полков. Иван Петрович мог лишь нападать на тылы неприятеля и в бессилии наблюдать беспрепятственное шествие хана к Москве и сожжение столицы.

Повторить столь страшное предательство Святорусской земли трудно было даже для Ивана Грозного. Волей-неволей на следующий год командные должности в армии пришлось дать сразу нескольким храбрым воеводам. Стоя с полками в Кашире, Шуйский вовремя подоспел на помощь Воротынскому под Серпухов и внёс свой вклад в разгром Крымской орды. Иван Петрович гнал хана до Усть-Лопасни и нанес крымчакам ещё одно поражение. К счастью, среди множества подвигов 1572 года мужественное ополчение Шуйского выделялось недостаточно, чтобы князь поплатился головой.

На следующий год воевода уже скрылся в водовороте Ливонской войны, начав свою деятельность с удачного штурма Вейсенштейна. Он становится одним из воевод Пскова и с перерывами командует псковским ополчением восемь лет, участвуя почти во всех кампаниях на севере, а время от времени отражая набеги татар на юге (например, в 1578 году у Сенькина брода на Оке).

Слава Шуйского растёт, угрожая его жизни, но опасность вокруг Пскова сгущается ещё быстрее. В 1579 году князь собрал земское ополчение в помощь Полоцку и пришел с ним в Остров, где велено было дожидаться царских полков. Полки не пришли, Полоцк пал, ополчение было распущено и на следующий год не участвовало в отражении страшного нашествия неприятеля.

Приспевало время ещё более свирепого вражьего нашествия, по христианскому же закону наступал Великий пост 1581 года. Призвав спешно доставленного из Пскова Ивана Петровича Шуйского, стал его царь расспрашивать об укреплениях города: как были усилены крепостные стены, какие пушки и в каких местах решено поставить, кто в каком месте будет руководить обороной и хватит ли людской силы, чтобы выдержать осаду.

Боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйский порознь и по чину все рассказал государю, какие меры приняты, объяснил. К сему же присовокупил богонадежные слова:

— Надеемся, государь, крепко на Бога и на необоримую крепкую стену — христианскую нашу заступницу истинную Богородицу, и на всех святых, и на твое государево царское высокое имя, что град Псков от литовского короля всякими укреплениями может отстояться!

Выслушал царь-государь речи Шуйского о многоукреплении псковской крепости, о твердом и неослабном стремлении воевод и воинов выстоять, о непреклонной вере всех жителей Пскова, стремящихся за Бога и своего государя, за государевых детей и православную веру, за свои дома, и жён, и детей умереть, но при жизни не отдать Псков королю. Пришёл Иван Грозный в восторг и омочил своё лицо слезами. Умилившись, сказал:

— Богу и сроднику своему, святому князю Гавриилу-Всеволоду, Псков град в руки передаю. Потом же и вам, боярам своим и воеводам, всем воинам и псковичам, если по своему обещанию сотворите, как к Богу и ко мне обещались, как истинным рабам{36} в руки град Псков передаю, чтобы укреплялись во Пскове, как кого Господь вразумит!

Шуйский стремился в это опасное время скорее во Псков, но при отъезде государь не оставил его наставлениями и поучениями, дав сверх того собственноручно подписанный подробный наказ, как следует за Бога и государя твёрдо умирать. Самому же Ивану Петровичу сказал Грозный такие слова:

— На тебе одном подобает мне всей той службы пытать, а не на иных товарищах твоих и воеводах. На тебе мне мимо всех искать, что во Пскове произойдет, взыскивать и за оборону, и за службу!

Знал Шуйский, что не терпит царь возражений, и потому

лишь поклонился и произнес:

— Как Бог благоволил и тебе, государю, изволилось, так и исполню, раб есми аз. И елико Господь с Богородицей наставят, всей душой врученную мне службу всесердечно истинно рад сослужить за город Псков!

Потом злообманный царь Иван, не веря никому, повелел Шуйскому в царствующем великом граде Москве в соборе Пречистой Богородицы перед чудотворным образом клясться всё делать по государеву наказу. Ещё раз поклялся Иван Петрович держаться в осаде стойко, вместе со всеми пребывающими во Пскове христианскими народами биться с врагом до смерти. За сим царь отпустил князя в Псков.

Король Стефан Баторий
Гравюра XVI в.

Вернувшись наконец в город, Шуйский спешно продолжил работу по его укреплению. Воевода собирался не помирать, а отстоять Псков и поразить врага. Ежедневно он объезжал стены и давал указания тысячам псковичей, вышедших на строительные работы. Веками подвергавшиеся опасности жители пограничного

города хорошо знали цену своей крепости.

Город опоясывали четыре каменные стены общей протяженностью около 10 километров. Все они были усилены массивными башнями с орудийными площадками, имели крепкие широкие зубцы и местами бойницы подошвенного боя. Господствующий над Псковом кремль гордо нес над рекой Великой могучие стены и башни, сложенные из серого плитняка.

Забегавшая в город река была перегорожена стеной с арочными проемами — «водобежными воротами», забранными в толстые деревянные решетки с железной оковкой. Ни одна мелочь не была упущена при подготовке к обороне.

Шуйский заботился не только о Пскове, но и об окольных городах, понимая их стратегическую важность. Воевода писал в пригороды, приказывая строить разнообразные дополнительные заграждения и усиливать крепости. Он стремился сделать всё возможное, чтобы вторгшаяся армия не смогла закрепиться на Псковской земле. По сёлам и соседним волостям были разосланы грамоты, приказывающие заблаговременно уходить в города с женами, детьми и всем имуществом. Все, что нельзя было вывезти, воевода призывал сжечь, вплоть до хлебных запасов.

Огромные массы людей размещались в городе, из способных носить оружие формировались отряды. Арсеналы были открыты, оружие раздавалось добровольцам. Для закупок продовольствия, вооружения и боеприпасов Шуйский собирал пожертвования с богатых купцов, церквей и северорусских монастырей.

В короткое время Псковская земля была мобилизована. Под знамёна Шуйского встало, по оценке неприятелей, до 50 тысяч пеших ратников и до 7 тысяч конницы. Все укрепления были разделены на участки под руководством воевод. Те, в свою очередь, поставили во главе обороны каждой башни и каждого прясла (участка, звена) стены особых командиров.

Стрельцам, дворянам, горожанам Пскова и крестьянам были отведены свои места у пушек, крупнокалиберных крепостных пищалей, котлов со смолой и других осадных хитростей, у бойниц, ворот и переходов. Отныне каждый камень псковских стен строго охранялся. Специальные отряды и подвижное войско были подчинены лично Шуйскому, вместе с ватагами землекопов и строителей.

Пока Иван Грозный писал во Псков грамоты, фарисейски взывая к Богу и неотступно требуя от воинских людей и псковичей неослабно и мужественно сидеть в осаде до последней невозвратной смерти, Шуйский с товарищами подавал защитникам города надежду и призывал их к ратному подвигу.

Поддержанный духовенством, воевода стремился зажечь

среди священного и воинского чина, горожан и крестьян спасительное единодушие, чтобы упование на победу пересилило страх, чтобы отчаяние не охладило сердца, но все единодушно встали на подвиг. Не напрасны были сии труды, но нашли близкий отклик у защитников древнего русского города, души и тела твёрже алмаза утверждая.

* * *

А с запада уже двигались на Русь сильные могучие королевские полки. Встав на границе, Стефан Баторий учинил своему войску генеральный смотр, назначил опытных и храбрых командиров.

Первой прошла перед королем лихая литовская конница Сторожевого полка со своими воеводами, прославившимися взятием Холма и Старой Руссы: князем Николаем Радзивиллом-младшим, воеводой новогрудским, и Филоном Кмитой, воеводой великолуцким.

Главную силу авангарда составлял Передовой полк. Картинно выезжала литовская шляхта в вышитых кафтанах и польская гусария в цветных жупанах. Гарцевали перед полком воеводы: князь Николай Радзивилл-старший, гетман великого княжества Литовского и воевода виленский, Евстафий Волович, подканцлер литовский и кастелян виленский, мужественный Ян Дорогостайский, воевода полоцкий, больше всех отличившийся при взятии сего города.

За авангардом выступали на Русь большие полки. В Правой и Левой руке красовалась тяжёлая литовская конница и гайдуцкая пехота. Правой рукой командовали Ян Кишка, жмудский староста и коронный кравчий, опытный в боях и дипломатии, и пан Мерхерий Шеметь, великий литовский кухмистр. Левую руку повели земский литовский подскарбий Ян Глебович, воевода минский князь Николай Сапега и надворный гетман, кастелян трокский, знаменитый полководец Христоф Радзивилл по прозванию Гром.

Никого из знатных князей и магнатов не назначено было в Большой полк, где всем заправлял славный в Европе канцлер Речи Посполитой и гетман великопольский Ян Замой — ский. Сам назначил он ротмистров и полковников в регулярные эскадроны и полки, что, сверкая сталью тяжёлых лат и громыхая коваными сапогами, тысяча за тысячей перешагивали границу Руси. Как неодолимая река, текло в строгом порядке войско Замойского, мерно колыхаясь необозримыми нивами

расцвеченных флажками копий и чёрных мушкетных стволов.

За Большим польским полком выступил Королевский полк Стефана Батория, сильнейший во всей армии. Цвет европейских наемников собрался здесь, презрев все другие возможности по части грабежа и убийства, отвергнув самые лестные обещания мародёрства из иных стран. Слетелись вороны со всего света, сложили в кучу знания и опыт, дабы град Псков выграбить и выпленить.

Излюбленные Стефаном Баторием полковники вели Королевский полк: гетман венгерский Бекеш, великий литовский маршалок князь Николай Христоф Радзивилл и родич его, надворный литовский маршалок князь Альбрехт Радзивилл. Сам король ехал при своём полке, любуясь сноровкой опытных солдат.

А позади армии грохотала окованными в железное узорочье колёсами высоких станков лучшая, какую только видели в Польше и Литве, Венгрии и Германии, артиллерия, влекомая четвёрками и восьмёрками добрых ломовых лошадей. Командовал пушкарями сам Юрий Зиновьев, опытный воевода, что не раз подпаливал горячими ядрами туркам бороды, а немцам усы. В последние годы много навострился он поджигать калёными ядрами русские города и жаждал показать своё умение на Пскове.

Увидев разом бесчисленные королевские полки, шествующие во всеоружии под плеск тысяч шёлковых знамен, возликовали король и паны.

— Не только Псков-град силою возьму со всеми пригородами, — воскричал в гордыне Баторий, — но и Великий Новгород со всеми пределами новгородскими!

Так же и приближенные вторили королю, распаляя Стефана на кровопролитие:

«Увидав бесчисленное войско твоё, все пребывающие во Пскове люди убоятся и устрашатся, не станут такой силе противиться. Какая гора от столь великого половодья отстояться сможет и какие стены против твоих великих стенобитных орудий укрепятся?!

Милостивый государь король Стефан! Дозволь нам и на то указать: какой мудростью должны обладать русские воеводы и псковские мастеровые, чтобы домыслиться против твоего великого разума и великих гетманов мудроумышленного ума? Или, государь, какой град или какая оборона отстоится от наших крепких, храбрых и непобедимых витязей и искусных градоёмцев?

Ныне, государь, изрядно поспешествуй на град Псков и здрав будь, в славном граде Пскове владычествуя! Так же и до нас будь милостив, ибо всем сердцем мы с тобой ко взятию его готовимся».

3 августа 1581 года королевские полки выступили из-под Заволочья на город Опочку, а оттуда к крепости Остров. Передовые полки обошли крепость со всех сторон и предоставили действовать артиллерии. Воевода Зиновьев показал мощь своих орудий. 21 августа стены каменной крепости были проломлены и защитники сдались на милость Стефана Батория. Последнее препятствие на пути к Пскову пало.

«Приспевало время свирепству, — писал участник событий. — Приближение своё ко Пскову увидя, как несытый Ад раскинул король пропастные свои челюсти, желая град проглотить. Поспешно и радостно полетел он на Псков, как великий змей лютый, — с сонмом своих чудовищ, что были как искры огненные в тёмном дыму, — рассыпая по Русской земле приближенных своих змеев и скорпионов. Так вражья сила, как стая драконов крылатых, летела ко Пскову, желая змеиными жалами умёртвить всех там живущих, все ценное унести в своих адских утробах и оставшихся в живых людей угнать в вечную работу. Уже победителем змей мнил себя над Псковом».

С южной стороны городских стен поднялась тёмная туча: то чёрная вражья сила шла на светлые стены Пскова. Но не лёгкая прогулка предстояла королю и панам. Хоть и не нашли они нигде царской армии (да и не придет она на помощь Пскову), стоял на градских стенах готовый к подвигу народ с мудрым своим полководцем Иваном Петровичем Шуйским. Уже в пяти верстах от Пскова почуяли королевские люди неладное.

Там, на реке Черёхе, сидели в засаде псковские конники. Они предупредили Шуйского о приближении врага. Немедля приказал воевода звонить в осадный колокол, поджечь городские посады за Великой рекой, сам же ударил на неприятеля.

Знал король, как важна первая стычка, и послал к стенам наперед себя лучших людей, воеводу брацлавского с венгерской конницей. Не в добрый час переправились через речку Черёху венгры. Порубили их псковичи и погнали назад, так что во всём войске началось смятение.

Пришлось великому гетману Замойскому бросить обедню и наводить порядок, но даже ему в суматохе долго не могли найти коня. Когда поляки прислали подмогу передовому отряду, от него мало что осталось, а Шуйский увёл свои полки в город. Королевские ратники получили дурное предзнаменование, начиная осаду столь беготворным образом, к городу же приблизиться не осмелились.

Того же месяца августа в 26-й день, на память святых мучеников Адриана и Натальи, сам король с огромным войском пришёл ко Пскову, как дикий вепрь из пустыни — неумолимый

лютый зверь, — чтобы насытить свою голодную утробу. И, увидав великий град Псков, словно огромную гору, которую трудно даже обойти кругом, распалился умом, велел войску около всего града Пскова объехать и его осадить.

— Господи, какой большой город! — кричали в восторге алчности королевские солдаты. — Точно Париж!

«Город чрезвычайно большой, — писал, сглатывая слюну, польский пан, — такого нет во всей Польше! Весь обнесён стеной, за нею красуются церкви, как густой лес, все каменные; домов за высокими стенами совсем не видно…»

Как птица, улетало возбуждённое величиной вожделенной добычи воображение захватчиков в золотые дали, где полны были их дома награбленными сокровищами и трудились в полях угнанные с Руси народы. А пока полки шагом обходили город вокруг стен.

Рано забылись неприятельские воины. Загрохотали со стен русские пищали, ударили с башен пушки, прокладывая в их рядах кровавые улицы и переулки. Как ветром сдуло вояк с поля, только трупы яркими пятнами испестрили городской выгон.

Примчались к королю гонцы из полков и сказали, что нельзя объехать крепость вблизи из-за великого огня и дальнобойности русского оружия. Нимало не задумался Стефан Баторий и повелел обходить город дальше от стен, лесами. Когда двинулись войска вновь, казалось, что море затопило окрестности. Так далеко шли враги, что из Пскова только черноту, постепенно заслоняющую окоём, можно было видеть.

Подождал Шуйский, пока войдёт неприятель в ближние леса, и велел бить из больших орудий. С воем и треском влетали тяжёлые чугунные ядра в лесные чащи, вновь и вновь обрушиваясь, будто с неба. И от псковских снарядов леса повалились, и многие полки полегли.

Вновь помчались гонцы к королю, рассказывая о несчастье.

— Где вожи мои (проводники. — *Авт.*), что на Псков меня привели? — возопил Стефан Баторий. — Ведь говорили они, что в городе тяжёлой артиллерии нет, что приказал царь вообще все пушки из Пскова вывезти вон! Что же здесь вижу и слышу? Что ни у меня с собою, ни во всей Речи Посполитой нет ни одной столь дальнобойной пушки!

Однако и этим не устрашился король и повелел ставить лагерь подальше от стен, так что и глазом польские шатры видеть было трудно. Королевский полк ставил шатры немного ближе, ведь он не испытал ещё губительного псковского огня. Лазутчики говорили Шуйскому, что королевский шатер должен стоять у церкви Николы Чудотворца на Московской дороге. Днем воевода

не велел туда стрелять, приказал только лихим пушкарям орудия получше навести.

Поставлены были неприятельские шатры, и пала на землю тьма. Часу в третьем ночи вышел князь Иван Петрович на раскат (башню, где стояли пушки) и дал пушкарям «добро». Заревели могучие псковские пушки, загрохотали ядра в королевском стане, раздался с той стороны великий вопль. Били орудия до раскаления. Наутро не увидели псковичи у Московской дороги ни единого шатра. Многие знатные паны были в ту ночь убиты и искалечены.

* * *

Потери не отбили у воинов Стефана Батория вкуса к добыче. Королевский лагерь был перенесен к речке Черёхе, в место, укрытое от Пскова горами. Опытные градоёмцы быстро определили слабое место городских укреплений, возведенных ещё до того, как фортификационная наука, вслед за развитием артиллерии, сделала большой шаг вперёд.

Часть главной городской стены, метко названная Угол, острым углом уходила вдоль реки Великой в сторону от остальных укреплений. Это место, хотя и укрепленное башнями, не могло быть прикрыто массированным огнём орудий других батарей города. Угол решено было разбить артиллерией, нарушив систему псковских укреплений, и через пролом взять город штурмом.

Так повелел король Стефан градоёмное дело начинать. Свирепые и умелые градоёмцы, осадных дел мастера радостно сиё повеление восприняли и великое усердие в исполнении его показали. Тут псковичи смогли воочию убедиться в злохитрости коварных немецких инженеров.

1 сентября издалека, от самого королевского стана, немцы повели большие траншеи по Смоленской дороге к Великим воротам, к церкви Алексия человека Божия. Продвигаясь с необыкновенной скоростью, недосягаемые для ядер мастера от церкви повернули к городу, в сторону Великих, Свиных и Покровских ворот. За три дня они выкопали пять главных длинных траншей да семь поперечных, расчертив местность как бы глубокими бороздами.

Неприятель ни на минуту не мог оставить своих землекопов без сильной охраны, потому что русские днём, а чаще ночью выходили из города, чтобы мешать работам. Но застать городоёмцев врасплох было невозможно: каждая вырытая

траншея немедленно занималась войсками. Для воинов было вырыто 904 землянки, крытых и облицованных брёвнами и снабженных печками, и ещё построено 132 больших подземных дома для ротмистров и сотников, где они могли расположиться со всеми удобствами, со слугами и телохранителями.

До того были опытны королевские градоёмцы, что даже трудно поверить. 3 сентября они подвели свои траншеи, гоня впереди высокий земляной вал, прямо к кромке городского рва, чуть ли не к самой стене. Роясь в земле, как кроты, они насыпали огромные горы, закрывающие их работу от глаз псковичей. В насыпных валах мастера провертели бесчисленные амбразуры, из которых можно было отстреливаться от вылазок и поддерживать огнем мушкетов будущий штурм.

4 сентября в ночи противник прикатил и поставил плетённые из лозы туры сразу в пяти местах. У церкви святого Алексия и далее, в сторону реки Великой, турами были огорожены большие дворы, где могли накапливаться войска, не неся потерь от артиллерии. Три боевые площадки предназначались для королевских пушек.

Первая большая батарея была устроена против Свиных ворот в основании Угла, вторая — против Покровских ворот, образующих вершину остроугольника псковских стен, третья целила в Угол из-за реки Великой.

В ту же ночь все туры были засыпаны землей. 5 сентября в боевых турах были установлены королевские пушки, нацелившие свои жерла на один участок псковских укреплений.

Иван Петрович Шуйский понимал замысел неприятеля, но был не в силах помешать его исполнению. Псковичи отважно шли на вылазки, бои не прекращались день и ночь, но день и ночь шла работа зарывшихся в землю и строго оберегаемых городоёмцев.

Пользуясь советами дьяка Пушечного приказа Терентия Лихачева, Шуйский смог несколько усилить артиллерийский огонь с Угла, а главное — заблаговременно поставил пушки на прямую наводку против стен, где должны были прорываться враги. Начато было строительство деревянной стены позади Угла.

Командовать обороной Угла Шуйский поставил храбрейшего из состоявших под его началом воевод — князя Андрея Ивановича Хворостинина. Опытный полководец, князь Хворостинин начал службу ещё в 40-х годах, участвовал во множестве походов, воеводствовал в Калуге, Тарусе, Новгороде, Новосили, Кашире и Дедилове. Он состоял в опричнине, но, по-видимому, не занимал в ней видного места, поскольку как-то ускользнул от казни, когда царь менял состав своих псов. Можно предположить, что Шуйский учитывал эту чёрную страницу биографии Хворостинина, не

желая, чтобы в случае неудачи Грозный получил повод для резни в Земщине.

Скорее всего, однако, Иван Петрович при назначении воеводы вспоминал его отважный поход под Волхов в 1566 году, когда Хворостинин наголову разгромил осадившее город крымское войско, и тот факт, что в 70-х годах Андрей Иванович умело командовал стрельцами — самым современным в то время родом русских войск.

Между тем осадные работы заметно опережали оборонительные. Пока Шуйский совещался с городскими старостами Сульменом Булгаковым и Афанасием Малыгиным о строительстве дополнительных укреплений, неприятельский воевода Юрий Зиновьев приехал из окопов к шатру короля.

— Уже, государь король Стефан, все градоёмные вещи готовы и артиллерия для пальбы по нужным местам стен установлена.

Обрадовался Баторий и тотчас велел Зиновьеву открыть огонь, чтобы сделать в стенах большие проломы в нескольких местах, удобных для штурма.

7 сентября, в четверг, в первом часу дня, 20 стенобойных орудий (три батареи) начали пальбу по Пскову с близкого расстояния. Русская артиллерия была подавлена: королевские пушкари стреляли проворнее и были лучше защищены турами, тогда как осколки камня сметали псковичей со стен и орудийных площадок.

Канонада продолжалась день и всю ночь. Также и наутро пять часов беспрерывно гремели королевские пушки. Когда они смолкли и рассеялся над полем боя дым, глазам десятков тысяч ратников открылась поразительная картина.

24 сажени городской стены были разрушены до основания. От Покровской башни торчал один фундамент. До земли был сбит охаб — укрепление из длинных параллельных стен, защищавшее ворота. Свиная башня потеряла половину высоты. Оставшиеся стены были выщерблены огромными проломами, в общей сложности на 64 сажени, доходившими до основания стен.

Могучая каменная крепость напоминала теперь огромное решето. Псковичи понесли значительные потери в живой силе и утратили свои преимущества в защите, ибо большая часть бойниц и все батареи Угла были уничтожены. Сильно пострадала деревянная стена, строившаяся позади каменных под огнем неприятеля: удалось возвести лишь её основание, без всякого прикрытия для стрелков.

Стефан Баторий был доволен работой своих инженеров и артиллеристов. Перед решающим штурмом он пригласил всех гетманов и командиров, магнатов и первых сотников, мастеров-

градоёмцев и лучших воинов на торжественный обед к своему шатру. Горделиво сидя на королевском троне, Стефан поднял кубок за победу.

— Ныне, государь, — гордо и хвастливо заявили военачальники, — милостивою ласкою обедаем и пируем в твоём лагере; сегодня же в Псковском кремле приглашай нас на ужин, чтобы могли поздравить короля с великим и прекрасным градом Псковом!

Видя своих людей радостными и довольными, Баторий всех обильным угощением потчевал, дружелюбно и ласково говоря о непременном и уже решенном взятии города. Он клялся, что все воинские люди увидят его милость и ласку при справедливой делёжке псковского богатства и пленных по чинам и заслугам каждого. Радостно волновались королевские ратоборцы и, шевеля усами от жадности, говорили:

— Государь! Непременно сегодня же крепость Псков возьмём на щит, или они сами твоему имени покорятся, не возмогут против твоей бесчисленной силы и мудрых градоёмцев отстояться.

Готовясь к бою, многие велели своим пани себя из Пскова с богатой добычей встречать и наряжаться к торжеству. Король отдал приказ на штурм Пскова.

В тот день, 8 сентября 1581 года, в пятницу, в праздник Рождества Богородицы, в пятом часу дня королевские воеводы, ротмистры, градоёмцы и гайдуки спешно, радостно и с надеждой пошли на взятие Пскова. Плотно заполнились вражьими войсками траншеи и штурмовые дворы, испестрилась взрытая земля цветными знамёнами множества полков.

* * *

В нетерпении, слыша гудение набата в Среднем городе на крепостной стене у церкви Василия Великого на горке, полезли неприятели из траншей и забили собой великое поле перед крепостью, видя её обезображенной ядрами и разбитой.

Рано обрадовались вражьи силы, ибо, пока они пировали, повелел Шуйский тащить к проломному месту орудия; пока гудел осадный набат, волокли псковичи всё, что могло стрелять, на развалины Угла и ближние башни. Как гром, грянули в наступающих сотни разных стволов, чугунный и свинцовый град густо обрушился на королевские полки. Стоя на стенах, в открытую палили из пищалей удалые псковские стрельцы, небрегая жизнью и невзирая на частую пальбу в упор из амбразур

вражьего вала.

Кроваво начался штурм. Устлали бесчисленные польские, литовские, венгерские, немецкие трупы ближние поля, и ярко пестрело стрелецкими кафтанами подножие псковских стен.

Однако упорно, дерзостно и уверенно, несметными силами своими, как морскими волнами, шёл на город привычный к крови неприятель. А псковичи, с жёнами и детьми простившись, все сбегались на проломное место, крепко на бой готовились, и всем сердцем Богу обещали, не предавая друг друга, умереть за Христову веру, за град Псков и свои дома, за жён и детей.

В шестом часу дня как великий поток заревел и сильный гром возгремел, заглушая даже грохот стрельбы, — то всё бесчисленное вражье войско, заорав, устремилось в проломы и на городскую стену, как крышей закрываясь щитами, потрясая мушкетами, копьями и другим оружием. Воеводы, призвав Бога в помощь, бросили русский клич и бестрепетно устремились в бой со своим войском.

Как водный поток, захлестнула дырявые стены и разбитые башни бесчисленная королевская сила. И сверкало кругом, и был гром велик от пушек, бивших в упор, и крик несказанен от множества обоих войск. Как на высокое небо наползает вдруг мрак и гасит яркие звезды, так наползала на великий град Псков тьмочисленная солдатня, закованная в черную броню, и скрывались под её зловонным чревом тела светлых российских ратоборцев.

Уже залезли королевские воины на развалины псковских стен и густо палили оттуда из мушкетов, прикрываясь щитами и высовывая стволы из внутренних бойниц. Хорошо вооружен был враг и умел, но безотступно крепко стояли воеводы со всем христианским воинством, изрядно и мужественно сражаясь, входу врагам во град неослабным образом не давая.

Король Стефан Баторий, видя, что его солдаты уже влезли на стены города, подняли знамёна на башнях и беспрестанно палят по Пскову, расчищая путь для его взятия, исполнился радости, считая город павшим. Сам он ко Пскову приблизился и вломился в церковь великомученика Никиты, стоявшую на холме, чтобы лучше видеть сражение. Здесь окружили его многочисленные советники и любимые знатнейшие дворяне, цвет польского и литовского рыцарства, со льстивыми и хвастливыми словами:

— Совершенно ты, государь наш милостивый король Стефан, владелец и победительный воспреемник славному граду Пскову, прославился! Молим же твою преумноженную ласку: отпусти нас вперёд на крепость Псков, чтобы не хвалились потом ротмистры, будто они одни с солдатами взяли город.

Еще больше обрадовался король, услышав от дворян и первосоветников, что те истово и по своему почину рвутся исполнить его желание. С весёлым ликом и радостным сердцем ответил им, как братьям:

— Если вы, друзья мои, изъявляете столь прекрасное желание, то и я не хочу отставать и иду с вами!

— Ты, государь король Стефан, — отвечали магнаты и рыцари, — вступишь во Псков по-королевски, как великий царь Александр Македонский, всей вселенной владелец, в Рим{37}. Мы же, твои слуги, подготовим тебе царскую встречу с должными хвалебными речами и несметное псковское богатство к твоему приходу соберём. Более того, приготовим тебе самое ценное сокровище и русского царя достояние: двух его бояр и воевод, обоих Шуйских, в Руси и у нас славных, поставим перед тобой связанных. Одного — знатного боярина Василия Фёдоровича Скопина-Шуйского. Другого — славного, крепкого и непобедимого великого храброго воеводу князя Ивана Петровича Шуйского. Ты же, государь, за их непокорство к тебе что похочешь над ними сотворишь!

Слышав такие речи, радостно отпускает король излюбленных своих дворян и советников, две тысячи лучших мужей Речи Посполитой и Венгрии, на стены Пскова со словами:

— Верю, друзья, что, как до сего дня всё по вашим словам сбывалось, так и ныне сбудется. Что хотите сотворить, то и делайте, ничто и никогда не устоит против вас и вашего разума!

* * *

Как цветной поток в ярких латах и одежах, хлынула шляхта сквозь пролом, захватила Свиную башню и открыла страшную пальбу по псковичам. Как из великого грозового облака, полились на русское ополчение ружейные пули, словно змеиные жала язвя насмерть россиян. Также в Покровской башне и по всему разбитому пушками месту сильно наседали враги, очищая дорогу к псковским улицам.

Крепко бились люди Хворостинина, не уступая врагу. Под самой стеной стояли они с копьями, насаживая на них прыгающих во град, палили в упор из пищалей, стреляли из луков, метали тяжёлые камни. Но новые и новые силы бросал король в бой, и местами уже потеснили русских от стен. Посулами и угрозами гнали командиры солдат в бой, крича: «Град Псков возьмём!»

Видел воевода Иван Петрович Шуйский, что упадает дух

русских ратоборцев и начинают они уступать, со слезами обратился к ратникам, во имя любви к ближним призывая не поддаваться врагу. Горько было смотреть воеводе, как христианские воины, точно пшеничные колосья, падают на родную землю. Многие изнемогли от многочисленных ран и тяжкой усталости, ибо день был жаркий и солнце палило, накаляя латы. Только твердостью духа держалась дружина Шуйского, не давая врагу прорваться в город.

А во Пскове стоял по улицам великий крик и плач, звучали в церквах молебны и стенания, ибо думали люди, что приходит их последний час. Видели псковские жёны и дети неприятельские знамена на стенах и стрельбу с башен, слышали громкий вражий вопль: «Вперёд, други, потребим всех во Пскове живущих за непокорство их, да не помянется имя крестьянское во Пскове, ибо покрыла русских тень смертная!»

Рано радовались враги — смог Шуйский вернуть беглецов и как бы с новой силой напер на врага, отжимая его к стенам. С Похвальской батареи ударили лихие пушкари из великой пушки «Барс», не побоявшись попасть в своих — и не погрешили: выломили кусок из Свиной башни вместе со множеством королевских дворян. Тут и воины Шуйского немало успели — закатили под башню пороховые заряды и засветили фитили…

Хотели высокогорделивые дворяне привести королю Ивана Петровича связанным. Теперь же от руки того «связанного» понеслись сами в высокое небо, смесившись со псковскою каменной стеной и Свиной башней, до Страшного суда связавшись телами со Святорусской землей и наполнив своими останками псковский ров.

— Уже ли мои дворяне в крепости? — вопросил свиту король.

Ему же сказали:

— Под крепостью.

— Что, мои дворяне за стеною в городе ходят и русскую силу побивают?

— Государь, — отвечают ему, — твои дворяне убиты и сожжённые во рву лежат.

Тогда король едва не кинулся на собственный меч, и сердце его от горя едва не разорвалось. В ярости отдал он приказ никаких сил не жалеть, но безотступно Псков взять. Была сеча жестокая, настала же жесточайшая, со времён Казанского взятия не виданная, ибо стиснувшись рубились, не отступая ни шагу, со всех сторон друг друга расстреливая и убивая камнями, над головами паля из орудий много часов подряд.

Обернулся Иван Петрович Шуйский на своё воинство и увидел, что крепко стоят псковичи, не уходят из строя раненые,

но много полегло храбрых ратоборцев и уже изнемогли воины. Послал воевода в соборную церковь Живоначальной Троицы, велел нести к битве все иконы и величайшее сокровище — мощи святого князя Гавриила-Всеволода, мужественного избавителя псковского.

Не заставили себя ждать церковные служители и тотчас принесли в сражение все бережно хранимые реликвии: мощи Гавриила-Всеволода и Христа ради юродивого Николы (что спас город от вырезания царскими опричниками)[35], меч святого князя Довмонта, крушивший литовских и ливонских рыцарей, и другие многие святыни.

И во един голос крикнули Иван Петрович с воеводами и всем воинством:

— Днесь, друзья, умрём вкупе за Христову веру, а не предадим града Пскова польскому королю Степану!

В тот же час, будто по воле псковских святынь, примчались к месту битвы на конях вестники, — не обычные воины, но Христовы ратники против дьявольских слуг, в чёрных сутанах монашеских. Первый был Арсений Хвостов, келарь Печерского монастыря, второй — Иона Наумов, казначей Снетогорского монастыря Рождества Богородицы, третий — известный всему Пскову Мартирий-игумен.

Были они по рождению дворяне и не своей волей должны были покинуть путь воинской славы, но грозой московского царя. Теперь вернулись они к святому делу защиты Отечества и вразились во вражьи ряды с криком:

— Не убойтесь! Станем крепко, устремимся вкупе на вражью силу, Богородица к нам идет с помощью!

— С нами Гавриил-Всеволод! С нами Довмонт! С нами Никола! — закричали псковские ратоборцы.

И немощных сердца стали крепче алмаза, израненные поднялись, почувствовав в душах спасительную помощь. Всё православное воинство в едином порыве устремилось на многочисленную королевскую силу, на стены и проломы. Неприятель же, видевший близко свою победу, затрепетал.

Ещё одну меру принял многомудрый, хоть и молодой воевода Иван Петрович, ибо послал по Пскову весть о победе и велел всем жёнам идти собирать оружие и оставшуюся литву добивать. Быстрее ветра пронеслись воеводские слова по улицам, и женщины, хоть немного радости в печали получив, забыли природную свою немощь и в мужскую крепость облеклись, взяв в руки оружие, какое было в домах и по их силам.

Молодые и среднелетние, крепкие телом, несли воинское оружие, чтоб остатнюю литву прибивать, немощные старухи

хватали веревки, собираясь тащить в город королевские пушки. И все бежали к проломам, и каждая старалась опередить другую. Сбежавшееся многое множество жён великое пособие и облегчение воинам принесло.

Одни, мужской храбрости исполнившись, заменяли павших, бились с врагом и одолевали. Другие подносили камни и сами метали их в неприятеля на стенах и за стенами. Третьи уставшим и изнемогшим воинам воду приносили и ретивые их сердца питьём утоляли. Тогда даже малодушные перестали прятаться и храбро пошли вперед.

Столь мощно налегли псковичи на тьмочисленные ряды врагов, что и самые крепкие градоёмцы не смогли устоять. С победным кличем повёл Иван Петрович Шуйский ратоборцев на стены; там, где стояли неприятельские ноги, вновь русская сила утвердилась и погнала королевских солдат из проломов. Не успели опомниться от такого напора солдатня и шляхта, а уж их гнали и за городом, рубя, коля и расстреливая нещадно.

Только в подклетах Покровской башни держались королевские воины, густо паля по наступающим. Вновь собрал воевода Иван Петрович вокруг себя людей и повёл в атаку на гнездо неприятеля. Кликнув православный клич, устремились на Покровскую башню мужи и жёны, каждый с чем и как Бог вразумит: одни из ружья стреляя, другие камнями латников побивая, третьи плеща на них кипятком, четвёртые бросая в бойницы факелы и по-иному врага искореняя.

Тем временем воевода велел подкатить под фундамент Покровской башни бочки с порохом. Грохнуло ещё раз в небеса вражескими телесами, с каменьем смешанными, и псковская стена окончательно очистилась от неприятельских ног. Наступила ночь, но не прекратилась битва.

Не столько потеряли королевские полки в сражении, сколько при отступлении, ибо псковичи во главе со своими воеводами неотступно, забыв про раны и усталость, преследовали побеждённых. Страшное побоище развернулось во рву, огороженном с одной стороны полуразрушенными стенами, а с другой — высоким неприятельским валом. Во тьме бой продолжался в траншеях и на вражеских батареях.

Множество осаждавших было взято в плен, русские захватили несколько знамён, полковые литавры и трубы, добыли груды отличного оружия, нанесли большой урон королевской артиллерии и запасам пороха. Лишь в третьем часу ночи, прогнав врага почти до самого королевского лагеря и разорив его военные хитрости, Шуйский приказал отступать к городским стенам.

* * *

Тогда преславные ратоборцы, мужи и жены псковские и других городов, с ними вместе побеждавшие, исполнились неизреченной радости и вознесли великую благодарность своим заступникам, Приснодеве Марии и Великим Светильникам преименитого града Пскова: Гавриилу-Всеволоду, Довмонту и Николе. И после великого труда все получили малое отдохновение, чтоб отереть храбропобедный свой пот.

Не спешили расходиться утруждённые по своим домам, но хотели услышать, что скажет воевода. Поднялся Иван Петрович на остаток стены и, освещённый факелами, сказал так:

— Ныне настал нам, братья, первый день плача и веселья, храбрости и мужества. Плача, ибо за грехи попустил Бог такое испытание. Веселия, ибо за христианскую веру и за отеческие законы сподобляемся умирать. Храбрости же и мужества ныне время, ибо как начали, так и свершим, доброму началу дадим славный конец!

Так обратился воевода к воинству и гражданам со многими утешительными словами. Они же, плача и утешаясь, отвечали:

— Яко же начали с Божьей помощью, так и совершим.

Потом бояре и воеводы велели похоронить добропобедных храбрецов как древних мучеников, павших от мучительских рук. Убитых нашли и схоронили в ту ночь 863 человека, а раненых тяжко велел Шуйский лечить из государевой казны 1626 человек.

Король Стефан Баторий, а по-псковски Обатур (задавака), видя свое воинство постыдно и со срамом отступившее, великого стыда исполнился, гетманов своих и ротмистров даже видеть не мог. И полководцы не смели явиться к королю, стыдясь своего позора и неуёмной похвальбы.

Вопил от горя весь королевский лагерь, слышал король крик и рыдание жён о мужьях, матерей о сыновьях, ибо велели паны паньям своим ждать себя из Пскова с добычей, сами же не только полегли, но и многие из рва не вернулись, оставив части тел своих псам. Более пяти тысяч градоёмцев потерял враг в этом бою, а раненых вдвое больше.

Пал друг короля, великий венгерский гетман, любимый Баторием Гавриил Бекеш Кабург, не поднимутся никогда из-под руин паны Стефан и Мартын, венгерский рыцарь Пётр, Ян Сиос — верный военачальник, умелец Дерт Томас, паны Генес Павлов, Бередник и многие из лучших, пробитые пулей или насмерть обваренные кипятком, рассечённые крепкой десницей воина или заколотые нежной женской ручкой…

Сочтя потери, король впал в отчаяние и скорбь великую.

Однако хоть и жестоко поплатился, посягая на Псков, но не оставил своих злодейских замыслов. Вновь сел Стефан на высокогордый престол и стал со своими первосоветниками выдумывать, как бы город взять.

Надумали злохитрые паны промышлять над Псковом всеми мерами. Первое — приступы неуклонно продолжать. Второе — написав льстивые листы, на стрелах в город кидать. Третье — чтобы многие полководцы с разных сторон повели под стены подкопы и город взорвали. Четвёртое — послать в Ригу за недостающим порохом и чинить повреждённые на приступе пушки. Как положили на совете, так и сделали.

Спустя несколько дней королевская пехота вновь начала приступать к проломным местам, но успеха не имела. Шуйский, по совету с воеводами и городскими старостами, умело укрепил Угол. За каменной стеной выросла деревянная, со многочисленными бойницами и орудийными башнями. Перед ней был вырыт глубокий ров, весь утыканный острыми дубовыми кольями.

Каждодневно, иногда дважды и трижды в день, часто и по ночам неприятель терял людей на приступах. Тех, кто прорывался сквозь пушечный и мушкетный огонь, встречали горящая смола, котлы с кипящими нечистотами, пороховые бомбы, изготовленные из домашней утвари{38}, и сухая сеяная известь, чтобы, как выражались псковичи, врагам «безстудныя очи их засыпати».

Сверх того не давали спокойно спать королевским ратникам непрестанные вылазки псковичей на лагерь и на траншеи, частая пушечная стрельба, лесные засады крестьянских отрядов.

«Не затем пришёл я под Псков, чтобы уйти, не взяв его, — писал король воеводам в подмётных листах. — Сами вы знаете, сколько я за два года городов государя вашего взял и ни от одного не ушёл, не взяв. Не только передо мною, но и пред полководцами моими никто города отстоять не мог.

Ныне пишу, жалуя вас и щадя ваше благородство: помилуйте себя сами и сдайте город без крови. За это так от меня будете награждены, как никогда бы от своего царя не дождались. Если приедете ко мне лично, клянусь вместе со своим советом, что не только сделаю вас наместниками Пскова, но дам многие города в вотчину.

Я помилую всех жителей города, позволю жить в своих законах, сохранить все чины и старинную торговлю. Если же не покоритесь, то во всём Пскове никого не помилую, но все разными горькими смертями умрут!»

«Знай, твое величество, гордый литовский начальник король

Степан, — отвечали воеводы и городские старосты, — что во Пскове и пятилетний ребенок посмеётся твоему безумию и твоим глупым первосоветчикам, о которых ты пишешь.

Что за польза человеку возлюбить тьму больше света, бесчестие больше чести, горькое рабство больше свободы? Зачем нам оставлять святую христианскую веру и покоряться вашей плесени?

Какая честь в том, чтобы нарушить присягу своему православному царю и покориться иноверному чужеземцу, уподобясь евреям? Но те хоть по незнанию Господа распяли, мы же сознательно должны изменить своему государству!

Что нам лесть и суетные богатства, если предлагаешь их за клятвопреступление? Зачем же стращаешь нас лютыми, поносными и горькими смертями? Коли Бог за нас — никто на нас!

Все готовы умереть за свою веру и за своего государя, а не предаём града Пскова, не покоримся прелестным твоим глаголам. Готов будь с нами на брань, а кто одолеет — решит Господь».

Не напрасно совершали воеводы постоянные и частые вылазки, упражняя свою находчивость во взятии языков, от которых выведывали о королевских кознях. Однажды при вылазке за Валаамские ворота схватили языков, рассказавших о похвальбе панов подорвать город подкопами. Узнал Шуйский, что ведут каждый свои подкопы король, воеводы литовские, полководцы венгерские, мастера немецкие, а всего копают в девяти местах. Оказалось, что начали их втайне ещё 17 сентября, а первым будет готов венгерский подкоп.

Однако, как ни пытали языков, не могли те сказать, куда ведутся подкопы, потому что в королевском войске зорко следили за сохранением этой тайны. Крепко призадумался воевода Иван Петрович и пока велел копать множество слуховых колодцев, не только в Углу, но по всему Пскову, и посадил всюду слухачей.

20 сентября пришла удача: прокрался в город стрелец по имени Игнаш, взятый королем ещё в Полоцке, который сумел войти к врагам в доверие и точно вызнал, куда ведёт каждый подкоп. 23 сентября его сведения подтвердились: русские землекопы перехватили первые подкопы меж Покровских и Свиных ворот. Вскоре все неприятельские хитрости обрушились.

Распалённые крушением своего плана, король и его советники вновь усилили приступы, каждодневно бросая на городские стены многие полки. Однако псковичи стояли непоколебимо и бились столь истово, что ни разу не дали врагу даже одной ногой ступить на стену.

Попытка зажечь город и вызвать этим смятение тоже не

принесла успеха. 24 октября, используя привезенный из Риги порох и починенные орудия, противник целый день прицельно бил по жилым домам раскаленными ядрами. Ни большого пожара, ни паники в городе не произошло.

28 октября вновь открыла огонь королевская батарея за рекой Великой, сгоняя защитников Пскова со стен. Под шумок к стене вдоль реки прокрались градоёмцы и каменотёсы, прикрытые необычными щитами и вооруженные шанцевым инструментом.

Они начали споро подсекать у основания каменную стену от Покровской угловой башни до Водяных Покровских ворот, желая всю её обрушить в реку Великую, открывая путь во фланг новым деревянным укреплениям.

Стена над рекой не имела машикулей — бойниц, позволяющих стрелять прямо вниз, и под стеной неприятель был в безопасности от русского огня. Шуйский приказал бросать на вражеские щиты горящее смольё, дабы от возгорания щитов и удушливого дыма королевские воины либо выбегали из-под стены, либо сгорали там. Но солдаты накрывались мокрым войлоком, терпели жар и смрад, упорно продолжая подсекать стену.

Тогда Шуйский, посоветовавшись с товарищами и городскими умельцами, повелел провертеть в подножии стены частые бойницы, через которые стрелять по подсекающим из пищалей и колоть их копьями.

На стену спешно волокли котлы со смолой, горячим дёгтем и кипятком, выливая все это на наступающих, бросали на щиты горящий просмолённый лен и набитые порохом кувшины.

Королевским солдатам казалось, что они попали в ад. Не выдерживая огня и дыма, они стали выходить из-под стены, но попали в ловушку Шуйского, поставившего над стеной псковских стрельцов с длинными самопалами.

Некоторые градоёмцы, однако, столь крепко укрылись, что, не обращая внимания на огонь и дым, продолжали долбить стену. Другие продолбили её так глубоко, что могли уже работать без щитов и ни водолитием, ни огня запалением нельзя было их выжить.

Но и на этих умников нашелся у Ивана Петровича с советниками мудрый умысел. Велели они немедля привязывать пастушеские большие кнуты к шестам, а на концы навешивать различные железяки с крюками: остроги, якоря и прочие. Размахивая этими орудиями со стены, стали хлестать влезших в стену, подобно короедам, неприятельских солдат, выковыривая их, как железными клювами. Кнутяные железные крюки захватывали градоёмцев за амуницию и прямо за тело и

выдергивали из-под стены. Тут уж стрельцы, как белые кречеты, добычу клевали пулями и спастись никому не давали.

* * *

Взвыли все пришедшие на приступ и стоящие ещё наготове бедные королевские солдаты и каменотёсы, градоёмцы и гайдуки, не смогли терпеть такого своего истребления, побежали в королевский стан, в нужде сердечной с плачем крича:

— Повели, твое величество, государь король Стефан, всем нам в станах от меча твоего умереть, но не вели всем до единого под Псковской крепостью жестоко побитым быть! Очень уж, аж по горло крепко горазды биться русские люди, и ещё более гораздо мудры ихние воеводы против всяких наших замышлений, так что никоим образом воспротивиться им не можем!

Сильно разгневался Стефан на воинов за эти слова, но лишь в сердце своём. Вслух король сказал:

— Пане гайдуки! Еще два или три приступа к городу сотворите ради меня, и если не победим — по вашей воле сотворю, из окопов и от крепости отведу.

Между тем начались морозы, а вместе с ними пришла нужда. Лагерь осаждающих волновался. Шляхта боялась наступающих холодов, не желала переселяться в землянки и терпеть неудобства. Солдат удалось утихомирить, но паны всё громче требовали прекращения войны. Для Батория это была катастрофа.

Только непрерывные победы и хорошая добыча обеспечивали королю приток займов и верность наёмников. Отступить — значило не только погубить дело со Псковом, но и потерять популярность, укрепляющую шаткий трон. Во что бы то ни стало Баторий решил продолжать осаду.

В лагере под Псковом была введена необычная для шляхты дисциплина. Канцлер Замойский требовал, чтобы военные уставы исполнялись панами так же, как и солдатами. Женщины, приехавшие поглядеть на подвиги своих мужей и родственников, были выдворены домой, маркитанты выведены за пределы лагеря. Проступки карались независимо от знатности.

Ян Замойский вешал, выставлял на позор, заковывал в кандалы, не считаясь с ненавистью, которую возбуждали его действия в своевольной шляхте. Энергичными мерами удалось вернуть боеспособность начавшему было распадаться войску. Осада и штурмы продолжались.

Ивану Петровичу Шуйскому день ото дня всё труднее было латать дыры в обороне. Благодаря его предусмотрительности

город был хорошо снабжен продовольствием, водой и боеприпасами, но людские потери были невосполнимы.

Силы гарнизона таяли, хотя с первых же дней боев в отряды записались все мужчины, способные носить оружие. Понимая, что царь ни за что не пришлет армию, способную снять осаду Пскова, Шуйский настойчиво просил Ивана Грозного о пополнении гарнизона города.

Грозный откликнулся на мольбу псковичей и послал… 500 человек стрельцов. Правда, спустя несколько дней царь послал вдогонку ещё один стрелецкий приказ такой же численности. Эти маленькие отряды поодиночке, с обозами, должны были пробиться сквозь ряды по меньшей мере стократно превосходящего их неприятеля.

3 октября в ночном бою в окрестностях Пскова приказ Никиты Хвостова был окружён и полностью уничтожен. Сам Хвостов попал в плен. Не зная об этом, 7 октября через неприятельские позиции устремился ко Пскову приказ Фёдора Мясоедова. Стрельцам удалось скрытно подойти к неприятельскому лагерю.

Затем, мужеством своим и дерзостью весь страх перед вражьей силой отложив, не щадя своей жизни, воины Мясоедова бросились в море врагов. В сече пало 150 стрельцов, ещё 60 ранеными было взято в плен, но остальные прорвались в город и провели обоз со снаряжением и припасами.

Хоть невелика была помощь Пскову, но сильно подействовала стрелецкая храбрость на королевскую армию. Штурмы слабели и становились всё реже. Шуйский же, как будто имел свежие силы, продолжал неукоснительно допекать противника частыми и жестокими вылазками. Только к началу ноября Стефан Баторий собрался с силами и укрепился духом на новое генеральное наступление.

Пять дней батарея из-за реки Великой беспрерывно обстреливала город, а солдаты ежедневно ходили на приступ с разных сторон. Упорство противника, как оказалось, имело целью измотать псковичей. 2 ноября, когда большой участок стены со стороны реки был снесён артиллерийским огнем, враг начал генеральный штурм по речному льду.

Думал король беспрерывными штурмами воеводу Ивана Петровича и псковичей запугать — но вышло наоборот. Еще крепче стали русские сердца, а королевские солдаты, пролив многую бессмысленную кровь на приступах, душами изнемогли. Саблями гнали их в бой ротмистры, скача меж рядов на конях и рубя непокорных.

Думали королевские градоёмцы Шуйского провести, наступя

нежданно по льду, но и здесь обманулись. Раскрыл Иван Петрович сей злохитрый умысел, ещё с утра собрал пушки и лучших стрелков со всего города и против реки поставил.

Поистине страшно было видеть, как плотными рядами надвигался тьмочисленный неприятель через широкую реку. Но не устрашились псковичи. Не напрасно грохотали русские пушки и трещали мушкеты, ибо шёл неприятель по своим же телам, вымостив трупами весь лёд до самого Пскова.

Полегли королевские солдаты в несметном множестве, как и подгонявшие их ротмистры. Так и вмёрзли в лед, чтобы только весной отправиться со льдинами в Псковское озеро, прогуляться до озера Чудского или даже доплыть по реке Нарове до Балтики.

Дрогнул сам бестрепетный Стефан Баторий, глядя на жалостное и плача достойное умерщвление своего воинства крепкостоятельными псковичами. Удалился король в свой шатёр и приказал остановить кровопролитие.

Ноября в 6-й день, на память преподобного Варлаама Хутынского, в 4 часа ночи солдаты и ротмистры Батория из окопов вышли и пушки со всех батарей поволокли к королевскому лагерю.

Кончились беспрерывные штурмы и великая стрельба, но ещё не собирался Баторий бросать осаду. Преждевременно зазвучали во Пскове благодарственные молебны. Королевские войска укрепились в своих лагерях, порешив задушить псковичей голодом.

Мучаясь в бездействии, но не решаясь на новое кровопролитие, 1 декабря Стефан Баторий покинул войско и отбыл на сейм, оставив вместо себя командущим учёного канцлера Яна Замойского.

Наказ короля армии гласил:

«Страша и претя городу Пскову долгой и плотной блокадой людей выморить, привести город к сдаче».

Канцлер, получив наказ, похвалился осадой Псков взять. Скоро убедился Замойский в поспешности похвальбы своей. Не малыми отрядами — большими полками стал нападать Шуйский на вражеский лагерь, выходя с воинством сразу из нескольких ворот и благополучно возвращаясь со сражения, побив королевских ратников и взяв пленных.

К царю же Ивану Грозному Иван Петрович с товарищами писал грамоты о том, что делается во Пскове и как храбро бьются псковичи с врагом. С этими грамотами многие гонцы через кольцо осады пробирались. Получая эти грамоты, Грозный ни полков на окончательный разгром неприятеля, ни подмоги Пскову не посылал, только велел митрополиту в царствующем

граде Москве и во всех епархиях повседневные благодарственные молебны петь.

Зато не терял времени Иван Петрович Шуйский. После всех вылазок 4 января 1582 года воевода произвёл решительное наступление на войска канцлера. Из Великих ворот вышли конные и пешие русские полки, врубившиеся далеко в неприятельский лагерь. Если раньше в таких боях гибли прежде всего рядовые, то ныне знатным магнатам самим пришлось защищать свои шатры и пожитки.

Более 80 славных и именитых панов нашли смерть в этом бою, немало знати попало в плен и вступило во Псков не в одежде победителей, но в рабских путах. Это была последняя большая вылазка из Пскова. Всего за время осады их было 46, не считая 31-го отбитого неприятельского приступа.

Поразив столь жестоко армию канцлера, Шуйский умело вывел полки из боя и затворился в городе, накрыв преследователей артиллерийским огнем. Великий гордый канцлер, сие видев, скорбя о внезапной кончине именитых и храбрых панов, в кручину впал.

Ничего не могли придумать королевские командиры, как только исхитриться убить воеводу Ивана Петровича, ибо видели, что при нём Пскова взять нельзя, но великий позор принимать непрерывно приходится. Порешив так, начали злодейский замысел в исполнение приводить следующим образом.

Изготовили инженеры сундук красиво окованный и всю свою нелюбовь к Ивану Петровичу за его верную государеву службу, за непобедимое воеводство, за благорассудный разум против всех королевских ухищрений в тот сундучок вложили. Устроили в нем двадцать четыре пистолета заряженных, на все стороны направленных. Для верности же вокруг пистолетов поместили пороху целый пуд, чтобы, как только притронется кто к сундучкову замку, сразу бы и застрелен, и взорван был.

Тем временем офицер Остромецкий обхаживал одного русского пленника, сказав, что поможет ему бежать во Псков. Про себя рассказывал, что зовут его Ганс Миллер, что служил он вместе с датским генералом Фаренсбеком у московского царя, помнит его милость и хочет вновь перейти на русскую службу. Пленного Остромецкий и вправду отпустил во Псков, дав ему с собой описанный сундучок и письмо к Шуйскому. Пришел пленный к Ивану Петровичу с товарищами и такую грамоту им подал:

— Единому государеву боярину и воеводе князю Ивану Петровичу Ганс Миллер челом бьёт. Бывал я у вашего государя с Юрьем Фаренсбеком. И ныне воспамятовал вашего государя хлеб

и соль и не хочу против него воевать, хочу выехать на его государево имя. А наперед себя послал с вашим полонянником свою казну в том сундучке, что он с собой принесёт. И ты бы, князь Иван Петрович, ларец у полонянника взял и казну мою в том ларце лично рассмотрел, другим не доверяя. Я же буду во Псков скоро.

Рассчитывали неприятели на жадность воеводы, что тот непременно в большой и тяжёлый сундук нос сунет, как его и просили. Однако Иван Петрович эту козню расстроил. Сразу почуял он, что сундук-то с обманом. Велел искать таких мастеров, что ларцы отпирают и, посоветовавшись, приказал отнести его подальше от воеводской избы на площадь, а уж там открывать.

Много мудрили немцы над взрывным механизмом, да русского мастера не перемудрили. Отпёр он сундучок, не поломав, и сам здоров остался, а псковичи ходили мину смотреть и много дивились злодейскому её устройству. Тут уж все поняли, что сдает враг, потому и бесится, что никак Шуйского с псковичами погубить не может. Было это 9 января.

А 17 января увидели с южных стен великого града Пскова: с поля от церкви Нерукотворного образа, где канцлер Замойский с главной силой стоял лагерем, движется множество людей, конных и пеших. Немедля Шуйский с воинами к бою изготовился, но неприятельские люди остановились, и к стенам один конный поскакал. Это был русский дворянин Александр Хрущов с грамотами о том, что в Запольском Яме между Стефаном Баторием и Иваном Грозным заключен мир.

Первоначально Грозный хотел отдать Речи Посполитой русские города: Великие Луки, Заволочье, Велиж, Невель и даже Холм, что стоял на полпути от границы до Великого Новгорода, а также 66 городов в Ливонии, желая сохранить за собой несколько других ливонских городов. При сём Грозный называл всю Западную Европу Италией и возмущался:

— Король-де называет меня фараоном и просит у меня 400 000 червонцев, а фараон египетский никому дани не давал!

К счастью, на совещании с боярами было принято решение русские города не оставлять. Согласно мирному договору Российское государство теряло Ливонию, Полоцк и Велиж. Таким образом, вся пролитая за десятилетия войны кровь, все усилия русских полководцев и воинов оказались напрасными. Война, на которую были затрачены неисчислимые жизни и средства, война, ставшая предлогом для отказа от борьбы с Крымом и дававшая поводы к массовым репрессиям, война, бывшая делом жизни Ивана Грозного и позволившая лизоблюдам-историкам многие столетия воспевать его полководческий дар, — эта война

кончилась пшиком.

Речь Посполитая получила благодаря политике Грозного первоклассную армию, завоевала новую славу, приобрела бóльшую часть Ливонии и земли в верхнем течении Западной Двины. Конные полки Христофа Радзивилла, Филона Кмиты и Михаила Гарабурды беспрепятственно прошли до Верхней Волги, разведывая пути, по которым шляхта пойдёт в Смутное время.

Только величайшее мужество русских людей, умиравших с оружием в руках на стенах городов, отданных Грозным на растерзание врагу, только патриотизм, военное искусство и отвага защитников великого Пскова на время задержали интервенцию в истощенную страну.

Чаша страданий этим не исполнилась. Одновременно с поляками в 1581 году вели наступление шведы. Делагарди взял крепости Лоде, Фиккель, Леаль, Габзель. Осенью пала Нарва, где стояли насмерть семь тысяч русских ратников. В ноябре был взят Вейсенштейн. В начале 1582 года Делагарди вторгся на Русь. Один за другим пали брошенные на произвол судьбы, ослабленные опричной резней Ивангород, Ям, Копорье. Только Орешек держался, отбив два приступа неприятеля.

Иван Грозный не думал ни как следует защищать, ни тем более отбивать потерянные русские города, а вместе с ними и Балтийский берег, к которому он на словах столь стремился. В мае 1583 года на реке Плюсе со Швецией было подписано перемирие, отдающее неприятелю исконные русские земли на побережье Финского залива и в Карелии. Война под руководством Ивана Грозного привела не к расширению выхода России в Балтийское море, но к практически полной потере уже имевшегося до войны выхода[36].

Эпилог

Не успев подняться на ноги, зашатался русский богатырь и пал на сыру землю, обессиленный кровопусканиями, задушенный налогами, как язвами покрытый большими и маленькими Грозными. Чем более слабел народ, тем лучше чувствовали себя разнообразные мерзавцы «опричники» — то есть «отличные», «избранные». В 1581 году, в пору страшных испытаний, их усилиями были введены «заповедные лета», когда уход крестьян от хозяев был запрещён, сделан крупнейший шаг к крепостническому бесправию.

Израненную Россию, как тяжко больного человека, ожидал кризис. Это было Смутное время. Что несло оно: смерть, распад столь трудно зачатого и медленно выраставшего государства? Или страна ещё найдет в себе жизненные силы и богатырь вновь поднимется на ноги, залечит раны Великого разорения, выдавит опричные гнойники? Современники ещё не знали об этом. Но наряду с самыми гнусными злодействами они видели самозабвенные подвиги истинных героев Святорусской земли, позволявшие народу сохранить веру и надежду.

* * *

Иван Петрович Шуйский пережил Ивана IV. Этому способствовало, вероятно, то, что во время последних зверств Грозного, вплоть до 1584 года, воевода оставался во Пскове, на достаточном удалении от двора. Угнетённый физическими и психическими болезнями, гниющий заживо Иван IV умер внезапно. Его то ли хватил удар в бане, то ли придушили недорезанные прихвостни. Согласно завещанию, которое царь не успел изменить, Шуйский был назначен в ближнюю Думу к наследнику, царю Фёдору Ивановичу. Везде, и в Пскове, и в Москве, куда Иван Петрович вернулся в 1585 году по случаю коронации Фёдора, прославленный воевода пользовался любовью и признательностью народа.

Со смертью Ивана Грозного не исчезли его выкормыши, тайные и явные опричники, остались воспитанные в лютой придворной грызне за жизнь и лучший кусок чиноначальники, искалеченные нравственно люди, готовые на всё в схватке за власть, ненавидящие честь и доблесть, распалённые враги добродетели. За внешним миром и благополучием продолжалось ожесточенное преследование всех, кто казался опасен этой банде.

Шуйский значился в чёрном списке одним из первых. По доносу слуги он был схвачен, нагло и безвинно осужден и сослан в Белоозеро. Вознёсшийся в опричнине Борис Годунов со своими приспешниками не мог позволить себе открыто казнить человека, столь прославившего себя на защите Отечества. В Белоозере Иван Петрович Шуйский был тайно убит.

Репрессии продолжались. На Русь неотвратимо надвигалось Смутное время гражданской войны и иностранной интервенции.

notes

Использованная литература

1

Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. Киев, 1989. С. 67, 73–74.

2

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». СПб., 1913. С. 13–14 и др.

3

Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1977. Т. 1. Ч. II. С. 380, 394, 402.

4

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 15–17; Царственная книга // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 485–488; Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 120–128; Александро-Невская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 178–181.

5

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 17–44.

Там же. С. 118–119, 125; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 95, 97–100, 102–103, 107–109 и др.

7

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 463.

8

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 116–119.

9

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 6–10, 44–46, 58–60, 66–67.

Там же. С. 46–57.

11

Там же. С. 67–75; ПСРЛ. СПб., 1904. Т.13. 4.1. С. 286–290, 295; ПСРЛ. Т. 13. 4.II. С. 303–306; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 53–56; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. 1 Борьба в Ливонии; Зутис Я. Я. К вопросу о ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. 1952. Т.9. № 2; Очерки истории СССР. С. 371–373.

12

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 75–76, 86–99; Псковская I летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 311–312; Прибалтийские хроники: 1) Рюссов // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880. Т. 2. С. 389–395; 2) Ниенштедт // Там же. Рига, 1881. Т. 4. С. 29–31; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 56–62; Очерки истории СССР. С. 374–377.

13

Князя А. М. Курбского «История о великом князе московском». С. 79, 86, 99–114, 188–194; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический источник. С. 61–67; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 102.

14

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 143–144, 157–160.

15

Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 81, далее цит. с. 121.

16

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1843 (репринт: М., 1989). Стлб. 33–34.

17

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. М., 1989. Кн. 1.С. 20–21.

18

Костомаров Н. И. Автобиография // Костомаров Н. И. Литературное наследие. СПб., 1890. С. 61–62.

19

См.: Хлебников Л. М. Сожженная диссертация // Вопросы истории, 1965. № 9. С. 213–215.

20

Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Кн. 1. С. 19–20, 6.

21

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 90–94, 97.

22

Лихачев Д. С. На пути к новому литературному сознанию // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 9, ср. с. 6, 10–11. Далее цит. с. 11, 6.

Дилемма Курбского // Новое время. 1990. № 36.

24

Об Артемии и его товарищах см.: Богданов А. П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. Глава I.

25

См.: Богданов А. П. Тень Грозного // Знамя. 1992. № 12. С. 218–234.

26

Рассказ о Казанской войне, её героях и судьбах воевод ведётся по следующим основным источникам: Царственная книга // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 409–532; Александро-Невская и Лебедевская летописи // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 117–355; Князя А. М. Курбского «История о великом князе Московском». СПб., 1913 (и др. изд.); Казанский летописец // ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19; Казанская история. М.; Л., 1954; Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1990; Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Ч. II–III. М., 1977–1978. Т. II. Ч. I. М., 1981. См. также исследования: Трофимов. Поход на Казань, её осада и взятие в 1552 г. Казань, 1890; Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани в 1552 г. // Инженерный журнал. СПб., 1898. № 8. Отд. I. С. 1021–1055; № 9. С. 1149–1178. Веселовский С. М. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Веселовский С. М. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // Труды МГИАИ. М., 1954. Т.6; Тихомиров М. Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; и мн. др.

27

Исторические источники, положеннные в основу рассказа в этих главах, опубликованы: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. I. Ч. II. С. 281, 291, 295, 298, 310, 315, 316, 345–346, 371, 377–378, 388–389; М., 1978. Ч. III. С. 8–9, 18–20, 27–28, 33–41, 45–48, 53–68, 101–105, 113–137, 157; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 70, 72, 105; Александро-Невская летопись // Там же. С. 145, 167–171, 201–203, 211; Лебедевская летопись // Там же. С. 224–225, 227, 238–239, 242, 246, 248, 252–253, 259–261, 265, 275–284, 298–314, 337–339, 347; Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С.76; Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990; Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 144–169, 273–281, 289–293, 344–347 и др. См. также исследования: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. С. 490–495, 541–542, 553, 561, 598–599; Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. I. С. 67–69; СПб., 1900. Т. 2. С. 560; СПб., 1911. Т. 23. С. 166–176; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 107, 127–128, 149, 256, 298, 342, 372, 375, 462.

28

Использованные в главе материалы опубликованы в работах: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. I. С. 91–119; Садиков П. А. Поход турок и татар на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. М.; Л., 1947. Т. 22. С. 132–166; Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962; Русский биографический словарь. Т.18. С. 376–378; «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 44; Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб, 1868. Изд. 3-е. С. 316–317, прим. 126; Мурзакевич Н. Н. [«Книга история о приходе турецкаго и татарскаго воинства под Астрахань»] // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. 8. С. 479–488; Лызлов Андрей. Скифская история. М., 1990. С. 112–113, 250–251; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С.107–108, 138–139, 151, 155, 156, 266, 288–293, 364, 382, 436; Разрядная книга 1474–1605 гг. М., 1978–1981. Т. I–II и др.

29

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1964. Кн. III. С. 619–633; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1. Борьба за Ливонию. СПб., 1893.

30

Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С. 116–143.

31

Памятники… С. 405–406; Соловьев С. М. История… С. 645–646, ср. с. 633–645.

32

Соловьев С. М. История… С. 646 и прим. 105, С. 647–650; Памятники… С. 108–121; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I. Ст. 490–493; Книга посольская великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 гг.). М., 1843; Книга посольская Метрики Литовской. М., 1843. Т. II; Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1882. Т. IV. С. 49–51; Донесение князя Александра Полубенского // Труды Десятого Археологического съезда в Риге, 1896 г. М., 1900. Т. 3. С. 117–138; Поражение москвитян и осада города Вендена // Чтения в обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1847. № 3. Отд. 3. С. 1–6; Monumenta Livoniae antiquae. Riga; Dorpat; Leipzig. Bd. I. 1837. S. 286 etc.; Bd. II. S.79 etc.

33

Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582). Пер. с лат. СПб., 1889; Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570–1582). СПб., 1904; Соловьев С. М. История… С. 652–663; Памятники… С. 400–421, 174–217; Зборовский Я. Дневник взятия замков: Велижа, Усвята, Великих Лук — в письмах Яна Зборовского, кастеляна Гнезненского, к Петру Зборовскому, воеводе Краковскому // ЧОИДР. 1897. Кн. I. Отд. 3. С. 1–17; Дневник осады и взятия Велижа, Великих Лук и Заволочья с 1 августа по 25 ноября 1580 г., веденный Лукою Дзялынским, старостою ковальским и бродницким // Там же. С. 17–68; Korzon T. Deje wojen i wojskowosci w Polsce. Krakov. T. II. 1912. S. 47 etc.

34

Дальнейший рассказ об обороне Пскова основан прежде всего на показаниях участников событий. Первый из них — пскович иконописец Василий, автор «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» (М.; Л., 1952; Русские повести XV–XVII веков. М.; Л., 1958. С. 124–166, 296–330; Памятники… С. 400–477). Его дополняет и уточняет секретарь Стефана Батория, приближенный канцлера Я. Замойского Рейнгольд Гейденштейн (см. выше, прим. 6), а также младший секретарь королевской походной канцелярии Ян Пиотровский: Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка, главным образом к заключению Запольского мира / Издал М. Коялович. СПб., 1867; То же, перевод с польского О.Р. Милевского. Псков, 1882.

35

Русские и иностранные источники рассказывают, что, придя после Новгородской резни во Псков, Иван Грозный велел грабить горожан, церкви и монастыри, сам же хотел благословиться у юродивого Николы; «блаженный же, поучив его много ужасными словесы, еже престати от велия кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя божия церкве» (Псковская летопись). По словам автора Сокращенного временника, Никола сказал: «Не замай, минухне, нас и поиди от нас, не на чем тебе будет бежати, — ив тот час паде царев аргамак лутчей, и тако от Пскову отъиде царь скоро» // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III. С. 262; СПб., 1848. Т. IV. С.343–344; Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. II. С. 147; и др.). Подвиг Николы с благодарностью вспоминали многие поколения псковичей.

Шаскольский И. П. Была бы Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского края // Исторические записки. М., Кн. 35; и мн. др.

37

Modrzewski. Commentatorim De Republica emendanda libri quinque. Warszawa. 1953. S. 36–37.

comments

Примечания

1

Древнерусский Юрьев, переименованный немцами в Дерпт — современный г. Тарту в Эстонии.

2

В XVI веке на Руси считали лета от Сотворения мира, каждый новый год с 1 сентября. Я для читателя перевожу года на счет от Рождества Христова. — *Авт.*

3

Колывань, датско-немецкий Ревель — современный г. Таллинн в Эстонии.

4

Курбский намеренно забывает известную ему историю Древнего Рима.

Т. е. всего погибло от 17 500 до 52 500 человек, в среднем — 35 000–36 750 человек, не считая особо массовых казней.

6

Обжа — мера налогообложения.

7

Помещика, которому принадлежала эта деревня.

8

Главный воевода Государева двора, т. е. главнокомандующий войск Московского государства.

Т. е. ранним утром: часы дня считали с рассвета.

10

Старый товарищ Шуйского воевода Дмитрий Иванович Хилков-Ряполовский был уже казнён, тело его брошено псам, имения конфискованы.

11

Муравский, Изюмский и Калмиусский шляхи — наиболее удобные пути по водоразделам из Причерноморья и Приазовья на Русь.

12

Сакма — путь конного отряда в Степи.

13

Упоминание отчества с «вич» на конце считалось привилегией знати, об остальных говорили: Иван Иванов сын; к человеку обращались «Иван Иванович», когда хотели выразить особое уважение.

14

Места — чины и должности, занимаемые представителями одного рода по сравнению с другими фамилиями. Занятие меньшего места считалось «порухой чести», ибо впоследствии представители рода не могли назначаться на более высокие места, «утягивались» иными родами на более низкий уровень на основании такого «местнического случая».

15

За эти хохлы, т. е. волосы на макушке, ангел смерти уносил душу правоверного мусульманина, павшего в бою, прямо в рай.

16

Епанча — большой, сшитый плащ из грубого сукна или шкур для защиты всадника и коня от непогоды; в широком смысле — верхняя одежда.

17

Отправка отличившегося «в гонцах» была формой походной награды: после доклада в Москве или пограничных городах гонец получал честь и пожалование в зависимости от важности сообщения, часто значительное.

18

Объявительные грамоты писались в Москве в ограниченном количестве экземпляров, но в каждом уездном городе переписывались для рассылки в мелкие города и сёла, а оттуда — в деревни.

19

Ертоул — сторожевой полк или отряд.

20

«И по Иване Шереметеве стреляли ис пищалей и из пушек, и погладило боярина Ивана Шереметева ядром по уху», — замечает царская разрядная книга, куда записывались назначения и службы высших чинов.

21

Вероятно, речь идёт об Иване Васильевиче Шереметеве Меньшом, упоминавшемся ранее.

Эта оценка, как и диалог, помещены в «Истории» Курбского.

23

Супруга Ивана Васильевича Ефросиния Ивановна, в девичестве Жулебина, скончалась в декабре 1567 года, приняв постриг под именем Евдокия.

24

Речь идёт прежде всего об Иване Васильевиче Шереметеве Меньшом, одном из храбрейших и честнейших полководцев Руси XVI века, с которым царь не преминул «поделиться» собственной виной.

25

Сын Сулеймана Великолепного и его любимой жены Роксоланы.

26

Яныш Тенаев оправдал доверие: сумел ускользнуть из Кафы и уже 28 мая 1569 года незамеченным проник в резиденцию русских послов, переведённых в город Кальян. Его сведения были немедленно переправлены в Москву.

27

От внимания русских послов не ускользнуло ни одно совещание в ставке крымского хана и османского беклербега. До выступления крымско-турецкого войска в поход и ареста послов в мае 1569 года Афанасий Фёдорович Нагой и Фёдор Андреевич Писемский сообщили в Москву подробный, перепроверенный по многим источникам план кампании, точное количество и состав войск, имена и звания военачальников, подробную опись вооружения и снаряжения, включая наличие сапог и кафтанов. В посольских отчётах были конкретно указаны сторонники Порты и Крымского ханства в русских владениях, на Кавказе и в Туркестане, детально передано содержание их переговоров в Крыму.

28

Даже в героической истории русской военной разведки выделяются искусство и отвага действовавшего в строго охраняемой Кафе русского военного разведчика Ивана Григорьева, сумевшего добыть подробнейший, разбитый по переходам план наступления турок на Переволоку. Его товарищ татарин был схвачен турецкими тайными агентами-ассасинами, но хорошо продуманная «крыша» помогла — крымские власти вызволили заключённого. Ценные сведения для русской разведки доставляли рабы-славяне, а также армяне, евреи и другие угнетённые народности Крыма.

29

Позже он объяснял это страхом перед великим визирем Соколлу.

30

Иван Грозный был даже более предусмотрителен: укрепив Вологду, он спрятал казну ещё дальше, в Кирилло-Белозерском монастыре, а сам начал упрашивать королеву Елизавету I Тюдор предоставить ему с семьёй политическое убежище в Англии.

31

Его принёс на русский посольский двор в Стамбуле Мухаммед Челеби.

32

Здесь следует учесть своеобразие представлений Ивана Грозного, считавшего лучшим человеком раба. Действительно, в Польше крепостное право достигало уже такого уровня жестокости, что когда, по словам современника, шляхтич убивал холопа, то говорил, что убил собаку, ибо всех крестьян считал за собак[37].

33

Эти сетования раздаются уже после Молодинской победы, о которой царь совершенно не упоминает.

34

Пропустивший врага к Москве в 1571 году И. Ф. Милославский был помилован — царь казнил за «измену» князя М. И. Воротынского, разбившего хана при Молодях в его повторном набеге на Москву (1572).

35

Переговоры о доставке «дородной» и «сличной» девки царь упорно вёл также с Англией, невзирая на то что был женат.

36

«Истинный раб» — высшая оценка человека в понимании Ивана Грозного.

Здесь, как обычно, самомнение шляхты превосходило её познания в истории.

38

Как то: кувшинов, горшков и прочих сосудов, начинённых порохом, обмотанных просмолённым тряпьём и взрываемых запалением фитиля.